

УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года **№3 (16) 1999 год**

Журнал "Чело" благодарит председателя
Комитета по культуре, кино и туризму Новгородской
области Ю.А. Шубина за помощь и поддержку.
Низкий поклон и добрые пожелания

СОДЕРЖАНИЕ:

РОДНИКИ

Алексей ПШАНСКИЙ - Дорога к храму	2
Александр ГРЕКОВ, Валентина ГРЕКОВА - Ковалевская роспись XIV века	10
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ - Немного о Николае Александровиче Чернышёве	18

ЭХО

Владимир ВАРНАЕВ - Бысть сеча зла	22
Сергей ЛОБАЧЕВ - Преосвященный митрополит	32
Наталья МОРЫЛЕВА - Ватагино и его владельцы. Из прошлого одной усадьбы	37

НОВГОРОД

Валентина КОВАЛЕВА - Чудо на Нередицкой горе	40
Татьяна ДАНЬКО - Вода, фонари и другие заботы Управы	45
Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Золотой век новгородской реставрации	50

СЛОВО

Александр ИСАЧЕНКО - Если бы Новгород одержал победу над Москвой	54
Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ - Первые учебники высшей школы в России были рукописными	58
Валентина РУКАВИЧНИКОВА - Розыскное дело о трагедии «Вадим Новгородский»	64

ПЕРО

Алексей ПШАНСКИЙ - Стихи	69
Йозеф фон ЭЙХЕНДОРФ - Стихи в переводе Ирины Назаровой	71
Владимир ИСАКОВ - Пародии по существу	75
Андрей РИСКИН - Любишь море - смотри с берега	78
Иван ИВАНОВ - Дезертир	83

АРХИВ

Алексей ПШАНСКИЙ - Форум Великого Новгорода	97
Иван МУЛЛОНЕН - Ингерманландские финны на Новгородчине	102
Лидия ГЛЫЗИНА - Фотография начинает рассказывать	106
Ирина САВИНОВА - Возвращенное мгновение	107
Владимир ТЮРИН - Живые письма	109

ЗЫБКА

Тамара СИГАЛОВА - Стихи	111
-------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Анатолий ДОНЧЕНКО
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Иван ИВАНОВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Николай КУРМЫШЕВ
Наталья МОРЫЛЕВА
Александр НИКАНОРОВ
Юрий ПОЛЯКОВ
Алексей ПШАНСКИЙ
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Владимир СОРОКА
Владимир ТЮРИН
Владимир ХРАБРОВ
Валентин ЯНИН
Владимир ЯРЫШ

К 90-летию лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля искусств РФ, кавалера ордена Дружбы, почетного гражданина Великого Новгорода Александра Петровича ГРЕКОВА

ДОРОГА К ХРАМУ

Давно уже, лет 15 назад, был у меня в гостях режиссер из Ярославля, Виктор Александрович Давыдов – интереснейший человек, умница, эрудит. По молодости, как мне рассказывали, он подрабатывал тем, что писал состоятельным тупицам диссертации на самые разные темы, а на вырученные деньги кормил потом своих студентов. В Новгород он попал впервые, и три или четыре дня я таскал его по всем известным мне на тот момент интересным уголкам города, ну, и рассказывал (не столько я ему, сколько он мне). По завершении наших прогулок он сказал:

– Спасибо вам за интересные экскурсии. Не хочу остаться в долгу – позвольте теперь я покажу вам то, чего вы в Новгороде еще не видели.

И повел меня – в Кремль, за угол родного театра, мимо Софии и державинского надгробия, под Сергиевскую арку... Так впервые, благодаря Виктору Александровичу Давыдову, я оказался в реставрационной мастерской Грековых.

Все объяснялось просто: они, оказывается, были знакомы еще по Ярославлю. Позже Давыдов рассказывал мне легенды, коими обросла незаурядная личность Александра Петровича Грекова в городе на Волге, но это позже. А в тот момент я был занят исключительно созерцанием мастерской. Конечно же, к тому времени я уже слышал эту фамилию – Грековы; но здесь был именно тот случай, когда «лучше один раз увидеть...»

Мастерская представляла собой длинное полуподвальное помещение с узким проходом между двумя рядами больших столов. За столами слева десятка полтора молодых людей занимались чем-то, очень похожим на детскую игру в мозаику. На столах справа на щитах, напоминавших громадные прутивни, лежали уже частично собранные композиции: в хаотично,

казалось бы, насыпанных небольших кусочках штукатурки угадывались лики, нимбы, складки одежды, руки. Черные пятна лакун, ясно видимая раздробленность целого создавали ощущение хрупкости, даже эфемерности из небытия возрождающихся фресок.

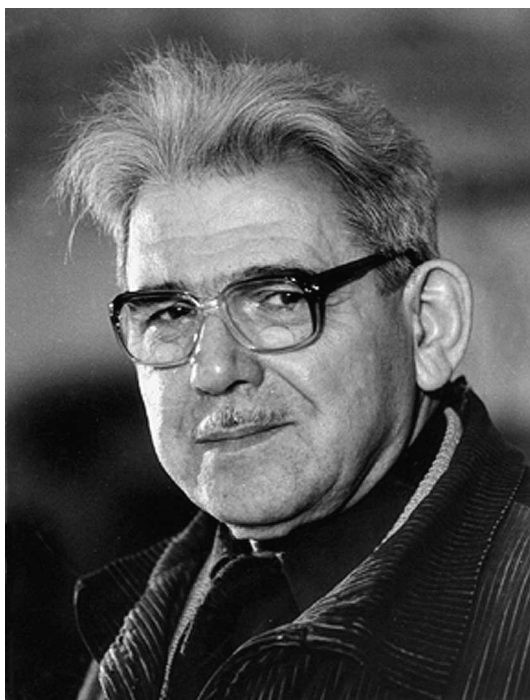
Валентина Борисовна Грекова, поздоровавшись, познакомившись и выполнив все формальности радушного приема, тут же вернулась к работе, а Александр Петрович водил нас по мастерской (в которой оказались еще два не-

больших помещения, сплошь заставленных ящиками с битой штукатуркой и стеллажами с «противнями»), и рассказывал.

Церковь Спаса Преображения на Ковалеве, в числе многих других монастырских храмов, оказалась во время войны на передовой (по Малому Волховцу проходила линия обороны), и была буквально расстреляна немцами. На месте, где сегодня гордо возвышается при въезде в город отреставрированный (а точнее сказать, вновь отстроенный) Ковалевский Спас, еще в начале 1960-х годов можно было увидеть лишь бесформенные, поросшие кустарником руины. Там же, в завалах, находилась и уникальная фресковая роспись XIV века, в мелкий щебень разнесенная снарядами и минами. В 1965-1969 годах 350 м² бесценной живописи в виде обвалившейся штукатурки были из-

влечены из-под завалов, доставлены в помещение Духовного и Судного приказов, и с самого начала работ люди, вооруженные лишь несколькими довоенными фотографиями и описаниями, изо дня в день, скрупулезно и бережно подбирая кусочки к кусочку, реанимируют искусство безымянных мастеров далекого XIV столетия.

Мало кому или чему удавалось в этом мире обрести вторую жизнь. И уж совсем почти никому и ничему – третью. В этом

Александр Петрович Греков

Петр Петрович (в центре) и Ольга Петровна (крайняя справа) Грековы — дед и бабушка А.П. Грекова, и их дети (слева направо): Петр, Александр, Владимир и Наталья. 1898 г. (?)

смысле ковалевским фрескам повезло. Впервые свет они увидели в 1380 году, когда храм был расписан «повелением раба Божия Офанасия Степановича и подружки его Марии». Второй раз – в результате реставрационных работ 1910-1912 и начала 1920-х годов под руководством Н.П. Сычева, когда эти же фрески, ранее забеленные, были раскрыты. Сегодня они рождаются в третий раз. Перефразируя храмовую летопись – усердием «Александра Петровича и подружки его Валентины».

Посещение грековской мастерской осталось одним из самых сильных моих новгородских впечатлений, – ничего подобного до тех пор я не видел. Да и не только я, ибо то, чем занимаются супруги Грековы – явление уникальное, беспрецедентное, более того, само по себе являющееся прецедентом для подобной работы (которая, кстати, уже ведется с фресками храма Успения на Волотовом поле). Легко можно представить себе отреставрированный, и даже вновь отстроенный в прежних формах храм. Можно понять и реставрацию поврежденной или забеленной живописи. В конце концов можно было бы, наверное, и заново расписать храм в определенном стиле. Но взяться за безнадежное дело возрождения из кучи строительного мусора (на которую все рукой махнули) шедевров древней живописи, давно уже пущенных войною в расход, и сделать его вопреки всему главным делом своей жизни – это уже не просто реставрация, это подвижничество. А на подвижниках, как известно, Земля держится.

Великий Новгород вообще удивительный город, во многих отношениях. Но более всего меня поражает в нем какая-то сверхъестественная способность к регенерации, способность самовосстанавливаться и оставаться самим собой после самых страшных и, казалось бы, смертельных ударов. Я говорю даже не о многократных его возрождениях из руин и пепла, – это дело рук человеческих, и город (во все времена) это прежде всего люди. Именно люди, в данном случае новгородцы. Но о каких настоящих, коренных новгородцах может идти речь после погромов и выводов обоих Иванов Васильевичей, после шведского разорения, после, наконец, последней войны, когда в городе практически не осталось населения? Ясно ведь, что

большинство сегодняшних жителей Новгорода имеют корни свои где-то в других областях нашего необъятного Отечества. И тем не менее этот город способен каким-то непостижимым образом сам создавать новгородцев, не только по прописке, но и по духу – настоящих, истинных своих патриотов. Чем уж это объяснить – душой ли его, затаившейся где-то в глубинах культурного слоя, или благословением всех его 116 святых – не знаю; но москвич Янин, ленинградка Шуляк, курянин Поветкин, москвичка Грекова со своим супругом, и еще многие и многие другие, все они – новгородцы, в самом высоком значении этого слова.

Из вышеназванных новгородцев Александра Петровича Грекова, наверное, сложнее всех было бы определить по географической принадлежности. О нем можно было бы сказать и «ярославец», и «парижанин», и «петербуржец», и «царьградец», и все это было бы верно. Жизнь его, особенно в доновгородский период, сильно смахивает на приключенческий роман – и благородным происхождением главного героя, и долгими скитаниями, и сопряченностью узловым событиям истории.

Александр Петрович Греков, потомственный дворянин, родился 30 августа (по ст. ст.) 1909 года в Санкт-Петербурге. Что интересно: родился он примерно в то время, когда в церкви Спаса на Ковалеве начинал реставрацию Н.П. Сычев, так что Александр Петрович и расчищенные от побелки ковалевские фрески увидели свет почти одновременно. Происходили Грековы с Дона, из казаков станицы Старочеркасской. Как гласит семейное предание, один из предков по этой линии участвовал еще в Персидском походе Петра. Предок по другой линии (бабушкиной) – из обрусевших поляков – также обрелся при дворе нашего первого императора. Прадед (по бабушке) – известный историк и этнограф Павел Аполлонович Ровинский, много лет прослуживший в посольстве в Черногории. Дед по отцу – командир лейб-гвардии Атаманского полка (что по классу соответствовало чину генерал-майора). Как можно заметить, будущий Почетный гражданин Новгорода рос в семье вполне благополучной. Зимой жили в столице, на лето выезжа-

Петр Петрович Греков, командир лейб-гвардии Атаманского полка — дед А.П. Грекова по отцовской линии. 1906 г. (?)

ли в Мишкину Пристань – главное имение Грековых близ села Гусёвка Камышинского уезда Саратовской губернии, или в Павловск, где дед, лейб-гвардии полковник, в свое время приобрел дачу. Два двухэтажных дома по 9-10 комнат в каждом, парк, два пруда, большая дружная семья, няня – фактически член этой семьи... В то безоблачное время под влиянием жившей с ними тетки, Натальи Петровны (художницы, ученицы Петрова-Водкина и некоего монаха-иконописца), в Александре Петровиче пробудился интерес к живописи вообще и к иконописи в частности. Тогда же он и сам начал рисовать.

Революция застала их в Гусёвке. Отец, инженер путей сообщения, тут же приехал за ними из Питера. И, хотя местные крестьяне прекрасно относились к Грековым и не только не громили «барского имения», но, напротив, уговаривали их остаться, отец все-таки перевез семью в Павловск. Там он продолжал работать по специальности до начала 1919 года, когда местные власти потребовали от него вступления в ряды РКП(б). Отец отказался, и семье пришлось в срочном порядке покинуть Павловск, оставив на няню все свои дома и пруды.

В Риге, куда они уехали, отец продолжал служить по своему ведомству, и все было сносно (хотя и голодно), покуда латыши не затеяли кампанию по отъединению от России. Грековы выехали из Риги, и начались тут их скитания по широким просторам родины, сперва в одном товарном вагоне, потом – аж в двух. Ехали ведь всей семьей, целым «табором»: отец, мать, бабушка, две тетки, семеро детей. Двигались по беспокойной стране медленно, в сторону своей Гусёвки. В городе Балашове задержались. Отец устроился там на работу (в те времена у инженеров путей сообщения вопросов с трудоустройством не возникало), а весь свой «табор» устроил в тех же вагонах на дальних путях станции Пинеровка, близ живописной деревушки

Петр Петрович и Зоя Сергеевна (урожденная Зайцева) Грековы — родители А.П. Грекова. 1908 г.

в нескольких верстах от Балашова. Вскоре, однако, Гражданская война догнала их и там – в город вошли белые казацкие части. И снова поехали Грековы по России – медленно, через Царицын и Новочеркасск, в Севастополь, на другую купленную тем же дедом дачу.

В Крым приехали поздней осенью 1919 года. Жили в основном на небольшой даче, одиноко стоявшей у Херсонесского маяка. Рядом была отличная песчаная бухта, и на этом пляже дети провели большую часть лета 1920 года. Сам Севастополь произвел на десятилетнего Александра Грекова неизгладимое впечатление. Один из друзей дома водил его по городу, на знаменитый Малахов курган, на братское кладбище, показывал панораму «Оборона Севастополя», бастионы, много рассказывал. «Тогда я первый раз в жизни испытал чувство патриотизма», – вспоминает сегодня Александр Петрович.

Но – последнее лето прежней России закончилось, наступила осень. Отец, предвидя дальнейшее развитие событий, решил уезжать. Погрузившись на пароход, многочисленное семейство Грековых отбыло в Константинополь, недели за две до повального исхода остатков армии Врангеля из Крыма.

Константинополь эмигрантами был переполнен, работы на всех не хватало. Однако Грековы прожили там почти 8 лет. За это время Александр Петрович закончил в Константинополе французский коллеж Сен-Бенуа. Там же состоялся его дебют в качестве реставратора. Под руководством русского художника Перова (только не знаменитого Василия, а Николая) он с еще одним художником выполнил работы по реставрации росписи католического храма в пригороде Константинополя, местечке Сан-Стефано. В том самом Сан-Стефано, где был подписан завершивший последнюю русско-турецкую войну мирный договор.

В 1928 году переехали во Францию, по сельскохозяйственному контракту. На следующий год, живя уже в Париже, Грековы повстречали своего питерского еще знакомого, морского офицера Сергея Сергеевича Мешкова. Это был человек эрудированный, талантливый, энергичный, изобретатель по призванию. На тот момент он был увлечен огнеупорами – усовершенствовал технологии, изобретал составы. Сотрудничать к себе он пригласил Александра Петровича, они друг другу понравились, и дела пошли на лад. Под Версалем они устроили

Ольга Петровна Грекова (бабушка А.П. Грекова по отцовской линии) с внуком. Лето 1912 г.

свою маленькую фабрику, – сами клали стены, Греков сумел даже печь сложить самостоятельно, и все, в общем, у них получалось. Один французский миллионер, заметив их успехи, предложил им сотрудничество на его заводе в Лотарингии. Но, когда русские эмигранты наладили производство, он объявил, что в услугах их более не нуждается. Это была их первая встреча с превратностями западного мира.

Однако предприимчивый Сергей Сергеевич присутствия духа никогда не терял, и вот вскоре, разочаровавшись в огнеупорах, они открыли свой синематограф в деревушке под Мецем, в том дремучем уголке Франции, где никогда еще не было своего кинотеатра.

– Жили мы тогда уже хорошо, – вспоминает Александр Петрович. – Вполне хорошо: у нас был свой двух-этажный дом, машина, английская мебель из красного дерева с медными украшениями...

К сожалению, в скором времени прогорело и это их предприятие: дом, машину и дорогую мебель описали. Сергей Сергеевич, огорчившись, уехал с женой в Париж, а Александр Петрович с сыном Мешкова (своим сверстником), кошкой и сотней франков остался под Мецем. Но – «нет худа без добра»: отправив кошку курьерским поездом на последние 100 франков в столицу, молодые люди устроили себе прекрасное путешествие на велосипедах из Меца в Париж – путешествие, которое А.П. Греков с восторгом вспоминает до сих пор.

Вернувшись в Париж, неутомимый Сергей Сергеевич решил заняться конструированием и сборкой радиоприемников. А с ним – и Александр Петрович. Но дело это требовало начального капитала, поскольку радиодетали стоили довольно дорого. Сначала им немного помог деньгами некий армянин, владелец русской лавки, затем предоставил кредит проникшийся к ним добрым чувством выходец из России по фамилии Швальбе. Дело расширилось, становилось доходным, у них появилась своя мастерская, занимавшая две квартиры. Жизнь налаживалась. И в один прекрасный день в мастерскую пожаловал обаятельный человек – Вальдтейфель, внук известного композитора. Всех очаровав, он взял большую партию приемников и исчез. И более не появлялся. А на его офисе красовалась надпись: «FAILLITE» (то есть банкрот).

Тут даже Сергей Сергеевич пал духом и совсем уж затосковал по России. А о России, надо сказать, они никогда не забы-

вали, и самым большим желанием их было не выжить во Франции, а вернуться в Россию. По этой же причине Сергей Сергеевич отказал американцам в продаже им своих военных изобретений. Крах последнего предприятия подтолкнул к решительным действиям, и они отправились в советское посольство (к тому же послом СССР во Франции был тогда В.П. Потемкин, хороший знакомый Грекова-старшего). Военный аташе отнесся к ним весьма заинтересованно, тем более что Сергей Сергеевич, в качестве аргумента в свою пользу, предложил все свои военные изобретения передать Советской России. Порешили на том, что сперва на родину вернуться только они вдвоем (Сергей Сергеевич и Александр Петрович), а потом уже члены их семей, если захотят. На том и расстались.

Долгое время разрешение не приходило, они уже беспокоиться начали – все ли в порядке. Наконец, пришло. Но на одного только Мешкова! Он, окрыленный радужными надеждами, уехал в СССР, а Греков остался в мастерской в единственном числе, без видимых перспектив и с огромным долгом (еще

за Вальдтейфеля). Через некоторое время пришло указание ехать в Союз также Евгении Александровне, супруге Мешкова, и их сыну.

– Вы представляете мое состояние, – говорит Александр Петрович, – когда все они уехали, а я, еще со времен Константинополя мечтавший о возвращении в Россию, остался один в огромной квартире!

А пока он во Франции постигал все вышеперечисленные

В имении Грековых на хуторе Мишкина Пристань. Слева направо: К.С. Петров-Водкин, его жена, Н.И. Рихтер (директор Санкт-Петербургской консерватории), О.П. Грекова; крайняя справа – Н.П. Грекова (тетка А.П. Грекова, ученица Петрова-Водкина); слева от нее – З. С. Грекова с сыном Александром. Остальные – соседи и дальние родственники Грековых. 1912 г.

профессии (скорее всего, в период увлечения огнеупорами), в далекой Самаре родился еще один будущий Почетный гражданин Новгорода – Валентина Борисовна, впоследствии Грекова. Вообще-то родиться она должна была в Москве, но отец, историк древнерусской литературы, доцент Московского пединститута, в это время читал лекции в Самаре, мать поехала с ним, – так все и получилось. Через семь лет, 8 марта 1938 года, отца забрали. Осудили по 58-й, пункт 10, за якобы подготовку покушения на тов. Сталина во время его предвыборного выступления. Дали десять лет «без права переписки». О том, что отца расстреляли, Валентина Борисовна узнала совсем недавно (хотя и так всегда знала). А в 1953 году вместе с реабилитацией просто пришло сообщение, что он «умер» в 1943 году.

Между тем осенью 1939 года началась «странная война» с Германией. Александр Петрович, как и многие другие русские

А.П. Греков — доброволец действующей французской армии. 1940 г.

эмигранты, добровольцем пошел во французскую армию, в надежде, что Россия будет на стороне Франции. В конечном итоге так и оказалось. Но на тот момент все было несколько иначе, что сильно обескуражило и разочаровало русских солдат французской армии. И когда им предложили закончить офицерские курсы, все они, как один (в их числе, кстати, и сын адмирала Колчака), отказались, опасаясь, что — как знать? — может быть, придется тогда воевать и против России.

Весной 1940 года «странная война» переросла в самую обычную, то есть грязную и кровавую. Немцы, захватив Голландию и Бельгию, прорвали фронт у Седана, и началось — окружение, бегство... Греков с группой солдат своего полка к середине июня оказался значительно южнее Парижа. Пробирались на юг с трудом — все дороги были запружены толпами беженцев, телегами, машинами. На одном из перекрестков попали под авиаобстрел. Александр Петрович вдвоем с каким-то французом прорвались было вперед на велосипедах, но в итоге их все равно задержали эсэсовцы, постреляли имитацией расстрела, и продержали потом оставшуюся часть лета вместе с другими пленными на аэродроме недалеко от Дижона. Ближе к осени, объявили, что всех их отправляют в Германию.

Так Александр Петрович Греков попал в лагерь для военнопленных «17 б», в Кремсе, в Австрии. Где и пробыл до конца войны. Конечно, это был, мягко говоря, не Освенцим: теплые, добротные бараки, соблюдение всех гигиенических норм, разрешались даже посылки из дому. Было, правда, голодно, немного, но терпимо. Днем их рассылали на различные работы, к вечеру они возвращались — и так все 5 лет.

Когда война началась и в России, Валентина Борисовна вместе со своей школой была эвакуирована из Москвы, сперва в Рязанскую область, потом — за Молотов (Пермь). Туда же к ней приехала мать, и там прожили они до осени 1943 года. Войны там не было, и места красивые, особенно зимой. Да и летом тоже: лес, грибы, ягоды. Но летом школьникам приходилось работать в колхозе, да еще и как работать! «Сейчас я, — говорит Валентина Борисовна, — той детской нормы бы не выполнила». Ставили детей на самые разные работы: сажать, полоть, окучивать, ворошить и сгребать сено, вязать снопы, навоз разносить. Попробовали даже как-то за плуг поставить, но это просто уж физически не вышло. А ведь было тогда Валентине Борисовне 11-12 лет. Но, поскольку есть каждый день хотелось, приходилось и нормы выполнять. Зато эвакуация, как она считает, сделала ее выносливой, дала закалку на всю жизнь, научила работать по-настоящему.

А в это время город Новгород Ленинградской области интенсивно бомбили и обстреливали, а с ним и Спас на Ковалеве. И рушились его стены, но прежде стен сыпалась вниз разбитая штукатурка — те самые фрески.

После Сталинграда к французским военнопленным немцы стали относиться еще лояльнее. До такой степени, что им позволялось даже сочетаться законным браком. Будучи в плену, Александр Петрович познакомился с девушкой из Белоруссии, советской учительницей, и в 1944 году они поженились. В мае 1945 года главный инженер стройки, на которой Греков работал, командировал его и еще пару человек в Тироль, зачем — непонятно, но с собой дал им бочонок с повидлом для передачи по дороге родственникам. В Тироле их и «взяли» американцы. Первой акцией союзников был осмотр личных вещей и изъятие всего наиболее ценного (мародерство иными словами). После этого обобранные французы уселись в конфискованный у немцев автобус и отправились в сторону Франции. И Александр Петрович с молодой женой оказался, наконец, в Париже, где их встретила мать, близкие, и где войну уже можно было только вспоминать.

А в Москве тем временем Валентина Борисовна получала среднее образование. Рано сумев понять, что дочери «врага народа» в жизни придется нелегко, она научилась надеяться только на себя. До 8-го класса училась «так себе», и классная руководительница настаивала на ее переводе в ремесленное училище. А школу закончила Валентина Борисовна почти с серебряною медалью (не хватило одной пятерки). В первый год после школы в университет не поступила — шлейф биографии мешал. Жили с матерью вдвоем, материально было туго. Мать, редактор издательства Академии наук, приносила иногда подработку — сверку машинописных текстов... На следующий год на искусствоведческое отделение снова не взяли, — удалось попасть только на общесторическое (к глубокому изумлению бывшей классной руководительницы — исторички), да и то на вечернее. Так и пришлось первый курс заниматься на двух отделениях — со второго перевели на искусствоведческое. Параллельно она посещала и дневное отделение, ездила с «дневниками» на практику. И на жизнь кое-как успевала подрабатывать. А к концу четвертого курса уже поступила работать в реставрационную мастерскую.

По окончании войны вышел указ Сталина, гласивший, что всем гражданам бывшей Российской империи дозволено вернуться в Союз. Давняя мечта Грекова сбылась: более чем через

три десятка лет он, с женой и маленьким сыном, вернулся, наконец, в Россию!

Жить поехали в Ярославль, где у него еще были родственники (муж тетки, родной сестры матери, работал там начальником пассажирского движения на железной дороге). Родственники не столько обрадовались, сколько испугались, что вполне понятно: они-то куда лучше ориентировались в реалиях советской жизни той поры, чем отсутствовавший 30 лет племянник. Ведь если одно уже наличие «родственников за границей» характеризовало человека крайне отрицательно, то чего уж хорошего можно было ждать, имея «родственника из-за границы»? «Шурик, зачем ты приехал?» – недоумевали они.

Однако, раз уж приехал, надо жить и где-то работать. Работать Александр Петрович мог, например, по керамике или в области радио, но такой работы для него не было. Преподавать французский язык – педагогического образования нет. А вот у жены, кстати, педагогическое образование было, но не было бумаг, его подтверждающих; и вообще она не могла преподавать как «лицо перемещенное». Сергей Васильевич (теткин муж) попытался было устроить Грекова на Рыбинский кораблестроительный завод, но там, узнав, откуда он прибыл, его, естественно, не взяли. Единственное, что долгожданное Отечество смогло ему предложить – место в мастерской по сколачиванию тары.

Долго колотил он эту тару, потом наметился карьерный рост – его взяли в бригаду плотников в строящемся доме. В этом доме надо было сделать опалубки для балконов – работу, прорабу незнакомую. Александр Петрович эту работу проделал, и благодарный прораб предложил: «У нас, – говорит, – лепщик работает, а они, лепщики, хорошо зарабатывают. Давай я тебя с ним познакомлю – может, и ты научишься». Лепщик оказался мастером по лепнине – настоящим мастером, еще царских времен. Они познакомились, подружились и стали работать вместе. Вскоре Греков постиг секреты и этой про-

А.П. Греков с детьми Наташей и Мишей.
Новгород, 1967 г.

фессии, сдал все нужные экзамены и получил квалификацию – мастер-модельщик 1 класса.

Жизнь стала более определенной и обеспеченной материально. Под его началом работала мастерская, появились заказы. О нем услышал руководитель местной реставрационной мастерской и пригласил работать к себе. Александр Петрович с радостью согласился: поближе к храмам, фрескам, иконам – о чем еще можно мечтать? Первая работа его была – Тихоновская церковь, большая – 24 капители в человеческий рост. Но это все же еще не реставрация древней живописи...

Вскоре утонул человек, заведовавший мастерской по реставрации икон. И, зная пристрастие Грекова к древнерусской живописи, освободившееся место предложили ему. Теперь у него было все, о чем он мечтал: и Родина, и любимое дело. Работы было много, и она получалась; он ездил на стажировки в Москву, в кругах реставраторов имя его приобретало известность.

А Валентина Борисовна, вопреки биографии, в 1956 году закончила университет с отличием и с рекомендацией в аспирантуру. В аспирантуру, однако, она не пошла, а продолжала работать в реставрационных мастерских: сперва в архитектурной бригаде, потом – в лаборатории по технологии реставрации. Бывала в командировках, и, в частности, в Новгороде. В то время на развалинах церкви Спаса на Ковалево только пробные шурфы делали на предмет – есть ли смысл разбирать завалы.

В 1963 году Валентина Борисовна на майские праздники поехала с матерью в Ярославль, к родственникам. В предпоследний день своего там пребывания отправилась в местные мастерские, чтобы ознакомиться с ярославскими реставрационными работами по живописи. Первого же встреченного там человека спросила: где она могла бы увидеть руководителя участка?

- Его сегодня нет.
- А когда он будет?
- Нескоро: он на больничном.
- Тогда дайте мне, пожалуйста, его адрес, я к нему домой съезжу.

Человеку этому не оставалось более ничего другого, как признаться, что он и есть руководитель мастерской, Греков Александр Петрович.

Вернувшись из Ярославля, она уехала в Новгород. К тому времени по инициативе Виктора Никитича Лазарева было принято решение о работах на руинах церкви Спаса на Ковалево, и Валентине Борисовне, кроме сбора довоенной документации, поручили разработку методики укрепления фрагментов, обнаруженных в шурфах и на стенах.

Через полтора года после ярославской встречи Александр Петрович и Валентина Борисовна поженились. Греков перевелся в Москву, в центральные реставрационные мастерские. А еще через полгода, в 1965-м, уже вместе приехали в Новгород, на Ковалево.

– Вначале, – вспоминает Александр Петрович, – эта работа показалась мне совершенно бесперспективной. Но тогда был июнь, там было очень хорошо, очень красиво, не так, как сейчас: природа, остатки еще окопов, лесок с грибами... Почему бы, думаю, здесь лето не провести? А уж потом, когда производственные работы начались, мне очень быстро стало ясно, насколько это дело интересно, плодотворно...

– Ближе к началу систематических производственных работ, – подключается Валентина Борисовна, – все руководители бригад от них отказались: кому охота безрезультатно в завалах копаться? Это потом, когда работа уже приобрела известность, когда результаты были налицо, многие пожалели, что не взялись за нее в свое время. А в 65-м году никто не хотел этим заниматься. Да им бы и не потянуть. Это счастье, что Александр Петрович, только что пришедший в наши мастерские, был тогда назначен руководителем...

Вот так, после долгих приключений и странствий, добрался наконец Александр Петрович Греков до главного дела своей жизни, как некогда Одиссей до своей Итаки.

Я снова в той же мастерской, уже второй раз. Все то же самое, только «прутивней» теперь больше, да Грековы лет на 15 старше. И никаких молодых людей за «мозаикой» – их всего двое на всю мастерскую, на все столы и «прутивни».

– Вдвоем мы остались с середины этого года, – говорит Валентина Борисовна. – Перед этим два года мы работали втроем. А те человек 15-20, о которых вы говорите – помощники-добровольцы, вы их видели, наверное, летом и очень давно. В штате у нас более пяти человек вместе с нами никогда не было.

– А почему сейчас вас только двое?

– Денег нет. А бесплатно работать никто не станет.

– Вы работаете на реставрации ковалевских фресок с 1965 года, то есть почти 35 лет. Александр Петрович, как вы считаете, какую часть работы по объему и по времени предстоит проделать до полного ее завершения?

– Сделано очень много – вы же видите, какое колоссальное количество уже собрано. Но та часть, которая осталась – она гораздо сложнее, те кусочки, которые предстоит найти...

А.П. Греков в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Экспозицию ковалевских работ открывает постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО Ю.М.Хильчевский. 1985 г.

Сколько еще осталось? Минимум столько же, сколько сделано до нынешнего дня. А по времени – это зависит от того, кто будет работать. Мы вот сейчас работаем вдвоем. Это же абсурд: даже те крохи, что дают возможность сегодня поработать хотя бы вдвоем, стоят председателю областного комитета культуры

Ю.А. Шубину невероятных усилий. Федеральных средств нет совсем. И это при объекте, который дал мировой известности результаты!..

– Значит, главные ваши проблемы можно было бы решить нормальным финансированием?

– Не только. Деньги, конечно, очень нужны, но нужны также и рабочие площади. Вы посмотрите, – Валентина Борисовна обводит рукой мастерскую. – Все, что здесь находится, на 70-75 процентов сложено в несколько слоев и недоступно для работы. Нужны обширные мастерские с большими рабочими столами, чтобы все можно было выложить в один слой. И еще, вы поймите: эти вещи не могут до бесконечности лежать в подвалах, ящиках, – они должны экспонироваться, иначе какой смысл в этой кропотливой долголетней работе? А для этого нужно соответствующее помещение, – Грдинца на Дворце совсем не подходит...

Надо сказать, когда я терзал Грековых вопросами о подробностях их биографий, Валентина Борисовна вела себя более чем сдержанно: лишнего слова из нее было клещами не вытянуть. Но, когда речь зашла об их работе, о дорогих сердцу фресках и опасностях, коим они подвергаются – куда только девалось это бесстрашие и сдержанность! Все проблемы, связанные с живописью ковалевской церкви, воспринимаются супругами Грековыми куда живее и острее, чем все другие личные проблемы, с нею не связанные, – будь это материальное благополучие или даже здоровье. Когда однажды Грекову спросили, есть ли у них дети, она ответила: «Есть. Ковалево наш общий ребенок».

– Валентина Борисовна, а что, существует в городе подходящее помещение?

– Конечно: Дворянское собрание, – мы за это здание с 1994 года воюем, а за создание музея – с 1978-го. Безрезультатно, к сожалению. Помещения там просторные, высокие, светлые, идеально подходящие для экспонирования фресок. Там можно было бы устроить прекрасный Музей монументальной живописи...

– Причем уникальный, единственный не только в России, но и в мире, – добавляет Александр Петрович. – Музей в Югославии (и то музей не подлинников, а копий) американцы разбомбили, Рублевский музей в Андроникове монастыре в Москве решает совсем другие задачи...

– Дело ведь не только в Ковалево, – продолжает Валентина Борисовна. – Ковалево – это лишь небольшая часть. Существуют еще и фрески из Успения на Волотовом поле, и Феофана Грека из Спаса на Ильине, и то, что в Никольском соборе вынужено при реставрационных работах. И то, что есть из монументальной живописи в запасниках музея (а там немало). Может, дойдет когда-нибудь дело и до Михаила на Сковородке,

где, кстати, возможны сенсационные открытия... А в залах Дворянского собрания для всего этого хватило бы места. Причем кроме помещений, пригодных для организации прекрасной экспозиции, там есть много и других помещений, в которых экспозицию размещать нецелесообразно, но можно устроить все

необходимые такому музею научные и технические службы, в том числе великолепные мастерские для копиистов и реставраторов. Более того: эти мастерские сами можно было бы использовать в качестве элемента экспозиции. Сейчас существуют стекла, прозрачные в одну сторону. Представляете, если застеклить ими часть мастерской, чтобы посетители музея могли видеть не только результаты, но и сам процесс реставрации! Причем не входя в мастерскую, не отвлекая нас от работы, — им экскурсовод там бы, за стеклом, объяснил все, что следует. Скажите: разве Новгороду (и не только Новгороду) не нужен такой музей?..

Без малого 35 лет назад эти удивительные люди начали свое высокое служение делу возрождения утраченных шедевров. 35 лет назад их жизнь, казалось бы, вдруг застыла в полуподвальных помещениях бывшего владычного «офиса», и в ней не стало уже места не только таким ярким подробностям, как белогвардейский Крым или немецкий плен, но и вообще каким бы то ни было мало-мальски заметным событиям. Но это только «казалось бы», на самом деле все не так. Просто поле их деятельности, интересов и даже борьбы переместилось из сферы обычной жизни в сферу жизни (то есть возрождения и сохранения) ковалевских фресок. «Знали бы вы, сколько сил и времени у нас забрала борьба за продолжение этих работ», — говорил Греков. Это тоже целая история со своими перипетиями, успехами и неудачами, и о ней можно было бы рассказывать так же долго, как и о жизни Александра Петровича и Валентины Борисовны Грековых в их «доковалевский» период.

35 лет эти давно уже немолодые люди в сводчатых помещениях, с искусственным светом, при мизерной зарплате, лишенные теперь помощников и каких-то определенных перспектив,

вдвоем восстанавливают и хранят ковалевские фрески, дабы не погибли они в очередной, уже, наверное, в последний раз. И делают это вопреки всеобщему развалу, зачастую преодолевая то равнодушие, то непонимание. И приходится им не только возрождать и возвращать нам утраченные сокровища, но еще и убеждать нас в том, что сокровища эти нам необходимы. Или доказывать, что Новгороду нужен уникальный Музей монументальной живописи, и что более благородного предназначения для бывшего Благородного собрания не придумать.

Совсем недавно, 12 сентября этого года, Александру Петровичу Грекову исполнилось 90 лет. Конечно, те, кто знают его, согласятся, что на 90 лет он не выглядит, — максимум разве что на 70. Нет в его внешности характерных стариковских черт: это тихий, приветливый, среднего роста человек, говорящий прекрасным русским языком и обладающий исключительной работоспособностью. Чего можно пожелать человеку в его девя-

ностолетие, и не просто человеку, а Грекову, кроме трафаретных «здоровья, счастья и успехов в работе»? Конечно же всего того, чего он страстно желает сам: увидеть еще при жизни дело рук своих завершенным и востребованным, и точно знать, что не сгниют ковалевские фрески где-нибудь в подвалах, но навечно займут в Великом Новгороде подобающее им место.

Дай Бог Вам этого, Александр Петрович!

Александр Петрович и Валентина Борисовна Грековы в мастерской

Алексей ПШАНСКИЙ

*Александр ГРЕКОВ,
Валентина ГРЕКОВА*

КОВАЛЁВСКАЯ РОСПИСЬ XIV ВЕКА

Церковь Спаса-Преображения выстроена в 1345 году боярином Онцифором Жабиным как соборный храм Ковалева монастыря, находившегося в четырех километрах к востоку от Новгорода. Со второй половины XVII века монастырь начинает приходить в упадок, а после учреждения в 1764 году штатов он был упразднен. Собор на некоторое время оказался приписан к Волотовской церкви Успения, но с 1799 года получил свой причт и небольшой приход. В 1931 году он был закрыт. Во время Великой Отечественной войны в результате почти трехлетнего фашистского артобстрела (в период оккупации Новгорода через Ковалевский холм проходила наша передовая) церковь превратилась в руины. В начале 70-х годов она, хотя и в весьма произвольных формах, восстановлена.

Здание храма типично для новгородской архитектуры своего времени. В плане оно слегка вытянуто по главной оси, в объеме снаружи производит впечатление почти правильного куба с притвором на западе, одной апсидой на востоке и двумя пристройками по сторонам, в южной из которых, сообщавшейся дверным проемом с основным храмом, был устроен Рождественский придел, служивший и усыпальницей бояр Жабиных. Снаружи в его стены вделаны закладные каменные кресты. В северной, отделенной глухой стеной и неоднократно перестраивавшейся, находилась сторожка, во втором же этаже уже в позднее время появилась звонница.

Первоначально храм имел свинцовую кровлю, но форма покрытия неизвестна, – во всяком случае в XIX веке оно было четырехскатным, и при довоенном специальном обследовании верхних участков стен и барабана К.К. Романовым никаких следов позаконмарного покрытия четверика, притвора и приделов обнаружено не было. Покрытие барабана, венчающего здание – либо посводное, либо шлемовидное – позднее заменено конусовидным, над которым вознеслась на тонкой шейке небольшая луковичная главка с крестом, сооруженная, вероятно, не ранее XVIII века. При реставрации первой четверти XX века эта надстройка была разобрана. Стены четверика, притвора и приделов в верхних частях имеют рельефные арки, из которых лишь часть повторяет кривую сводов интерьера, остальные же – чисто декоративные. Но, в отличие от храмов более раннего периода, стены здесь не расчленены на прясла, и пять арок опираются на пилястры лишь по углам. Чисто декоративные арочки идут по верху барабана.

Церковь Спаса Преображения на Ковалево. Фото 1922 г.

Кладка стен – крупные блоки ракушечника более или менее темного красно-бурого цвета. Однако, столбы, основные своды и подкупольные подпружные арки – из большемерного кирпича.

Внутри притвор и приделы перекрыты коробовыми сводами и, ввиду незначительного объема, никаких членений пространства не имеют. В притворе, по словам архимандрита Макария, были каменные седалища, но при разборке руин их остатков не найдено.

Четверик храма внутри – относительно небольшое уютное четырехстолпное помещение. Между столбами и стенами перекинута массивные арки, более низкие – на западе, более высокие – на востоке. Западные столбы отделяли от основного пространства угловые каморы, перекрытые коробовыми сводами. В западной части были устроены хоры, на которые из юго-западной каморы внутри западной стены вела лестница. Угловые помещения хор – закрытые каморы, сообщающиеся небольшими дверными проемами с центральной частью, имевшей конструкцию открытого в храм деревянного балкона.

Восточные столбы отделяли алтарную часть: алтарь, ограниченный с востока полукружием апсиды, жертвенник и диаконник – прямоугольные в плане, сильно вытянутые вверх, с коробовыми сводами. Горнее место имело каменные седалища. Каменным был и престол. В центре апсиды одно над другим – два окна, первоначальные форма и размеры которых неизвестны. В жертвеннике довольно большая и глубокая ниша

восточной стены в центре прорезана маленьким бойницеобразным окошечком. Собственно жертвенник, как и престол в алтаре, был каменным. Диаконник окон не имел, в восточной стене была глухая ниша с арочным завершением. Такие же ниши находились симметрично в северной и южной стене соответственно жертвенника и диаконника. Небольшие, но глубокие, квадратные ниши устроены в южной стене прохода из диаконника в храм и в северной стене восточного прохода в храм из северо-западной каморы, а также в южной стене юго-западной каморы и на восточной грани юго-западного столпа.

Кроме оконных проемов в восточной части, храм почти не имел окон. Изначальность существования окна в южной стене, отмеченного в описании архимандрита Макария, не достоверна, т.к. уже к моменту посещения им храма оно имело, безусловно, поздние размеры, поскольку уничтожило часть находившейся на этом месте композиции. Не подлежат сомнению лишь четыре маленькие бойницеобразные окошечка в барабане, прорезавшие задние стенки ниш, расположенных по странам света, и раскрытые при архитектурно-реставрационных работах между 1922 и 1936 годами. С ними чередовались (по диагоналям) глухие ниши того же размера.

Пол в храме во времена посещения его архимандритом Макарием был выстлан из плит и кирпича, расположенного крестообразно; в восточной части, несколько выступая в храм, поднималась солея. Более поздний пол устроен из одних плит.

Связи в храме были деревянные, по углам свода заложены голосники.

Первоначальная алтарная преграда сооружалась, видимо, одновременно с храмом или, во всяком случае, не позднее его росписи, т.к. разгранки находящихся на столбах и стенах в этой части интерьера изображений обводят ее тябло. Высота ее лишь незначительно превосходила человеческий рост, о чем можно судить, во-первых, по уровню этих обводок и, во-вторых, по тому, что, по крайней мере, главная композиция жертвенника явно предназначалась для созерцания из храма поверх нее.

В 1380 году «повелением раба Божия Офанасия Степановича и подружи [жены] его Марии», как гласит Летопись на западной стене под хорами, храм и притвор были расписаны. В северном приделе росписи не было, южный – расписали значительно позднее: никаких фрагментов живописи XIV века при восстановительных работах там не обнаружено. Относительно небольшие размеры (приблизительно около 450 м²) и, вероятно, многочисленная артель позволили завершить роспись уже в августе того же года, предположительно к храмовому празднику Преображения.

Судьба этой росписи, как и еще ряда новгородских росписей, сложилась очень неблагоприятно: уже через пять лет после ее завершения храм горел, будучи подожжен нов-

городцами при подходе со стороны Москвы войска Дмитрия Донского, в результате чего погибли композиции на сводах и подпрудных арках, а также частично на верхних участках стен, особенно в южной половине, в общей сложности около 100 м². После упразднения монастыря большая часть росписи была забелена, и вновь открыта лишь в первой трети нашего века. К сожалению, при удалении побелки возникли утраты красочного слоя, срезанного кое-где на выпуклых местах вместе с частью левкаса. Записям ковалевские композиции практически не подвергались, исключение – пропись на Летописи западной стены, правая нога Юного воина на северной стене, к тому же развернутая в другую сторону, и Деисус на восточной стене притвора над входом, где переписано оплечное изображение Спаса, степень сохранности которого к этому моменту сейчас определить невозможно.

Во время же Великой Отечественной войны стенопись оказалась погребенной в завалах рухнувшего храма и считалась навсегда полностью погибшей. Тем не менее усилиями бригады реставраторов под руководством А.П. Грекова живописный ансамбль постепенно возрождается, собираемый из фрагментов, извлеченных при разборке строительного мусора. Есть шанс, что в конечном итоге будет возвращено из небытия около 200-250 м², т.е. по отношению к довоенной сохранности более двух третей.

Роспись Спасо-Преображенского храма представляет исключительный интерес не только высочайшим художественным уровнем большинства композиций, но и своим местом на путях развития древнерусской монументальной живописи, причем последний момент еще усугубился и получил новый аспект в связи с археологическими открытиями в Довмонтовом городе во Пскове, живопись храмов которого незначительно предшествует Ковалевской.

Перечень композиций, составленный в начале 20-х годов профессором Н.П. Сычевым при подготовке им монографии по этому памятнику, а также выполненные для этого труда,

Руины церкви Спаса на момент выполнения пробных шурфов. 1962 г.

хотя и черно-белые, фотографии с большинства из них, в сочетании с немногими довоенными копиями и уже восстановленной частью росписи (в той или иной степени полноты около 50% от довоенной площади), позволяют судить как о системе росписи в целом (в пределах сохранности), так и об отдельных композициях.

Техника ковалевской живописи обычна для древнерусского настенного письма: почти на всей площади – двухслойное основание, нижний слой которого – штукатурка со значительной добавкой песка, верхний – левкас чисто известковый, возможно, с очень тонко измельченным известняком для снижения усадки при твердении. Тем не менее отдельные усадочные трещины все же появились еще в процессе росписи, о чем свидетельствуют затеки краски. Без выравнивающего весьма рельефную поверхность каменных стен штукатурного слоя выполнены лишь несколько композиций: фигуры вверху жертвенника и диаконника, а так же частично композиции Предста Царица, Дмитрий Солунский, самый низ Преображения, Стефан Новый и некоторые другие. «Подмалевок» наносился фреской на свежий левкас, за счет твердения которого и закреплялся, основная же живописная разработка выполнялась темперой, т.е. со связующим, но уже «по сухому». Пигменты использовались главным образом минерального происхождения. О фресковой технике свидетельствует наличие «дневных швов», т.е. границ между участками (относительно небольшими) росписи, причем участками наносился не только верхний слой основания, но и штукатурка, т.к. в пограничной зоне, где слои идут внахлест, чередование штукатурка-левкас в одном направлении повторяется во встречном. Под этими верхними слоями видны заходы, затеки и брызги краски. На части композиций основной рисунок размечен графьей – линией, продавленной острием по свежему левкасу.

Построение всего ансамбля ковалевской росписи решалось как единая система и было в значительной степени подчинено архитектурной логике: композиции располагались в пределах одной плоскости; как правило, соблюдена ярусность, перебивки уровней в пределах отдельных компартиментов практически нет, да и в пределах интерьера в целом они редки; и в притворе, и в четверике, и в апсиде весьма строго выдержано изменение масштабности от более крупных, как бы несущих, изображений внизу постепенно к более мелко масштабным вверху (в этот принцип, естественно, не включается вполне автономная в данном плане живопись барабана). Исключе-

ние только – «Не рыдай Мене, Мати...», где размер фигур почти полторы натуры, т.е. самый крупный во всей росписи четверика, и это при том, что находятся они на уровне второго яруса, что можно объяснить тем исключительным значением, которое, видимо, придавалось этому сюжету и желанием сделать изображение равно «читабельным» с любого расстояния.

Крупномасштабность при ограниченности площадей стен жертвенника обусловило второе нарушение архитектурного принципа: изображение Богоматери расположено на северной стене, Христа во гробе – на восточной.

Не отступили мастера и от симметричности расположения относительно продольной оси.

При определении тематики росписи отдавалось явное предпочтение единоличным изображениям: количество евангельских сцен сведено почти к минимуму. В притворе они располагались лишь по склонам свода (сохранившиеся к началу века фрагментарно сцены чудес, из которых можно было с большей или меньшей достоверностью опознать «Изгнание бесов» и «Исцеление водяного»), и в люнете западной стены – «Проповедь двенадцатилетнего Христа в храме». Остальная поверхность стен, за исключением еще сцены Причащения Зосимой Марии Египетской, занята фигурами преподобных (среди которых Арсений Великий, Кириак, Антоний Великий, Ефрем Сирий), святых мучеников Бориса и Глеба в княжеских одеяниях и с полуобнаженными мечами, бессеребренников-целителей Козьмы и Дамиана, Архангелов Михаила и Гавриила, традиционно фланкировавших вход из притвора в храм. Над входом помещался оплечный трехфигурный Деисус.

В храме же евангельским событиям были отданы верхние регистры северной и южной стен, а также западной стороны южной ветви креста: в люнете южной стены – Рождество Христово, ниже – Вход в Иерусалим, под ним слева – Сретение, справа – Крещение. В южной ветви креста – Бегство в Египет. Все эти композиции уже к 20-м годам сохранились фрагментарно. Люнет северной стены занимала Голгофа, также частично утраченная. Под ней находились Оплакивание и Положение во гроб, а еще ниже, нарушая последовательность событий, – Преображение, рядом же с ним Предста Царица одесную – Спас в образе Великого Архидиакона и справа от него Богоматерь в молитвенной позе.

Все остальные плоскости стен, столбов, сводов и арок четверика, барабана, камор, жертвенника и диаконника были заполнены единоличными изображениями. Исключением была

Изображение неизвестного святого на восточной грани юго-западного столпа. Фото 1922 г.

– размещенная в жертвеннике композиция «Не рыдай Мене, Мати...».

К сожалению, имена почти всех изображенных персонажей утрачены вместе с верхним красочным слоем фонов, и идентификация большинства из них еще требует иконографических изысканий.

В зените скуфьи барабана – Вседержитель, ниже Архангелы, чередующиеся с Херувимами, один из которых вкомпонован в тетраморф, под ними – отличающиеся исключительной мощью изображения Пророков. В четверике в нижнем регистре на внешних гранях северо-западного столба, над восточным проходом в северо-западную камору и на северной стене – продолжение темы Святого Воинства (но уже без присутствующего в образах Бориса и Глеба мотива жертвенности, мученичества). На южной стене – святые Константин и Елена. На наружных гранях юго-западного столба: на северной – преподобный Варлаам, на восточной – внизу неизвестный святой, выше пророк Даниил. Рядом, над проходом в камору, праотец Сиф. Под хорами на западной стене по сторонам входа изображены Столпник и Мученица: он – к югу от входа, она – к северу. Это как бы пролог к распределению изображений в каморах: все изображения южной каморы – мужские (это преподобные, отшельник, столпник, мученики, святые, один из которых в княжеских одеждах), северной – женские (исключение составляют лишь преподобные Ефросин и Моисей Мурин на склонах свода): великомученицы Варвара и Екатерина – по сторонам южного прохода, неизвестные мученицы – по сторонам восточного, святые Параскева и Анастасия –

на северной стене и, наконец, неизвестная монахиня – на западной. Возможно, это связано с тем, что женщинам во время службы надлежало находиться именно в северной каморе. Такая некоторая обособленность кажется тем более вероятной, что в период росписи храм являлся собором мужского монастыря.

В восточной части первоначальное наличие живописи на западных гранях столбов над алтарной преградой неизвестно. Может быть, тут традиционно находилось Благовещение, скрытое позднейшим высоким иконостасом, во всяком случае,

диаконов, по сторонам триумфальной арки – пророки Мельхиседек и Аарон. В конхе апсиды живопись не уцелела, ниже шла сцена Причащения с двумя престолами: Причащение хлебом и Причащение вином, а под ней – Поклонение жертве, от которой до войны сохранились фигуры Ангелов и святителей, центральная же часть – чаша с агнцем на престоле – была уничтожена при растеске или пробивке окна.

Изображения в диаконнике и жертвеннике – это святители, преподобные (в том числе Стефан Новый и Федор Студит), мученики, диаконы. Особое место занимает композиция жертвенника «Не рыдай Мене, Мати...», как уже говорилось, расположенная на двух стенах: на восточной стене над окном и полуфигурой мученика – Христос во гробе (поясной), а на северной над аркасолием с Голгофой и полуфигурой Святителя – Богоматерь, молитвенно обращенная к Спасителю (также поясная). Это довольно мало распространенный в русской стенописи иконографический сюжет, причем известные его примеры сосредоточены главным образом как раз в пределах середины – второй половины XIV века. Но именно ковалевский образ являет наиболее глубокое постижение его религиозно-философского смысла и высочайшее его художественное воплощение.

По стенам и столбам над узенькой панелью идут «полотенца», кое-где с весьма скромным орнаментом.

Вообще же орнаменту в ковалевской росписи отведена совершенно исключительная роль как по количеству, так и по характеру и по удивительному мастерству исполнения. В подавляющем большинстве это растительные мотивы: они заполняли откосы и арки порталов проходов в храм из притвора и придела, глухие ниши барабана, откосы окна в жертвеннике и аркасолиев жертвенника и диаконника, западные грани восточных столбов ниже алтарной преграды (а может быть, последняя не была сплошной и закрывала лишь пролеты между столбами и столбами и стенами?). Орнаменты занимали серповидное пространство в каморах между аркой прохода в центральный неф и сводом. В небольшом свободном поле между аркой восточного входа в южную камору и изображением праотца Сифа также располагался орнамент. Единственный известный чисто геометрический орнамент – орнамент в подножии изображения преподобного Варлаама.

«Спас во Гробе». Фрагмент композиции «Не рыдай Мене, Мати...»
Фото 1922 г.

«Спас во Гробе»
в процессе реставрации.
Фото 1982 г.

при подборке фрагментов из этой части храма удалось собрать значительную часть фигуры Архангела, наиболее вероятно отождествляющуюся с Архангелом Гавриилом из этой композиции. На гранях, обращенных в алтарь, были изображения

Кроме исполнения самостоятельных орнаментальных сюжетов, ковалевские мастера с удивительным вкусом, а иногда и роскошью орнаментируют одежды многих персонажей, архитектурные элементы композиций. Архитектурно-орнаментальным мотивом можно считать и арки на мраморных колонках, обрамляющие изображения на внешних гранях западных столбов.

Такое орнаментальное богатство наряду с общим колоритом росписи создавало атмосферу торжественной приподнятости.

А по своему колористическому решению ковалевская живопись – явление уникальное. Она одинаково далека от аскетической и напряженной палитры Феофана и от несколько примитивной красочности росписей Рождества на кладбище.

Илья Пророк. Простенок барабана между восточным окном и юго-западной нишей. Фото 1922 г.

Мастера ее, обладавшие высокой живописной культурой, отличались исключительным чувством не только цвета как такового, но и гармонии цветовых сочетаний. При богатейшей полихромии палитры и самых неожиданных сопоставлениях тут никогда не возникает чувства диссонанса. Поражает редкое умение обыграть бесконечные оттенки одного и того же цвета и добиться при этом всякий раз единого ансамбля. Особенно излюблены вариации лилового не только разной плотности и степени разбеленности, но и широчайшей амплитуды от почти бледно-розового до едва не фиолетово-коричневого или глубокого лилового. Нередко использование красного, однако не яркого, обнаженного, а скорее вишневого разной плотности. Зеленый – иногда синеватый или полынный, а чаще с той

или иной добавкой желтого. Синего цвета нет, но есть сероватый темно- или светло-голубой, всегда приглушенный, реже – более яркий, звучный, серебристо-голубой, чуть искрящийся от какой-то примеси в пигменте. Довольно многочисленны и разнообразны случаи использования оранжевого цвета от почти кораллового до довольно плотного, однако никогда не кричащего, чисто оранжевого, а также коричневого от совсем светлого розоватого или желтоватого (собственно желтый тоже не исключение) до очень густого, иногда с бордовым оттенком.

Фона, за малым исключением, первоначально синие (точнее интенсивного темно-голубого цвета, о чем можно судить по затекам краски в трещины левкаса), в настоящее время утрачены, и фоном служит рефть от серого до почти черного цвета, кое-где с сизоватым оттенком.

Очень интересны ковалевские санкири¹, т.е. подложки под личице¹: они поразительно многообразны по цвету – зеленые разных оттенков и плотности, стальные, желтые, терракотовые, даже с оранжеватым оттенком. Большей частью по санкирю выполнено вохрение (санкирь оставлен в тени), поверх него местами нанесена подрумянка и на самых выпуклых местах пробелены высветления. На одеждах света обозначены как сильно разбеленным цветом самой одежды, так и пробелами палевого, розоватого или сероватого оттенков.

У некоторых же мастеров обозначены не светá, а тени, для чего использован более темный основной цвет или рефть.

В Ковалево мы встречаемся с исключительно редким для древнерусской монументальной живописи использованием в некоторых случаях на нимбах золота поверх охряной подложки. Это нимб Вседержителя в скуфье барабана, нимб Христа и пророков в Преображении.

Обрамляющие композиции разгранки – глуховатого темно-красного цвета, иногда с малиновым оттенком или покрытые тонким слоем киновари. Однако между некоторыми единичными изображениями разгранки отсутствуют, большей частью это фигуры по сторонам внутренних углов, обычно слегка развернутые друг к другу. Впечатление, что тут – церковные деятели, прямо или косвенно, исторически или догматически, связанные между собой.

Безусловно, в ковалевской росписи чувствуется крепкая работанность членов артели и непререкаемая авторитетность ведущих мастеров – иначе такая цельность ансамбля, при сохранении наиболее ярких индивидуальностей, была бы недостижима. Естественно, творческий уровень художников значительно колеблется, и в зависимости от этого они выполняют те или иные части росписи, кроме того, как всегда в таких артелях, тут были те, кто писал личице, те, кто писал доличное (т.е. одежду, архитектурные фоны, пейзаж и т.п.), и кто писал поземы и фона.

Ведущих было не менее пяти-семи мастеров, у некоторых из них можно проследить черты «иконности» письма, другие были подлинными монументалистами. Кроме того, те или иные влияния проявлялись у них в разной степени: у одних сильнее византизмы, иногда даже эллинизмы, у других – особенности южно-славянской, сербской школы, у третьих – новгородской. Но даже наиболее «южнославянские» композиции, име-

¹ Личице – изображение тела.

ющие прямые аналогии, крупнейшими искусствоведами-медиевистами этих стран категорически не признаются вышедшими из-под кисти их мастеров.

Пути проникновения иноземных влияний доподлинно неизвестны, однако именно в этот период они могли быть исключительно многообразны: активизируются взаимоотношения с Византией, где еще не угас расцвет палеологовского искусства, откуда на Русь приезжает митрополит Киприан, усиливаются связи с Афоном, на котором так сильны моравские влияния, с южнославянскими странами – сербы и болгары ищут на Руси спасения от турецкого ига. Не исключено, что пути эти лежали через Псков: среди древнерусских росписей очень близкие иконографические и стилистические аналогии, от орнаментальных и до сюжетных композиций, можно найти именно в недавно открытых росписях Никольского и особенно Покровского храмов Довмонтова города, выполненных между пятидесятыми и восьмидесятым годом XIV века. Складывается даже впечатление, что некоторые мастера работали там и там, но в Новгороде большинство тех же сюжетов раскрыто масштабнее, глубже, на более высоком живописном уровне.

Конечно, попадая на русскую почву, любые влияния в той или иной мере трансформировались, вбирая в себя местные особенности. И, несмотря на все влияния, ковалевская роспись, вероятно, наиболее новгородская среди всех дошедших до нас ансамблей XIV века. И, безусловно, и ее авторы, и ее заказчики не оставались в стороне от происходивших вокруг них событий, поэтому в росписи две доминанты: одна – противостояние активно хлынувшим в этот момент на Русь ересям, другая – прославление воинства и душевный подъем в преддверии освобождения от чужеземного, иноверного тата-

Мученицы Анастасия и Параскева. Северная стена северо-западной каморы. Состояние в процессе подборки фрагментов. 1982 г.

Юго-западная часть интерьера храма. Видны фрески, изображающие неизвестного святого и, предположительно, прп. Варлаама. Фото 1922 г.

ро-монгольского ига. Первое находит здесь тем более яркое отражение, что храм монастырский, отсюда обилие образов преподобных – особо строгих ревнителей веры – это и Стефан Новый и Федор Студит, создатель древнейшего монастырского устава, принятого на Руси, и Варлаам и множество других. Немало их и среди других церковных и светских деятелей, нашедших место на ковалевских стенах, в их числе Великомученицы Варвара и Екатерина, мученицы Параскева и Анастасия, император Константин и его мать царица Елена. Но вера ковалевских мастеров стоит не на страхе перед карой (не зря же здесь нет «Страшного суда»), а на любви и милосердии – отсюда лиризм этой живописи, ее теплая душевность и мажорность, так хорошо сочетающиеся с интимным настроением интерьера храма. И, может быть, не случайно уже при входе в притвор молящихся встречает Ефрем Сирийский, считавший одним из самых тяжких грехов – уныние. Противоборство еретическим учениям выразилось и во внимании к теме церковных таинств, церковной иерархии, божественной энергии Фаворского света. Эта основополагающая догма исихазма в ковалевском Преображении раскрыта с удивительной глубиной и силой не только через масштаб и местоположение композиции в ансамбле, но и чисто живописными средствами – Слава, на фоне которой является Христос, совершенно особого, чистого серебристо-голубого цвета, причем микроскопические сверкающие вкрапления в составе пигмента создают физическое впечатление исходящего от нее неземного, того самого божественного, нетварного Фаворского света.

С общенациональным подъемом, с ростом патриотических освободительных настроений, чувства собственного достоинства и веры в свои силы связан второй лейтмотив – тема

Общий вид северной стены. В нижнем ярусе изображения святых воинов. Фото 1922 г.

Святого воинства: многочисленные изображения Святых воинов заполняют весь нижний ярус северной части храма. Это исполненные мужества и решимости воины-защитники, воины-победители. Юные и средовеки – они словно объединены верой в близость избавления от многовекового иноверного ига; мастера, может быть даже подсознательно привнесли в их образы настроение, которым жила тогда вся Русь. Святые воины – опора и защита воинам-освободителям родной земли. Их роскошные доспехи, энергичные и гордые позы тому свидетельство. Среди них, несмотря на отсутствие надписей, легко опознаются Дмитрий Солунский, Федор Стратилат, вероятно, святой Георгий. Эти же настроения определили и сам мажорный лад всего ансамбля.

Таким образом, живопись эта вобрала в себя все, чем жила тогда Русь, и в том числе Новгородская земля, и все раскрыла перед нами на художественном языке своего времени.

Особое положение ковалевских росписей в истории развития древнерусской монументальной живописи, их высочайшая художественная ценность вкупе с чисто профессионально-реставрационными и организационными соображениями заставили именно с них начать в середине 60-х годов возрождение ансамблей древних новгородских стенописей, руинированных в результате войны или каких-либо иных губительных событий.

Ко второй половине 70-х годов стало ясно, что на свои места восстановленные композиции возвращены быть не могут, чему причиной не только архитектурные и инженерно-технические просчеты, допущенные при реконструкции здания, которые был не в силах полностью компенсировать даже разработанный нами уникальный метод монтировки на титановые щиты, но и специфические моменты экспозиционного характера – встал вопрос о месте их дальнейшего нахождения.

В результате уже к концу 70-х годов возникла мысль о создании в Новгороде первого не только в России, но и в мире, специализированного музея древнерусской монументальной живописи. Это было тем более целесообразно, что именно в Новгороде, как ни в одном другом городе России, сосредоточены огромные богатства древнерусской стенописи, в том числе и руинированной, хранящейся в музейных фондах в виде фрагментов, причем к этому времени уже стала вырисовываться перспектива аналогичных ковалевским работ на других объектах, а также изыятие при реставрационных и археологических работах огромного количества фрагментов, находящихся в ряде памятников в засыпке между полами и на территориях, прилегающих к зданиям храмов. Однако, чтобы ввести весь этот материал в научный и музейный обиход, его надо не только извлечь, но и как можно скорее сделать доступным для обозрения, причем в достойной подаче. Одновременно надо принять во внимание тот факт, что стенописи, восстановленные из фрагментов, неизбежно переходят до некоторой степени в иное экспозиционное качество: они наиболее полноценно эстетически и оптимально для их сохранности могут продолжать свою художественную жизнь только в условиях специализированной музейной экспозиции, тем более, что для части из них первоначальное местоположение на стене определить невозможно или оно занято позднейшей росписью, а подчас нет и самих стен.

Идея такого музея была сразу же горячо поддержана Методическим советом Министерства культуры СССР, членом-коррес-

Диаконник. Восточная стена и проход в алтарь (восточная сторона), первый (снизу) ярус росписи. Фигура юного диакона (Стефана?), полуфигура преподобного (над аркасолием) и полуфигура св. Евтихия (в аркасолии). Вид в процессе подбора фрагментов. Состояние на конец 1973 г.

пондентом АН СССР В.Л. Яниным, академиками Д.С. Лихачевым, И.В. Соколовым-Петряновым, другими крупнейшими учеными, в том числе и зарубежными, и наконец, Министерством культуры РСФСР. Однако, воплощение ее оказалось делом непростым: музей монументальной живописи, как, может быть, никакой другой, требует помещений архитектурно нейтральных относительно демонстрируемого материала, просторных и высоких, чтобы экспонаты можно было не только развесить на стенах и стендах или поместить в витрины, но в ряде случаев и воссоздать, если не интерьеры целиком, то хотя бы их отдельные компартменты, где разместить росписи в первоначальном взаиморасположении, а также представить копии-реконструкции и крупномасштабные макеты интерьеров с росписью храмов, фрески которых экспонируются в музее. Кроме того нужны помещения под научные отделы, под лекционно-демонстрационные залы, под мастерские реставраторов и копиистов, под фонды, под технические нужды и т.д. Нельзя забывать и про залы для временных выставок. Только в этом случае это будет музей достойного уровня.

Наконец, нашли, казалось бы, подходящее здание – Архимандритский корпус Юрьева монастыря. Но, увы, корпус требовал очень существенных предварительных ремонтно-реставрационных работ. Пока собирались с силами, наступил 1991 год и Архимандритский корпус вместе с монастырем был возвращен Епархии.

Между тем росло не только количество ковалевских композиций, которым становилось уже тесно в отведенных для них помещениях Гридницы, но и фонды монументальной живописи Новгородского музея: при работах М.К. Каргера в церкви Спаса на Ильине было извлечено огромное количество фрагментов живописи Феофана Грека, поступило сюда также собрание М.К. Каргера, включающее и домонгольскую живопись, археологи передали фрагменты из Антониева монастыря, в середине 90-х годов начаты, и очень результативно, подобные ковалевским, работы на руинах церкви Успения на Волотовом поле, на территории Юрьева монастыря были найдены многочисленные фрагменты XII века, весьма значительное их количество обнаружено при реставрационных ра-

ботах в Никольском соборе. В итоге уже сегодня можно было бы создать богатейшую экспозицию **подлинников** древней стенописи, охватывающую весь период средневековой Руси, где ковалевские – одно из более или менее весомых звеньев общей цепи. Одновременно все более осознается неизбежность работ этого направления в будущем.

На фоне такой ситуации возник вопрос о передаче Новгородскому музею здания бывшего Дворянского собрания, при усло-

вии размещения, первоначально лишь части его площадей, музея фресок.

К сожалению, это решение, несмотря на всю его логичность и перспективность, в первую очередь для Новгородского музея, встретило именно у руководства этого музея яростное сопротивление, к которому удалось привлечь и некоторых сторонников извне – дело застопорилось, хотя равноценной альтернативы для музея фресок не предлагается. С момента пер-

Мастерская, в которой ведется подборка фрагментов и композиций

вых разговоров об этом здании объем экспонатов возрос более, чем вдвое, кроме того, значительно конкретизировались перспективы, более четко откристаллизовались концепция и структура музея, так что теперь под музей фресок необходимо уже все здание, чтобы сразу наряду с научно обоснованной и красиво построенной экспозиции, расположить там и все научные, технические и прочие службы, требующие немалых дополнительных площадей.

Музей монументальной живописи, созданный недавно в тандеме с музеем древнерусского искусства им. А. Рублева в Москве, никоим образом не снимает актуальность новгородского, ибо строится на совершенно ином материале и его тематический профиль гораздо локальнее.

Поскольку существование такого музея привлечет в Великий Новгород не только ученых, но и широкий поток отечественных и зарубежных туристов, повысит его культурный престиж и поскольку идея эта нашла понимание и поддержку, как у крупнейших специалистов, таких как ныне покойный академик Д.С. Лихачев, доктор искусствоведения Г.В. Попов и других, так и у Министерства культуры, будем надеяться, что здравый смысл победит и Музеем древнерусских фресок в здании Дворянского собрания все-таки быть!

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ

НЕМНОГОЕ

О НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ЧЕРНЫШЁВЕ

Случается же в обыденной пестроте наших жизненных встреч и знакомств такая удивительная странность. Да, верно, знавал ты какого-то человека многие годы, но знал как бы со стороны, отрывочно – сталкиваясь с ним на работе или иногда на улицах города. Кажется, этого вовсе недостаточно для безбоязненно-откровенного сближения, тем более для дружбы. А потом, когда, увы, человек навсегда уходит из твоей жизни (уйдя из собственной), вдруг до щемящей боли почувствуешь: как же мил и близок и необходим был он тебе и как дорог он стал будто бы осиротевшей и горящей твоей памяти. Осиротевшей, потому что спохватываешься: ведь, наверно, мог бы, в свое время, повнимательнее присмотреться к этому, оказывается, неистощимо доброму человеку, лучше его понять, больше о нем знать – да вот... не удосужился... и новое почерпнуть – теперь откуда же? А странность... так она как раз в том и заключается, что даже малоосведомленная память все ж таки пронизана духовосламеняющим обаянием того человека – тем живым и благодатным обаянием, когда о почившем добродее хочется с нежностью молвить: утешение мое... отрада незамеченная.

Поведать бы мне о таком утраченном и навсегда обретенном человеке-друге – о Николае Александровиче Чернышеве, но в том-то и беда: сведения о его жизни и деятельности у меня настолько скудны, разрозненны и не проверены, что для стройной биографии они явно не годятся. Хорошо, если ею – чтобы достойно упомянуть Чернышева-подвижника, внесшего неопределимый вклад в культуру Новгорода, а значит и вообще в русскую культуру, – кто-то займется исследовательски кропотливо и заинтересованно. Мне же припоминается лишь кое-что эпизодическое, поверхностное – это если ограничиваться фактами.

С Николаем Александровичем Чернышевым я работал несколько лет в Новгородском музее – начиная со времени перемещения музейных экспозиций из Никитского корпуса кремля

в здание бывших Присутственных мест. Я был в музее грузчиком, разнорабочим и находился в подчинении у Николая Александровича, заведовавшего Художественным отделом, то есть картинной галереей и собранием шедевров древнерусского искусства – икон, образцов деревянной резьбы, церковного лицевого шитья и проч. Занимались развеской экспонатов на стенах, размещением их в витринах, а также оснащением самих залов различным инвентарем – стендами, оконными портъерами, люстрами и т.д.

Николай Александрович Чернышев. 1960-е годы

Николай Александрович не суживал свои руководящие обязанности лишь необходимыми указаниями, но сам, переодевшись по-рабочему, брался что-то передвигать, прибивать, обтягивать драпировочным холстом, поддерживать вещи во время развески, помогать столярам и стекольщикам. Широким шагом своим (при долговязо-сутулой фигуре) он стремительно и неумолимо сновал по залам, подсобным помещениям, неожиданно и к стати появлялся будто бы всюду сразу; в шутку даже и прозвали-то его – «метеором». И это именно он вносил в любую работу настрой дружелюбия, слаженности, энтузиазма.

Ему, интеллигенту старой высокородной закалки и человеку порой с забавными странностями в эмоциях, донкихотовских позах, жестах, мимике, речевых интонациях, в самом словопроизношении, казалось бы, надлежало угодить в разряд белейших из белых ворон. Однако ничего подобного не случилось – в работающем коллективе он воспринимался уважительно, с доверием и нефамиллярной неприужденностью. Секрет его до-

ступности более всего заключался в умении командовать – советуясь, руководить – собственноручно хватаясь за самую черновую работу. В голове его совершенствовался план новой грандиозной музейной экспозиции, но мы, его подчиненные, мало представлявшие научную основу замысла, видели в нем равного нам работягу, забывали о его чудаковатой «аристократичности» и одобряли простоту общения с нами, непоказуш-

ную его демократичность в том лучшем, благородном значении, о котором нынче забыли или вовсе не ведают многие люди, истрепавшие, даже опоганившие само слово – демократизм. Невежды запаматовали, что человеческое качество, означенное этим словом, противоположно чванству. И, увы, произносят это слово – именно чванясь возможностью пачкать его и развязно попирать. Реформоненавистникам из псевдо-пролетарской коммуномитинговой черни вполне удалась дискредитация понятия, о котором еще недавно, при советском идеологическом засилии, они так любили поболтать, с рабской дрессированностью культивируя хрестоматийно-плакатные образы «революционеров-демократов»...

Мне довелось несколько раз ездить с Николаем Александровичем в Ленинград – то в Эрмитаж, то в художественное, имени Мухомовой (бывшее – Штиглица), училище – брать там, грузить на нашу полуторку и доставлять в Новгород старую стильную мебель или (из училища) студенческие дипломные картины и скульптуры – все для пополнения музейных коллекций. Николай Александрович не только вел необходимые деловые переговоры, оформлял приемку экспонатов, но и помогал их запаковывать, грузить, крепить в кузове машины – снова он становился работягой, иногда, может быть, чуть неловким, чуть слабосильным (а было ему уже за пятьдесят) – и все же к стати необходимым сотоварищем среди тех, на чью долю выпадал только физический труд.

Важно еще и то, что, имея дело с произведениями искусства, он ведь что-то нам и рассказывал о них, а это залегало в память, люди втягивались в мир художественной красоты, осваивали понятие о необходимости бережного отношения к прекрасному – древнему или современному. Сам он восторгался всяким искусством как ребенок, и его эмоции заражали, интересовали в музее и грузчика, и уборщицу, и столера, и электрика.

Да, это был особенный дар в Николае Александровиче: не тая своих восторгов Красотою, подаренной миру человеческими вдохновенными руками, – уметь именно заразить и других людей вниманием ко всему необычному и прекрасному, как-то исподволь научить их распознавать и почитать живую «музейность» картины или иконы, какой-нибудь инкрустированной филленки давней моды шкафчика или мастерской чеканки витиеватого светильника, упрощенно-гармонических форм и расцветок народной вышивки или тяготеющего к изысканному модерну вполне современного майоликового орнаментального барельефа... Нет, не был он пропагандистом по занимаемой должности, но был им по горячей любви своей к истинному искусству. Таким ведь и представляются – и должны быть! – настоящие музейные работники.

Ныне отдел древнерусского искусства в Новгородском музее оформлен совершенно по-новому, и, слава Богу, неплохо, со вкусом. Лаконичность в использовании современных возможностей придает залам ненавязчивую торжественность, особую духовную значимость. Но и та, прежняя, экспозиция вспоминается как незаурядное достижение. Открытие столь богатой шедеврами выставки в общем-то предметов религиозного культа было событием исключительным. Нужно вспомнить или представить особенности того времени: ведь предпочтения, даже и в музейной деятельности, отдавались иной идеологии, а тут... прорыв заклеянного православия в уже прочно утвердившийся апофеоз атеистической эпохи... Смелостью были и проводимые Николаем Александровичем лекции-экскурсии, его зажигательные восторги там, пред иконами, плащаницами да царскими алтарными вратами. Сей крамольный энтузиазм был, разумеется, незамедлительно подмечен определенными рода блюстителями «идейной чистоты»... похвалы

древнему русскому (но ведь церковному – стало быть «вредному») искусству кой-кому показались чрезмерно вдохновенными. Николаю Александровичу, и всегда-то бывшему под прицелом стукачей, пришлось расстаться с музеем. Точнее, – и это звучит ужасом, чернейшей, оскорбительнейшей, изощренно издевательской неблагодарностью по отношению к столь самоотверженному человеку, истинному музейщику, – его уволили «как несоответствующего занимаемой должности». (Впрочем, не первый случай подлой расправы с беззаветными служителями музейного дела или чиновно-партийного равнодушия к таковым... Увы, и музей не щадила самодержавная деспотия большевистских лихолетий...)

Некоторые новгородцы знают, а остальные должны знать, что и большим уже стариком Николай Александрович Чернышев, не уgomонясь, поддерживал и продлевал свою жизнь прежними музейными трудопристрастиями, конкретными подвижническими делами. Это ли не подвиг – научно, полностью самостоятельно разработать реконструкцию паникадил новгородского Софийского собора! Далее – predisположить к идее кого следовало, организовать необычные работы литейщиков и сварщиков завода «Волна» и наконец въяве воссоздать их – дивные эти паникадила!

Преступными руками варваров, похозяничавших в Новгороде в годы Великой Отечественной войны, святыни эти были разгромлены, а руки создателя – вернули нам софийскую гордость: есть за что благодарить человека, трудом побеждавшего материальную разруху, духовные увечья, рутинную будто бы безнадежность.

Частенько наведываясь в кремль, где когда-то (и многие годы) мне выпало жить рядом с Софией, я однажды зашел в собор в вечернее зимнее время. Окна куполов уже померкли. Свечами-лампами самоосвещалось лишь одно большое паникадило – знаменитое Годуновское. И это было торжество красоты неопиcуемой, непередаваемой! Так несказанна музыка света, музыка лучащегося полупризрачного узорного видения, какой-то чарующей грезы, и бронзовое кружево казалось вовсе не бронзовым, а воздушно-серебряным, драгоценно мерцающим, завораживающим, поющим. И запомнилось мне самое главное неудержимое желание – скорее рассказать об этом чуде всем, кто еще не увидел его: придите, как я, вечером, взгляните на бронзу, ставшую, вроде звездных россыпей, тихо светящимся и парящим серебром, умеющим рождать и изливать благодатную мирную светомелодию, – и вы будете счастливы!

Не раз я приходил к Николаю Александровичу в ризницу Софийского собора, где он кудесничал с деталями еще не собранного паникадила. Как не терпелось ему хотя бы словами внушить посетителю зримое представление о будущей гигантской соборной красавице-люстре!..

Кстати, в это же время, работая над паникадилами, Н.А. Чернышев восстановил еще и фигуру когда-то утраченного (украденного) кентавра для Магдебургских врат собора. Вместе, помню, мы с трудом приладили к вратам этого кентавра. С годами он пооброс патиной, «подревнел» и теперь не отличается от соседних бронзовых фигурок.

Итак, жизнь продолжалась. Николай Александрович по-прежнему был окрылен замыслами, творчеством, общением с людьми.

Нужно отметить, что в омуте жизни, работы он ведь вынужден был ладить и с личностями гадкими, уж точно ему несимпатичными. Ну что же, в неприятных разговорах он оставался вежлив, учтив, но в голосе его уже не слышалось ласки и симпатии, которые явно различались в обычных, с добрыми людьми, беседах. После общения с недругами он, по-моему (по моим догадкам), внутренне стоически очищался от скверны

мыслями о другом – о том, что ему в этом мире было по-христиански ценно и свято. Только что нанервничавшись от чьих-либо пакостных словоблудий и выходок, он вдруг как-то сначала торопливо, а потом уже успокоенно вспоминал не относящиеся к предыдущему какие-нибудь светлые события, заговаривал о хороших безобидных людях, об искусстве – возвращал себе то чистое, к чему можно было припасть душою измученного ранимостью и наконец улыбнувшегося ребенка...

И еще – разве можно забыть это его знаменитое, чернышевское, звучавшее при встречах приветствие – «Добрый день!» Произносимое с выбрасыванием всех согласных букв – как три быстрые, одна за другой озвученные колокольчиком ноты. Для пригожих людей это чудное «доб-рый-день» пропевалось как «динь-динь-динь» – особо мелодично, как-то женственно даже, или словно похожий на тонюсенькую вызвонь бубенчиков детский, а может и птичий лепет. «Динь-динь-динь!» – и с ласковой улыбкой чуть склонит Николай Александрович набок остролицую свою головку и посмотрит сверху наивно и сияюще. А иногда и с игривой хитрецей – это если есть ему тут же сразу сообщить что-либо радостное. «Динь-динь-динь!» – и будто весеннее небушко для тебя блеснет, прояснеет...

Мне один знакомый, когда-то, в мальчишестве, живший в Антониевом монастыре по соседству с Николаем Александровичем, рассказывал, как, бывало, они, озорники-мальчишки, по несколько раз на дню, завидев его, – специально перебежали подальше вперед, чтобы потом, повернув вспять, снова встретиться с ним и лишний раз услышать казавшиеся им смешными эти три, будто щебечуще-птичьи, нотки чуть старомодного незлобивого приветствия...

Ошибочно полагать, однако, и особенно после такого моего лирического отступления в воспоминаниях, будто образ Н.А. Чернышева должен впечатлять лишь неким сентиментальным ореолом. Впрочем, это ведь и хорошо, что Николаю Александровичу удалось сохранить в себе добрую сентиментальность, – если понимать под этим словом человеческую теплоту, чувствительность. Значит, не потух, не огрубел человек в

передрыгах, коими донимала его судьба. А ведь и его, Николая Александровича, не миновала участь русских интеллигентов, хлебнувших большевистско-гулаговского «ветерка», когда-то смерчем прогулявшегося по всей сталинизирующей эсэсэсэрии.

Сентиментальность душе не вредит. Но с некоторыми людьми Николай Александрович мог разговаривать коротко и вполне металлическим голосом – это если на порядочность и внутреннюю свободу его посягал кто-либо из слишком осовещенной нечисти. В отличие от зарвавшихся вездесущих товарищей швондеров и шариковых, Николай Александрович не был способен отречься от дарованных ему Богом и природою понятий о человеколюбии и чести. Вновь повторяю: слышал я эти его металлические интонации – и не завидовал тем, кому они были по заслугам адресованы...

Но продолжу о моих встречах с Николаем Александровичем. Навещал я его, хоть и не часто, и у него дома. Обитал он в бывшей келье Антониева монастыря. Обстановка убогого жилья, да и одежда старика, – все кричало о крайней бедности. Пенсияшка-то была грошовая...

После смерти жены Николай Александрович вроде бы и не оставался одиноким. Приходили сын с внуком. Последнему он давно и уверенно прочил поприще художника. И не обманулся. Теперь имя талантливейшего живописца Юрия Игоревича Ерышева известно широко и заслуженно. А в описываемые мною годы внук Юрий немало способствовал осуществлению замыслов неугомонного деда: выискивал для него в Ленинграде архивный материал, подсказывающий аналогии орнаментальным и фигурным деталям паникадил; помогал, кстати, и в отливке (домашним способом) упомянутого мною кентавра...

Частыми посетителями Николая Александровича были студенты соседнего пединститута: учащимся истфака он помогал в познании основного предмета. А они пособляли ему в уборке и обогреве жилища – помоют полы, принесут дров. И я, помню, с улицы, с приставной лестницы, чистил и конопатил к зиме его небольшие оконца. Роль распорядителя-хозяина оставалась, конечно же, за ним: беспокойным, в любое дело вмешивающимся – хлопотливым, несмотря на учащавшиеся

сердечные приступы. Нужно было еще подкормить двух приютившихся у него собак да строптивую, с изувеченным волочившимся крылом ворону.

Так боролся этот человек с одиночеством. Из гостей большинство была – молодежь. Когда я к нему заходил, нередко приходилось знакомиться с новыми и новыми его посетителями. Стол, случалось, был завален чертежами (все они – паникадила!), но чертежи убирались, наступало непременно чаеугощение. Попутно, ко мне, – вопросы: «Как мамы здоровье?» «Как сам-то поживаете-порабатываете?» Добрый, понимающий, чуткий был человек Николай Александрович. Деликатный, неспособный

Возле церкви Николы на Липне. Слева направо: Т.М. Константинова, директор музея, с Костей Мантейфелем; А.В. Тишин, архитектор облпроекта, с сыном Славой; Н.А. Чернышев, зав. художественным отделом; П.А. Мартынов, зам. директора по научной части, с дочкой Лелей; Ю.И. Никитина, научный сотрудник; В.М. Ковалева, экскурсовод; Г.Б. Яковлева, работник музея; Т.И. Клафтон и Е.К. Пагольская – научные сотрудники музея. 1957 г.

отказать при какой-то просьбе, не гневливый понапрасну, великодушно прощающий в людях их эгоистическую самоозабоченность, какую-либо бестактную оплошку. Уж лучше бы он не скрытничал, пожаловался бы на собственные невзгоды – так нет же, все мужественно претерпевал без огласки, а люди-то – были ли они столь же чуткими, благодарными? Я, например?

Зачастую нет, конечно. Заняты были собою. Простите, Николай Александрович, простите глухоту нашу. Слишком по-

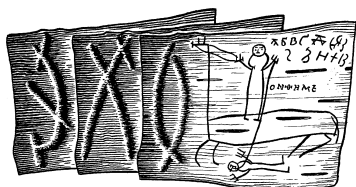
здно спохватываемся. И уже от собственного одиночества начинаем любить того, кому так пригодилась бы любовь наша тогда, при жизни его многострадальной.

И вот, тоскуя по одному из самых дорогих мне людей, я согреваюсь воспоминанием всего наиболее ободряющего, что, помимо фактов грустных и горьких, и отразилось здесь, в этих записях. Да еще в недавнем моем стихотворении о нем же, о милom Николае Александровиче Чернышеве:

*Пусть неухоженный и бедный,
Но это был твой здешний дом –
Земной ковчег, приют последний...
Теперь – бездушным кирпичом
Заложены и вход и окна.
Клянусь – там замурован свет!..
Но крыша ржавая промокла,
И никого под нею – нет.
Была – и сгинула обитель
Наивнейшего мудреца.
Теперь ты, верно, – небожитель..
А мне духовного отца
Так не хватает в этом мире.
И через город я плетусь
За верой – в храм. И словно гири –
Необнадеженная грусть...*

*София!
Лет моих кремлевских
Душа-сопутница!.. Ну вот
Тебе вернули запах воска
И гул молитвенных хлопот.
А заискрившиеся своды –
Ввысь устремил всполох свободы –
Рой размурованных светил
На крыльях тех паникадил,
Что были в сумрачные годы
Подвижником оперены!..
О нем я плакал одиноко
Пред кельей без крыльца, без окон –
И знал: не восстыдится око
У отвернувшейся страны...*

Декабрь, 1996 год.

БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА

Ледовое побоище – одно из самых известных событий русского средневековья. Оно интересно для исследователей тем, что существует уникальная возможность сравнить источники двух противоборствующих сторон: русские летописи и прибалтийские – ливонские и тевтонские – хроники. Русские источники известны историкам давно, но толчком к изучению непосредственного хода битвы послужила первая публикация в 1817 году «Старшей Ливонской рифмованной хроники». В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» просто сообщает о Ледовом побоище¹, даже не пытаясь изложить ход битвы и не говоря ни слова о том, что русские выиграли ее окружением рыцарского войска. Но уже Н.М. Карамзин пишет: «...немцы острою колонною врзались в наши ряды; но мужественный князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял немцев и гнал чужь до самого темного вечера»². Здесь заметна попытка воссоздать ход битвы. Впрочем, первый этап изучения Ледового побоища можно

назвать этапом выявления письменных источников.

Целью второго этапа было выявление места битвы на основе русских и прибалтийских письменных источников. Этот этап продолжался весь XIX-й и первую половину XX века. Само Ледовое побоище обрастает подробностями и становится настолько ясным для историков, что далее практически не предпринимается попыток изменить трактовку хода битвы. Правда, в 1938 году была выпущена брошюра А.И. Козаченко «Ледовое побоище», в которой говорится: «Кроме того, часть дружины [Александра] была поставлена в засаду за возвышенностями берега», и немного ниже – «...с тыла ударила засада Александра, закупорив окончательно щель, пробитую германской «свиной»³. Не вызывают никакого сомнения выводы Ю.К. Бегунова об этой «засадной дружине»: «Автор не счел нужным тщательно изучить источники и литературу вопроса и весьма вольно обращался с имевшимся у него материалом... эта дружина, поставленная в засаде – чистой воды домисел автора, не основанный ни на каких данных источников (и явно придуманный по аналогии с действиями «засадного полка» во время Куликовской битвы)»⁴. К сожалению, эта выдумка автора-популяратора имеет хождение до сих пор, несмотря на полное отсутствие каких-либо подтверждений в источниках⁵.

Начало третьего этапа изучения (синтез результатов первых двух этапов и обобщение сведений о Ледовом побоище) можно связать с работами в 1956-1960 годах на Чудском и Теплом (в древности – Узмень) озерах комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища под руководством Г.Н. Караева. Материалы, собранные и опубликованные участниками экспедиции⁶, на настоящий момент являются наиболее полными и заслуживающими внимания. В результате гидрологических, геологических, археологических и гидроархеологических изысканий, обследования путей сообщения, сбора фольклорных материалов и материалов по топонимике было выяснено, что наиболее вероятным местом битвы мог быть участок Теплого озера (Узмени), находящийся приблизительно в 400 метрах к западу от современного берега мыса Сиговец, между его северной оконечностью и географической шириной деревни Остров⁷.

На основе решения вопроса о месте Ледового побоища Г.Н. Караевым была предложена развернутая трактовка хода битвы⁸. Автор выделяет основные преимущества, которые давало выбранное место русским войскам (схема 1):

1. Невозможность внезапного нападения противника через открытые ледяные просторы Узмени.

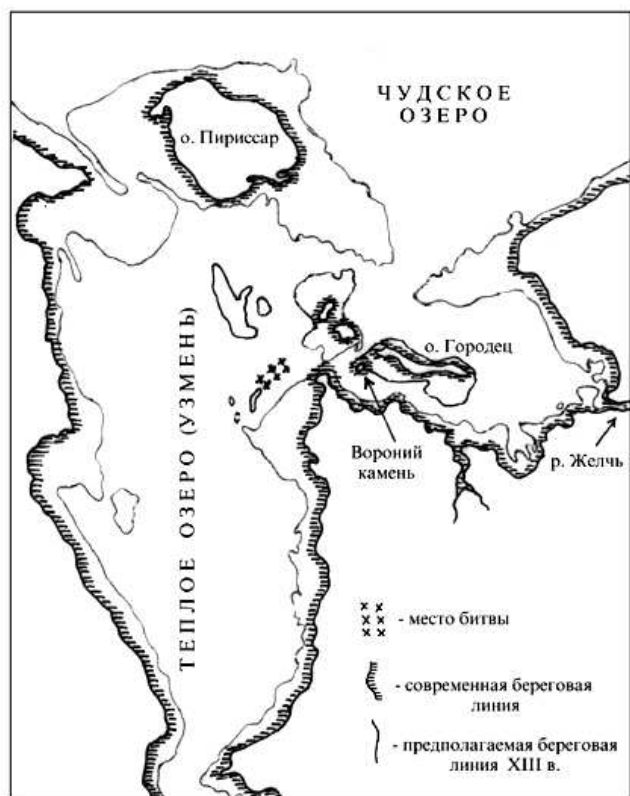

Схема 1

2. Безопасность правого фланга обеспечивалась тонким льдом Сиговицы* и сторожевыми наблюдательными постами на Вороньем камне; безопасность левого фланга обеспечивали просторы Узмени, давая возможность заблаговременно определить направление главного удара и подготовиться к его отражению.

3. Если противнику удастся прорвать боевой порядок русских, то рыцарская конница попадает на покрытый лесом берег, где она не могла бы двинуться вперед и развить успех.

4. Полоса прибрежного мелководья давала гарантию русским не провалиться под лед.

5. Войско Александра Невского, скрытое до начала битвы в лесу, не показывало противнику свои силы. Рыцарское же войско обнаруживало сразу свою численность, боевой порядок и направление удара.

6. При удаче русских немцы вынуждены были бы отступать по открытой водяной поверхности и их можно было легко отеснить на север, на тонкий лед Сиговицы.

7. В случае неудачи русские могли отступить в лес и отойти во внутренние области новгородско-псковских земель⁹.

Отмеченные преимущества во многом правильны. Но есть у традиционной схемы существенные недостатки. Постараемся их выявить. Но сначала, несмотря на фантастичность «засадной дружины», имеет смысл исследовать саму возможность размещения крупных отрядов на флангах и за флангами русского войска. В этом вопросе существуют определенные неясности. Например, в книге «Ледовое побоище 1242 года» Ю.К. Бегуновым говорится о засадной дружине очень четко как об отсутствующей; но одновременно в том же сборнике, в схемах, приведенных Г.Н. Караевым, эта же дружина обозначена, да и в тексте, где дается трактовка битвы, вообще-то двусмысленно определяется место расположения конницы: «...конница... могла быть помещена за... левым флангом»¹⁰.

Рассмотрим вероятность размещения крупных военных отрядов за флангами русского войска (схема 2). За правым флангом, если и был отряд, то самый минимальный, так как в ходе битвы он мог первым оказаться на тонком льду Сиговицы, даже в результате первого удара немцев, когда русские, естественно, подались немного назад и в стороны. Или же этот отряд был просто ограничен в своих действиях в силу существования совсем рядом опасного места. Скорее всего, правофланговый отряд просто прикрывал с севера русское войско от всякой неожиданности и не был большим по численности.

Расположение же за левым флангом в лесу крупного конного отряда тоже представляется маловероятным. Зимний лес достаточно хорошо просматривается на небольшую глубину, и если большой отряд русской конницы стоял на опушке, то на фоне снега немцы увидели бы его издали и в своих дальнейших действиях вряд ли проигнорировали бы, оставив часть

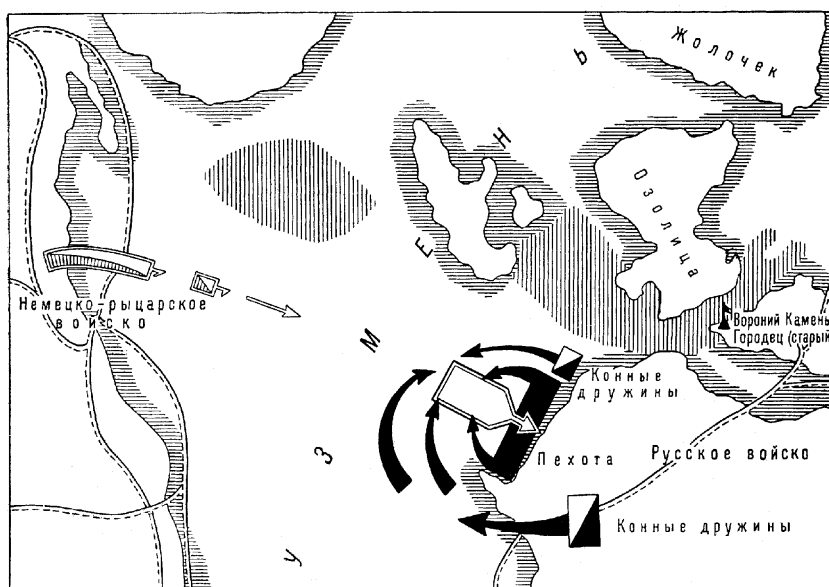

Схема 2

своего войска как резерв на случай контратаки со стороны замеченного русского отряда, или же выставив с угрожающей стороны (в данном случае у своего правого фланга) заградительный отряд из пехоты и легкой конницы. Тогда дальнейшие действия русской конницы были бы парализованы, тем более что пока большой конный отряд выбирался б с опушки снежного леса, он представлял бы собой великолепную цель для немецких стрелков. А после обстрела легкая немецкая конница (а возможно и рыцари, ведь русская княжеская дружина – достойный противник) могла с большим успехом атаковать расстроенные ряды русской конницы. И в итоге сильнейшая часть русского войска была бы нейтрализована. Заградительные отряды из пехоты и легкой конницы, разделение рыцарского войска на несколько частей в зависимости от обстановки – все эти тактические действия были характерны для европейского войска и отлично известны таким высокопрофессиональным бойцам, как рыцари.

Теперь рассмотрим ситуацию, когда русская конница скрывалась бы за левым флангом глубоко в лесу или за мысом, как на схеме Г.Н. Караева. Здесь необходимо учесть очень плохую проходимость леса зимой для конницы¹¹, удаленность от места битвы и стремительность первой фазы боя, которая в той ситуации была бы и последней, так как непосредственно на поле боя в самый тяжелый момент отсутствовала б лучшая часть русского войска. В итоге русская конница не смогла бы оперативно и активно отреагировать на резко изменившуюся обстановку. К моменту начала русской контратаки значительная часть войска Александра уже перестала бы существовать, а конница вышла б из леса бесформенной массой, которой необходима до начала атаки оценка ситуации, принятие решения и перестроение, а затем последовал бы бой в явно невыгодных условиях и в меньшинстве. Причем противник сохранял бы организованность (конечно, относительную) и понес бы до этого самые минимальные потери, сражаясь, а точнее уничтожая относительно хуже чем рыцари вооруженную основную массу русских. Естественно, в таких условиях отвод и маскировка значительных сил за флангом теряет всякий смысл из-за необходимости для князя Александра иметь максимально возможное количество войск непосредственно на поле боя,

* Сиговица – участок озера Узмень, на котором лед имел пористую, менее прочную структуру, чем ледяной покров остальной поверхности.

чтобы не потерять драгоценного времени и не проиграть битву в самый же первый момент. Значит, допустимо сделать вывод, что никаких крупных отрядов за флангами русского войска не было, а были только обычные отряды, прикрывающие справа и слева центральный полк – «чело».

Перейдем теперь к построению русских войск. Г.Н. Караев предполагает, что Александр скрыл действительный численный состав своего войска, разместив его в лесу, а на берегу поставил только «сторожу», то есть охранение. Немцы были вынуждены двигаться по открытой ледяной равнине, обнаруживая тем самым свои силы, боевое построение и направление удара. Не очень понятно, откуда все это Караевым взято – в источниках, которыми он пользуется, ничего подобного нет. Да и если противника на виду нет (он скрыт в лесу), зачем вообще нужна атака всеми силами почти пустого места? И строить свое войско непосредственно перед столкновением вряд ли решился бы любой полководец. Фраза о том, что немцы, двигаясь по открытой ледяной поверхности озера, показывали направление своего удара, внешне выглядит безупречной. Но произведем несложный расчет. Численность войск в битве 1242 года точно не известна. В материалах экспедиции определяется общее число воинов с обеих сторон примерно до 30 тысяч человек¹². А.Н. Кирпичников же считает, что с немецкой стороны участвовало примерно 300-400 человек, и несколько больше с русской стороны. Думается, это крайние точки зрения, но, вероятнее всего, общее число участников не превышало несколько тысяч. Отношение длины фронта к глубине строя так же неизвестно, но учитывая, что устойчивость пехоты против конного удара не позволяла это отношение делать большим, можно принять его как 4:1. Возможно, оно было еще меньше – из дальнейшей военной истории известно построение типа «каре», то есть квадрат с соотношением 1:1.

Итак, при соотношении 4:1 и численности в 17 тысяч человек (взяты максимальные цифры из материалов экспедиции), длина строя всего русского войска составляла примерно 250-280 метров при глубине 60-80 метров. При меньшей численности войска эти размеры еще более сокращались. А это означает, что направление удара рыцарской конницы можно было точно зафиксировать при таком компактном построении русского войска только на последних сотнях или даже десятках метров атаки перед столкновением, когда эти сведения теряли уже свое значение. Срочно перебросить воинов с места на место было невозможно, не внося сумятицы в собственный строй. Следовательно, русские не знали, по какой части их войска немцы нанесут удар и, соответственно, не могли к этому подготовиться. Немцы могли нанести удар по любой части русского войска. Протаранена могла быть и сильнейшая часть русских, предназначенная для нанесения флангового удара, и тогда никакой замысел с окружением не мог быть осуществлен. Не учитывать этого Александр не мог.

Кстати, о часто приписываемой немцам (профессионалам войны!) узости мышления можно судить по фразе: «Задача клина сводилась к раздроблению центральной, наиболее сильной части войска противника»¹³. Здесь априори подразумевается, что немцы всегда стремились к уничтожению именно центра, вне зависимости от того, какие войска там стоят, какая вокруг местность и т.п., и слова «наиболее сильной части» выглядят объяснением, почему всегда центр – цель атаки. И, как

ни странно, эта фраза, при своей демонстративно невысокой оценке действий рыцарей, верна в том смысле, что задача клина сводилась к раздроблению наиболее сильной или значимой в их глазах части войска противника. А европейская история показывает многочисленность и даже неожиданность тактических маневров рыцарской конницы для достижения этой действительно главной цели.

Необходимо также заметить, что фактически инициатором битвы был Александр Невский. Эта мысль утверждается изучением предшествовавших Ледовому побоищу событий. Александру в тех сложнейших военно-политических условиях было необходимо как можно скорее покончить с угрозой северо-западным границам Руси. Он очень быстро освобождает захваченные русские земли и затем идет в Прибалтику. Дальнейшие действия Александра очень значимы для понимания его намерений. Отнюдь не каждая война в средние века приводила к крупным вооруженным столкновениям, чаще дело ограничивалось элементарным разграблением земель противника. Александр же «пусти полкъ всъ в зажитъе», отправил в «розгон» отряд Домаша Твердиславича и Кербета и фактически дождался, когда противник соберет войско (а это не так быстро) и пойдет против него. Своими действиями Александр спровоцировал выступление против себя рыцарского войска, и затем отошел к Умзени. Если бы Александр опасался немцев, то он скорее отошел бы к Пскову, но князь выбрал именно Умзень, и не случайно. Немцы могли пойти от Дерпта на север, но там их ждали только разоренные земли около Копорья, да еще в тылу оставалось русское войско. Они могли пойти на Псков, но тогда попадали под двойной удар со стороны Пскова и со стороны Александра. У немцев реально не было альтернативы, кроме как идти прямо на русское войско, стоявшее на Умзени. Александр завлек их на удобное для себя место, откуда мог, в случае неудачи, отступить вглубь русских земель по реке Желчи или иным путем¹⁴. Все действия князя подтверждают, что именно ему была нужна эта битва, видимо, чтобы покончить, хотя бы на время, с орденой угрозой. Не в интересах Александра было настораживать противника, спрятав свое войско в лесу – ведь рыцари должны были видеть цель своей атаки, иначе столь необходимая ему битва на выбранном удобном месте просто не состоялась бы. Тем более что у немцев в памяти еще были свежи поражения, нанесенные им литовцами из лесных засад. Наиболее логично было расположить русское войско вблизи от берега и так, чтобы противник его ясно видел. Место будущей битвы имело важное преимущество: оно было достаточно удалено с правого фланга от Сиговицы. Основу русского войска составляли новгородцы и суздальцы, которые явно плохо ориентировались на псковских землях. Немцы же, имея много пехотинцев – местных жителей: и эстов, и ливов, и немцев, живших в окрестных городах – знали о ледяной опасности и, скорее всего, действовали на этом участке с большой осторожностью.

Отчасти Сиговица справа русскую позицию все же прикрывала, а левый фланг сбоку и сзади защищался лесистым мысом. Позиция была удобна и тем, что, в случае неудачи, русские могли отойти к реке Желчи, опираясь на укрепление Вороньего острова, или же уйти на берег, где их преследовать было бы затруднительно. Косвенным свидетельством существования дороги в тылу русских является выявленный экспедицией Г.Н. Караева Запедрикский наволок, то есть место, где

наволакивают на берег лодки. Поэтому вполне возможно, что существовала дорога от наволока к ближайшим населенным пунктам.

В общем, положение противников перед битвой можно охарактеризовать так: у русских – устойчивая позиция с прикрытыми флангами и путями отхода, у немцев – ясно видимая цель атаки и свобода маневра. И в русском и в немецком войсках были местные уроженцы, которые хорошо знали район Узмени, состояние льда и наличие проходящих здесь дорог. Немецко-рыцарское войско, хотя и было в меньшинстве, на первом этапе битвы владело всей инициативой.

Как же должна была при этих условиях проходить битва 1242 года? Рыцари шли в атаку «свиньей», то есть клинообразной или трапециевидной колонной рыцарской конницы, удобной для действий против преимущественно пехотного войска. После первого удара немцы уткнулись в лесистый заснеженный берег, остановились, среди них началась толчея, и в этот момент сильные русские отряды нанесли фланговые и тыловые удары. Замкнулось кольцо окружения.

Эта схема и раньше вызывала некоторые нарекания историков. А.Н. Кирпичников писал: «...немецкий рыцарский клин врезался в гущу русского полка. При такой ситуации нарушалась слитность построения тактической единицы, что грозило прекращением организованного сопротивления. В данном случае, этого, однако, не произошло, а нападающие сами попали в «мешок». Объяснить данное обстоятельство можно только тем, что в состав полка входили более мелкие тактические единицы, очевидно стяги, сохранившие порядок и самостоятельно осуществившие фланговый маневр на окружение противника»¹⁵.

Действительно, такое членение на стяги известно с XII века, а в XIII веке оно, видимо, уже становится отработанной и опробованной в боях структурой русского войска. М.Г. Рабинович отмечал: «Нужно думать, что в Древней Руси стяг обозначал и определенную войсковую единицу. Во всяком случае количество стягов характеризовало численность войска»¹⁶. Но совершенно не учитывается, что окружение является самым сложным тактическим приемом, и для его успешного завершения требуется практически идеальная согласованность действий по времени и направлению контрударов и, естественно, необходимые для этого силы на нужных участках позиции. Русское же войско после первого страшного рассекающего удара («и прошибошася свиньей сквозь полк»¹⁷) как единое целое перестало существовать: не было ни единого фронта построения, что необходимо для концентрации войска на нужном направлении, ни единого, равноценного не всех флангах, командования. В. Мавродин описывал это так: «Это была страшная сила, которая вклинивалась в центр фронта противника, разрезая его на две части, лишая единого управления, сея панику и смятение»¹⁸. То есть дальше последовали бы просто обособленные, разрозненные контратаки стягов, которые сплошная стена рыцарского войска, не потерявшего ни своей боевой массы, ни инерции движения, ни единства строя, легко отразила бы. Необходимо, правда, здесь заметить, что единство строя, организованность рыцарского войска была относительной, только до момента начала рукопашной схватки. Крупных же отрядов на флангах русских, как отмечено выше, скорее всего не было.

И еще одно замечание. Конница в XIII веке в Европе играла

очень большую роль, а во многом и определяющую, и именно она являлась наиболее притягательной целью для рыцарского войска, прошедшего великолепную школу европейских рыцарских схваток-единоборств равных противников – тяжеловооруженных всадников. Поэтому, заметив русскую конницу, стоящую на флангах, а точнее на левом фланге русского войска, как это предлагается традиционной трактовкой битвы, немцам было логичнее атаковать не пехоту, а более важные для них конные отряды с тем, чтобы вступить с ними в бой сразу же и нейтрализовать их. Согласно традиционной схеме битвы ударная колонна немцев остановилась из-за того, что в тылу русских находился почти непроходимый лесистый заснеженный берег. Но здесь берется в расчет только острое клина, движение которого действительно должно было затормозиться, а ведь отряды рыцарской и легкой конницы, прикрывавшие сбoku немецкую колонну, были полностью свободны в своих действиях и могли успешно противодействовать фланговым ударам русских. Возникает естественный вопрос: кто мог победить в схватке на флангах – русские, смешавшиеся от первого удара, или немцы, в полном строю идущие вперед в атаку? В той ситуации для русских победить было бы более затруднительно, чем немцам.

При этом совершенно игнорируются возможности немецкой пехоты. Ее считают слабой, ненадежной и практически не участвующей в бою. Единственное основание для этого вывода – то, что она набиралась в подневольных землях Прибалтики, и, значит, пехотинцы не желали сражаться за Орден или дерптского епископа. Но в Новгородской первой летописи говорится: «и паде Чюдъ бешисла»¹⁹; поскольку говорится не о взятых в плен, а о павших в битве, отсюда однозначно следует, что чудь-пехота сопротивлялась, а не подставляла головы под топоры. Значит, на уничтожение пехоты надо было тоже положить немало сил. Пехоту составляли не только подневольные жители Прибалтики, но и бюргеры, жители немецких городов²⁰. Рыцари-меченосцы набирали себе оруженосцев, слуг и арбалетчиков из служащих Ордена, куда нерешительные и слабые просто не шли²¹. Еще в XIX веке полковник Марков в своей «Истории конницы» отмечал, что во время крестовых походов «необходимость заставила дать пехоте более правильное устройство и с большей точностью определить ее назначение и тактику»²². Г. Дельбрюк замечает: «Мы имеем основание и должны предполагать, что сеньоры, на службе которых они [пехотинцы и слуги] состояли, выбрали себе для похода боеспособных воинов, а на Западе повсюду представлялась достаточная возможность пройти хорошую школу войны»²³. Он же упоминает о событиях, когда западноевропейская пехота останавливала бегущих рыцарей и подавала им пример стойкого сопротивления. Поэтому вряд ли было бы правильным вовсе не брать в расчет боеспособную немецкую пехоту. И если учитывать очень вероятную боеспособность пехоты немцев, активность и силу рыцарской конницы и расчлененность русских порядков, то можно сделать вывод, что отдельные тактические единицы русского войска (стяги) были способны к устойчивому пассивному сопротивлению, но не более того. Организовать окружение противника князю Александру в тех условиях было практически невозможно.

Полностью не учитывается и то обстоятельство, что «свинья» немцев была только походно-ударным построением. Рыцарский строй сохранялся лишь до сближения с противником.

Как только начиналось сражение, строй рассыпался, и каждый рыцарь устремлялся на избранную им цель. Боевые порядки существовали только для сближения с противником и «вломления» в его боевой строй²⁴. Правда, имеет место и крайняя точка зрения о том, что в средние века войско вообще было лишено какой-либо организации. Этот взгляд выразил Ф. Меринг: «В средние века не было в сущности ни тактики, ни стратегии; можно было бы говорить лишь с некоторыми оговорками о стратегии на истощение в самом тривиальном значении этого слова»²⁵. Конечно, и стратегия и тактика были, но все тактические планы осуществлялись, за малым исключением, до столкновения, на стадии расстановки войск, и затем битва развивалась по предвзятому замыслу; оперативного же вмешательства в ходе боевого столкновения в источниках практически не зафиксировано. Это верно было и для Западной Европы и для Руси.

Приписываемый немцам замысел протаранить русское войско, выйти в тыл, развернуться и нанести еще один дополнительный удар²⁶ представляется сомнительным. Во-первых, издавна видимый доминирующий над ровной поверхностью льда лесистый берег, находящийся в ближайшем тылу русских, показывал немцам невозможность свободного маневра на этом участке. Во-вторых, в столь нехарактерной для средневековой усложненной тактике с выходом в тыл, разворотами, дополнительными ударами, вообще не было смысла. Немцам для того, чтобы развернуть сомкнутую массу тяжелых всадников, необходимо было довольно много времени. Потеря же драгоценного в бою времени (а значит и инициативы) давала противнику возможность оправиться после первого удара, подготовиться к следующему этапу боя, а, возможно, и нанести в свою очередь удар. Надо упомянуть и то обстоятельство, что духовно-рыцарские ордена (к которым относились и Тевтонский, и Орден меченосцев, и Ливонский) были созданы для более четкого взаимодействия отдельных отрядов и для поддержания дисциплины среди рыцарей. Но в данном случае «орденские братья не основная масса крестоносцев в Ливонии, а главная организующая сила, их командный состав и ядро тяжелой кавалерии», что достаточно убедительно доказали И.Э. Клейненберг и И.П. Шаскольский²⁷. Орденские братья-рыцари, связанные жесткой дисциплиной, не составляли большинства рыцарского войска (их было просто мало, учитывая и идущую тогда же войну с куршами, одним из прибалтийских племен, и предшествующие потери), а значит и их организованность не могла определять поведение всей массы всадников с их своеволием и жадой немедленной схватки с врагом.

Придерживаясь достаточно хорошо изученной рыцарской тактики, можно сделать обоснованное предположение о действиях, которые предприняли немцы в начальный период битвы. Г. Дельбрюк пишет: «Если отдельные отряды рыцарей часто и вступали в бой не совсем одновременно, то разница в сроках может быть только незначительной»²⁸. То есть немецкое войско обрушилось на русских всей своей массой, а не толь-

ко острием клина, который нанес первый удар. Немцы смогли первым ударом расчленив русское войско, нарушив единое командование, ошеломить русских воинов, непосредственно незатронутых этим ударом, посеять среди них смятение, а может и панику. И немедленно, без какого-либо промедления, развернулись фланги немецкие колонны и нанесли удар практически по всему фронту русского войска, стоявшего очень компактно. Окружение немецкого войска в таких условиях просто невозможно.

Но существует ценнейший источник наших сведений об этих событиях – Старшая Ливонская рифмованная хроника, составленная в конце XIII века. В ней упоминается окружение:

...там был слышен звук мечей,
и видно было, как рассекались шлемы.

С обеих сторон убитые
падали на траву²⁹.

Те, которые находились в войске братьев-рыцарей,
были окружены.

Русские имели такую рать,
что каждого немца атаковало,
пожалуй, шестьдесят человек.

Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
но их там одолели.

Часть дерптцев вышла
из боя, это было их спасением,
они вынужденно отступили³⁰.

«Хроника» характеризуется И.Э. Клейненбергом³¹ как произведение литературного жанра, распространенного в Западной Европе в XII-XIV веках. Целью создания подобных произведений было прославление побед немецкого оружия. Стихи эти читались в орденских замках для воспитания гордости за Тевтонский и Ливонский ордены. Естественно, о неудачах говорилось или вскользь, или назывались очень веские объективные причины для оправдания поражений в глазах орденских братьев. Литературное произведение не может служить единственным источником для описания любого исторического события. Явно нереальное соотношение сил имеет в тексте оправдательный смысл: русских было так много, что они

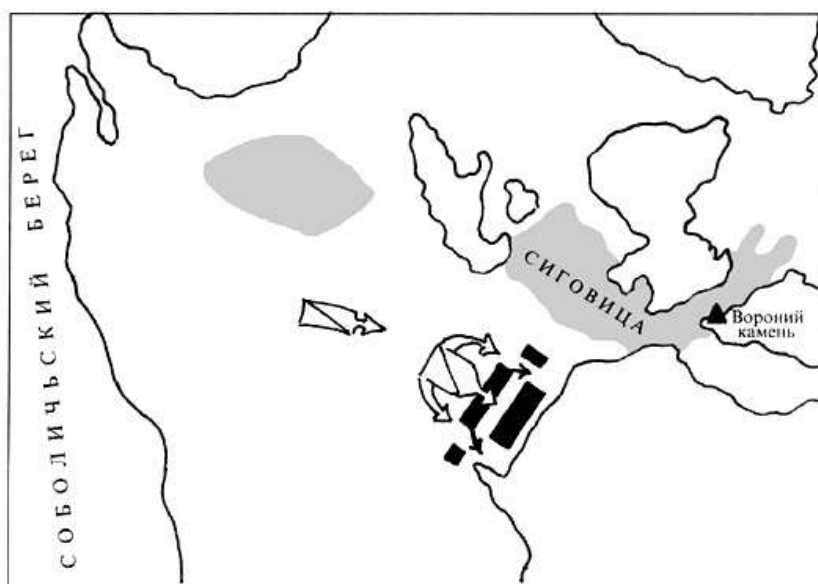

Схема 3.1

просто окружили немцев со всех сторон. Окружение можно трактовать как чисто литературный прием. Немного ниже говорится о выходе из боя рыцарей дерптского епископа Германа, но из боя, а не из окружения. Они не прорывались через русские ряды, а просто отошли. В противном случае это было бы отражено в «Хронике». Кстати, все известные прибалтийские источники (кроме «Хроники») ничего не говорят об окружении. Видимо, их составители воспринимали упоминание в «Хронике» об окружении как чисто литературный прием. И еще можно сказать, что на заключительном этапе любого сражения, когда часть врагов убита, другие бежали, поле битвы как раз и представляет собой отдельные кучки обороняющихся воинов в кольце победителей.

Если бы окружение имело место, то русские летописи отобрали бы этот факт, по крайней мере новгородские и псковские. Можно вспомнить, как подробно описывались отличающиеся от привычных летописцам по замыслам или ходу битвы, например, Невская³² или битва с уграми в 1097 году³³. Тогда молчание летописей по поводу уникального в средние века окружения по меньшей мере странно. Значит, для русских летописцев в этой битве не было ничего нового, неожиданного, а только талантливое развитие уже существовавших и опробованных приемов боя. В данном случае окружение (если оно и было) – не оперативный замысел, а несознательная закономерная фаза заключительного этапа сражения.

Рассматривая битву на Чудском озере в контексте общего хода развития русского и европейского военного искусства, нельзя не заметить, что она резко из него выбивается: у нее нет ни предшествовавших ей битв, ни битв в последующее время с использованием накопленного опыта.

И последний парадокс – окружение конницы пехотой. При всех благоприятных условиях для пехоты, конное войско (тем более со своей хорошей пехотой) на открытом пространстве способно быстрее реагировать на изменение ситуации. Все известные в военной истории окружения произведены или пехотой против пехоты, или конницей против конницы или пехоты. Вероятно также окружение пехотой неподвижно стоящей конницы, что не соответствует ситуации 1242 года.

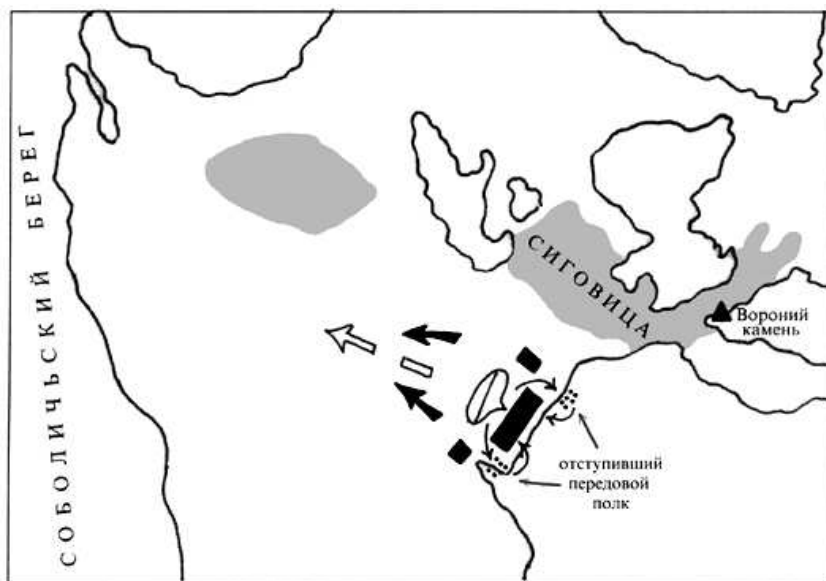

Схема 3.2

Можно сделать заключение – битва 1242 года не могла быть выиграна с помощью тактического маневра на окружение по следующим причинам:

1. Невозможность организации активных боевых действий русских войск после первого удара немцев (русские могли организовать только пассивное сопротивление).
2. Отсутствие крупных резервов на флангах и за флангами русского войска.
3. Практически одновременное вовлечение в битву (по всей линии фронта) немцев и, соответственно, русских.
4. Невозможность для князя Александра предусмотреть место первого удара.
5. Несоответствие традиционной трактовки хода битвы накопленному к XIII веку опыту ведения боевых действий и последующему развитию военного искусства.
6. Отсутствие как в русских, так и в прибалтийских (кроме Старшей Ливонской рифмованной хроники) источниках упоминания об окружении.

Но тогда возникает вопрос: как же князю Александру удалось одержать победу, имея фактически уже разгромленное, потерявшее управление войско?

Можно предположить, что войско Александра Ярославича было поставлено перед необходимостью:

- устоять после первого удара немцев;
- сохранить при этом свою боеспособность и боевую активность;
- заставить немцев потерять инерцию первого удара и развернуть фланги рыцарской колонны (т.е. потерять строй атакующей колонны),
- и только затем переломить ход сражения в свою пользу.

Все источники, и русские, и прибалтийские, сходятся в одном: немцы пробили ряды русских, и тут только разгорелась битва – «сеча зла». Получается парадокс: русские одержали победу в битве, которая практически уже была ими проиграна.

В XII веке на Руси отмечается еще одно, кроме членения на стяги, изменение в военном деле: появляется необходимость усиления строя дополнительной боевой линией – передовой, которая размещалась перед центром. Такое эшелонирование боевых порядков начиная с XII века отмечали многие историки³⁴. Передовая линия стрелков-лучников должна была обстреливать приближающихся всадников и, приняв первый удар на себя, смягчить его для основной части войска – «чела» и фланговых отрядов – «крыльев». Предполагается, что обычно в передовой линии находилась лишь небольшая часть войска. Но русские летописи не называют передовую линию Александра «сторожей» или стрелками. Напротив, говорится прямо: «И наехаша на полк Немцы и Чюдь и прошибошася свиньєю сквозь полк, и бысть сеча ту велика Немцем и Чюди»³⁵. «Хроника» же говорит:

Немцы начали с ними бой.

Русские имели много стрелков, которые мужественно приняли первый натиск,

[находясь] перед дружиной князя.
Видно было, как отряд братьев-рыцарей
одолеет стрелков...*

Ф.П. Сороколетов в «Истории военной лексики» раскрывает значение слова «полк». Он говорит об употреблении сочетания «передний полк» с конца XII века со значением «отдельная боевая единица, часть войска, имеющая и свое командование и свои определенные задачи в бою». Термин «полк» в значении «часть войска, отдельный отряд» чаще употреблялся в XI–XIII, чем в XIV–XVI веках. Но в то же время имел хождение и термин «сторбжи» («сторбжа» в значении «передовой отряд»³⁶).

Впереди русского войска стояли стрелки, но летописец не называет их «сторожей», то есть небольшим отрядом, а использует слово «полк» – видимо, они были достаточно большой и самостоятельной частью войска. Кстати, в новгородском войске стрелков было довольно много и они часто действовали не как вспомогательные силы, а как часть основного войска³⁷.

Учитывая большое количество стрелков у русских, достаточно известные к тому времени традиции эшелонирования войска, можно сделать следующий вывод: передовой полк у Александра был не просто цепью стрелков перед главным полком, а мощной и значительной частью войска, имеющей первостепенное значение. Отряд рыцарей «одолеет их», то есть это произошло в ходе упорной схватки, а не просто немцы прошли сквозь редкие ряды русских стрелков. Задача этого полка не сводилась к обычному обстрелу рыцарской колонны и затем быстрому отходу, она была значительно важнее. Когда острие «свиньи» пробивалось через русские ряды, немецкие фланги привычно развернулись и вступили в битву, но не с основными силами Александра, а с передовым полком. И лишь после разгрома передового полка началась «сеча велика Немцем и Чюди» (схема 3).

Александр тактически переиграл немцев, которые были введены в заблуждение стоящей перед ними большой массой русских стрелков. Передовой полк должен был выглядеть настолько мощным, чтобы немцы приняли его за главные русские силы. Если бы они увидели перед собой лишь небольшой отряд русских стрелков, логичнее и привычнее для них было бы отложить атаку, выслав вперед соответствующий отряд пехоты или легкой конницы. Или же фланги рыцарского войска просто не стали бы разворачиваться, а всей мощью клина протаранили бы этот заградительный отряд и атаковали главные силы князя Александра своей почти непобедимой сплоченной колонной. И исход битвы был бы скорее всего другим. Но этого не произошло.

Идея использования в бою передового полка не была такой уж новой к середине XIII века, но князь Александр наделил этот полк принципиально новыми функциями и сделал его важнейшим элементом своей оборонительной тактики. Находясь в обороне он, отказавшись от обычной пассивной тактики, вынудил немцев действовать так, как ему было выгодно, и смог сохранить свои главные силы для последующей победы над мощным противником.

Необходимо сказать также о возможном построении рус-

ских войска на поле битвы. Традиционно для того, чтобы подогнать русский строй под схему боя с окружением, военные историки в центр обычно помещали слабую пехоту. В. Мавродин писал, что русское войско было построено в виде римской цифры V – в центре стоял незначительный отряд при максимально укрепленных флангах³⁸ (искусственность подобной схемы была доказана выше). При этом подразумевается, что незначительный отряд – это и есть пехота, от действий которой абсолютно не зависел исход битвы. В.В. Каргалов еще более категоричен: «пешие ополченцы из новгородских волостей были плохо вооружены и обучены»³⁹. Сразу возникает вопрос – а зачем же их тогда брать на битву, от результатов которой во многом зависело существование Великого Новгорода и всех северных районов Руси?

Но существует иная точка зрения. В частности, А.А. Строков писал: «Пехота на Руси... в отличие от стран Западной Европы не считалась второстепенным родом войска. Она тесно взаимодействовала с конницей и зачастую решала исход сражения»⁴⁰. А.Н. Кирпичников солидарен с ним, подчеркивая «возвышение» роли пехоты, которая участвует в бою на равных правах с конницей, а иногда и предопределяет исход сражения»⁴¹. Данная точка зрения представляется более убедительной, тем более что весь ход европейской военной истории XIII–XV веков показывает нам предпочтительность именно такого взгляда (вспомним хотя бы блистательные победы над рыцарскими войсками знаменитой швейцарской пехоты). Надо также заметить, что, судя по археологическим данным, качество русского (в том числе и новгородского) оружия, как кавалерийского, так и пехотного, не уступало образцам западного, немецкого оружия.

Опираясь на известные результаты исследований военных историков и результаты данной работы, можно предположить следующую схему построения русских войска. Главный полк – князь Александр, его дружина и суздальцы князя Андрея, младшего брата Александра (в средние века место князя было именно в главном полку). Передовой полк составляли новгородцы. Именно в новгородском войске традиционно отмечается большое количество лучников-стрелков. Да и принимать на себя удар логичнее было бы новгородцам, потому что в тылу русского войска начиналась псковско-новгородская земля, а не суздальская. Возможно, в битве участвовали и псковичи. Судя по отсутствию упоминания их действий во время битвы, они не сыграли большой роли. Скорее всего, их участие, если оно было, выражалось в прикрытии флангов русского войска, что вполне естественно для местных уроженцев, знающих особенности этого района.

Следует внимательно отнестись и к заключительному этапу Ледового побоища. Традиционно его представляют как преследование разгромленного противника на протяжении 7 верст до западного, «Соболичского» берега, в результате чего многие рыцари попали на тонкий лед Сиговицы и потонули. Надо заметить, что преследование, по-видимому, тогда являлось новшеством, по крайней летописи до 1242 года не говорят о преследовании противника, бегущего с поля боя.

Принято считать, что без утонувших немцев картина битвы была бы неполной. Эта точка зрения вызывает сомнения. Проведем небольшой источниковедческий анализ.

Сообщение «а иних вода потопа» встречается в летописях: Софийской I (список Оболенского, XV в.); Новгородской IV

* Возможен также перевод – оттеснил, врезался, прорвался сквозь...

(Строевский I список, кон. XV – нач. XVI вв.); Новгородской V (Хронографический список, XVI в.); Псковской I (Архивский IV список, XVII в.); Псковской III (Строевский список, XVI в.); Никонской (Академический XIV список, кон. XVI в.) и других.

Но существуют и летописи, в которых нет ни слова об утонувших. Это Новгородская I старшего извода (Синодальный список); Новгородская I младшего извода, XV век; Лаврентьевская и Суздальская (по Академическому списку, XIV в.); Псковская I (Тихановский и Архивский XIX списки); Псковская II (Синодальный список, кон. XV в.); Никаноровская (XV в.) и другие летописи.

Исследователи считают, что сообщения о Ледовом побоище из Новгородской I, Лаврентьевской и Суздальской, Псковских I (по Тихановскому списку) и II восходят к древним сообщениям середины XIII века. Нет упоминания об утонувших и в «Житии Александра Невского», первоначальная редакция которого восходит к 1280-м годам. Легко заметить, что самый древний рассказ о тонувших немцах относится ко второй половине XV века (Софийская I летопись), в то же время ни один оригинальный современный событию источник об этом не упоминает. Молчат о потоплении и немецкие хроники (как XIII века, так и поздние), что само по себе очень странно: при подробном изложении событий в «Хронике» нет даже намека на это вмешательство природы, которое могло бы как-то оправдать тяжелое поражение.

Кроме того, сомнительность эпизода с утонувшими немцами подтверждают следующие соображения:

1. Сиговица лежит севернее места битвы и вероятного маршрута бегства немцев.
2. Основная масса русского войска не знала местности, и должна была так же страдать от тонкого льда во время преследования.
3. Вес доспехов и оружия русских и немцев до середины XIII века был примерно одинаковым.

Говоря об определенном сходстве вооружения рыцаря и русского всадника (а преследовала бегущих обычно конница), необходимо привести соображения некоторых исследователей. Крупнейший оружейвед советской и российской исторической науки А.Н. Кирпичников пишет о том, что уже в XII веке «русские мастера... вошли в клуб европейского конного рыцарства», «появление этих [рыцарских] мечей... обусловлено общим утяжелением рыцарского вооружения, усилением его защитных свойств». По его наблюдениям именно на Руси появляется конская маска как деталь защиты коня⁴². И.П. Шаскольский и И.Э. Клейнберг заметили, что немецкий хронист (в Старшей Ливонской рифмованной хронике) описывает одними и теми же словами броню, шлемы и знамена русских, немцев и эстов. Значит, вооружение русских дружинников в глазах хрониста мало чем отличалось от вооружения конных воинов других народов, и поэтому он считал возможным применять при их описании литературные штампы немецкого рыцарского эпоса⁴³. Так что при одинаковом весе при преследовании потери должны были быть обоюдными, но об утонувших русских воинах молчат абсолютно все источники.

Думается, можно сделать следующее предположение. На

заключительном этапе Ледового побоища вероятнее всего потопления части бегущих немцев не было. Приписка «а иных вода потопи» появилась значительно позднее, скорее всего как результат умозрительных рассуждений составителя новгородско-софийского свода 30-40-х годов XV века: битва произошла на льду в апреле месяце, должны быть утонувшие, и именно немцы, раз победа осталась за русскими. Впрочем, необходимо оговориться: было возможно бегство отдельных рыцарей не прямо на свой берег (что логичнее, но война часто логике не подвластна, тем более при бегстве), а в стороны, в том числе и на север, где виднелись острова и можно было укрыться, а там и находился тонкий лед Сиговицы.

В заключение хотелось бы сказать, что, несмотря на установившуюся точку зрения на Ледовое побоище как на полностью исследованное событие русской средневековой истории, все же существует много спорных и неясных моментов в традиционном изложении битвы. При более внимательном изучении вопроса можно заметить и явные несоответствия. Приведенная в данной работе трактовка хода битвы 1242 года объясняет противоречия и спорные моменты между различными письменными источниками, между письменными источниками и характером местности, между письменными источниками и накопленными историческими знаниями. Она не противоречит общему ходу развития русского военного искусства (в борьбе против преимущественно конных войск).

До сих пор ведутся споры о масштабах битвы. Английский исследователь Д. Феннел в работе «Кризис средневековой Руси. 1200-1304 гг.» говорит о битве 1242 года как об относительно мелкой победе, доведенной в «Житии Александра» до эпических размеров⁴⁴. Думается, автор в этом вопросе исторически некорректен. Даже упоминание о потерях немцев в 26 братьев-рыцарей (а это четверть всех орденских братьев в Прибалтике!) уже впечатляет. А ведь были еще рыцари дерптского епископа Германа. А ведь за каждым рыцарем шел его собственный воинский отряд. И ведь была остановлена экспансия на русские земли, на Новгород, хотя стояли уже немцы у Тесова. И не зря «того же лета Немцы прислаша с поклоном: «без князя что есми зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечом, того ся всего отступаем». Вряд ли немцы запросили б мира, если бы не почувствовали своего поражения.

На современников, как на русских, так и на немцев, Ледовое побоище произвело неизгладимое впечатление. Но с точки зрения военного искусства значение битвы 1242 года определяется не количеством участвовавших воинов, а оказанным влиянием на дальнейшее развитие военного дела средневековой Руси. Может быть, наиболее заметное влияние она оказала на победу в 1380 году на Куликовом поле, когда глубокое эшелонирование русских войск помогло остановить Мамаево войско, а затем нанести ему с помощью засадного полка окончательное поражение. Ведь именно в середине XIII века были опробованы и зарекомендовали себя в бою многие элементы структуры и тактики русских войск последующего времени. И Ледовое побоище представляет из себя одно из самых этапных событий русской военной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Татищев В.Н. История Российская. Т.5. М.–Л., 1965. С.32-33.
- ² Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга 1, Т.4. М., 1988. С.20.
- ³ Козаченко А.И. Ледовое побоище. М., 1938. С.45-46.
- ⁴ Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966. С.170-171.
- ⁵ См., например: Советская Военная Энциклопедия. М., 1977, статья «Ледовое побоище».
- ⁶ Ледовое побоище...
- ⁷ Там же. С. 151.
- ⁸ Там же. С.151.
- ⁹ Караев Г.Н., Потресов А.С. Загадка Чудского озера. М., 1976. С.216-217. Эти же мысли нашли отражение и у других авторов, например, Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. С.76.
- ¹⁰ Ледовое побоище... С.160, 164.
- ¹¹ Там же. С.17, 146.
- ¹² Там же. С.226-229.
- ¹³ Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С.186.
- ¹⁴ Ледовое побоище... С. 97, 146-147.
- ¹⁵ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С.10.
- ¹⁶ Рабинович М.Г. Древнерусские знамена X-XV вв. По изображениям на миниатюрах//Новое в археологии. М., 1972. С.175.
- ¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.–Л., 1950. С.78.
- ¹⁸ Мавродин В. Ледовое побоище. М., 1941. С.12.
- ¹⁹ НПЛ. С.78.
- ²⁰ Ледовое побоище... С.228.
- ²¹ Строков А.А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955. С.200-201.
- ²² Марков. История конницы. Часть 2. Тверь, 1886. С.72.
- ²³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т.3. Средневековые. М., 1938. С.300.
- ²⁴ Строков А.А. Указ. соч. С.203-204.
- ²⁵ Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М.,

1938. С.80.

²⁶ Об этом замысле см.: Караев Г.Н., Потресов А.С. Указ. соч. С. 222. Подразумевается такой замысел и у Пашуто В.Т. Александр Невский... С.76-77.

²⁷ Ледовое побоище... С.228.

²⁸ Дельбрюк Г. Указ. соч... С.305.

²⁹ Возможно слово «травя» заменяет слова «земля», «поверхность». Ср. немецкое идиоматическое выражение «in das Gras beißen» – «пасть на поле брани», дословно – «укусить траву». Кроме того, возможно под «травой» понимаются заросли камыша, распространенные на мелководных местах озера Теплое (См.: Ледовое побоище... С.164, 213).

³⁰ Текст дан по кн.: Ледовое побоище... С.202-215.

³¹ Ледовое побоище... С.199.

³² Повесть о житии Александра Невского//Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С.129-131.

³³ Полное собрание русских летописей. Т.1, Лаврентьевская летопись. М., 1962. С.271.

³⁴ См., например: Строков А.А. Военное искусство Александра Невского//О начальных этапах развития русского военного искусства. М., 1951. С.83; Рыбаков Б.А. Русское военное искусство X-XIII веков. Курс лекций по истории СССР. Лекция шестая. М., 1945. С.16.

³⁵ НПЛ. С.78.

³⁶ Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970. С.42, 123.

³⁷ См., например: Кирпичников А.Н. Указ. соч. С.9.

³⁸ Мавродин В. Указ. соч. С.12.

³⁹ Каргалов В.В. Полководцы X-XVI вв. М., 1989. С.96.

⁴⁰ Строков А.А. Историческая победа на Чудском озере в 1242 г. Военно-исторический журнал. 1982. №3. С.56.

⁴¹ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С.7.

⁴² Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. Мечи и сабли IX-XIII вв.//Злато слово. М., 1986. С.363-365, 367.

⁴³ Ледовое побоище... С.216.

⁴⁴ Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989.

ОТРЫВОК ИЗ «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ»

Прервем теперь это повествование
и поговорим опять [о том],
как дела Гевтонского ордена
первоначально шли в Ливонии.
Дерптский епископ Герман
в это время начал
враждовать с русскими.
Те хотели подняться
против христианства, как прежде.
Их кощунство принесло им много горя.
Они причинили ему достаточно зла.
Долго он это терпел,
пока не попросил помощи у братьев-рыцарей.
Магистр прибыл к нему немедленно
и привел к нему много отважных героев,
смелых и отменных.
Мужья короля прибыли туда
со значительным отрядом;
Епископ Герман возрадовался этому.
С этим войском они двинулись тогда
радостно на Русь.
Их дела пошли там очень хорошо.
Там они подошли к замку,
в замке не возрадовались их приходу.
Пошли на них [русских] приступом,
захватили у них замок.
Этот замок назывался Изборск.
Ни одному русскому не дали
[уйти] невредимым.
Кто защищался,
тот был взят в плен или убит.
Слышны были крики и причитания:

в той земле повсюду
начался великий плач.
Жители Пскова тогда
не возрадовались этому известию.
Так называется город,
который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава,
они были соседями этого [захваченного замка Изборска].
Они не медлили,
они собрались в поход
и грозно поскакали туда,
многие были в блестящей броне;
их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков.
Они встретили войско братьев-рыцарей;
те оказали им сопротивление,
Братья-рыцари и мужья короля
смело атаковали русских.
Епископ Герман там был
как герой со своим отрядом.
Начался жестокий бой:
немцы наносили глубокие раны,
русские терпели большой урон;
их было убито восемьсот [человек],
они пали на поле брани.
Под Изборском они потерпели поражение.
Остальные тогда обратились в бегство,
их беспорядочно преследовали
по пятам по направлению к их дому.
Русские сильно понукали своих коней
плетью и шпорами;
они думали, что все погибли:

путь им казался очень долгим.
Лес звенел от горестных криков.
Они все спешили только домой;
войско братьев-рыцарей следовало за ними.
Великой называется река:
за ними на другой берег
переправились братья-рыцари с большой силой;
они вели за собой многих смелых воинов.

Псковичи тогда
не были рады гостям.
Братья-рыцари разбили свои палатки
перед Псковом на красивом поле.
Епископ и мужи короля также
очень удобно расположились лагерем.
Многие рыцари и слуги
хорошо заслужили здесь свое право на лен.
По войску дали приказ
готовиться к бою,
и при этом дали понять [участникам похода],
что пойдут также на приступ.
Русские заметили то,
что многие отряды намереваются штурмовать
как замок, так и посад.
Русские изнемогли от боя
под Изборском:
они сдались ордену,
так как, опасались [большого] несчастья.
Тогда повели переговоры о мире.
Мир был заключен тогда
с русскими на таких условиях,
что Герпольшт, который был их князем,
по своей доброй воле оставил
замки и хорошие земли
в руках братьев-тевтонцев,
чтобы ими управлял магистр.
Тогда штурм [Пскова] не состоялся.
После того как произошло это примирение,
долго не ждали,
войско тогда собралось в обратный путь.
Все они были преисполнены божьей благодати
и восхваляли бога:
они были ему благодарны за очень многое.
Когда войско стало готово для обратного похода,
оно радостно ушло отсюда.
Там оставили двух братьев-рыцарей,
которым поручили охранять землю,
и небольшой отряд немцев.
Это обернулось позже им во вред:
их господство длилось недолго.
На Руси есть город,
он называется Новгород.
До [новгородского] князя дошло это известие,
он собрался со многими отрядами
против Пскова, это истина.
Туда он прибыл с большой силой;
он привел много русских,
чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал обоих братьев-рыцарей,
положив конец их фогтству,
и все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским оставили они землю.
Так шли дела братьев-рыцарей:
если бы Псков был тогда убережен,
то это приносило бы сейчас пользу христианству
до самого конца света.
Это — неудача.
Кто покорил хорошие земли
и их плохо занял военной силой,
тот заплачет, когда он будет иметь убыток,
когда он, очень вероятно, потерпит неудачу.
Новгородский князь опять ушел в свою землю.
После этого недолго было спокойно.
Есть город большой и широкий,
который также расположен на Руси:
он называется Суздаля.
Александр звали того,
кто в то время был его князем:
он приказал своему войску готовиться к походу.
Русским были обидны их неудачи;

быстро они приготовились.
Тогда выступил князь Александр
и с ним многие другие
русские из Суздаля.
Они имели бесчисленное количество луков,
очень много красивейших доспехов.
Их знамена были богаты,
их шлемы излучали свет.
Так направились они в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.
Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
оказали им сопротивление;
но их [рыцарей] было немного.
В Дерпте узнали,
что пришел князь Александр
с войском в землю братьев-рыцарей,
чиня грабежи и пожары.
Епископ не оставил это без внимания,
быстро он велел мужам епископства
поспешить в войско братьев-рыцарей
для борьбы против русских.
Что он приказал, то и произошло.
Они после этого долго не медлили,
они присоединились к силам братьев-рыцарей.
Они привели слишком мало народа,
войско братьев-рыцарей было также слишком маленьким.
Однако они пришли к единому мнению
атаковать русских.
Немцы начали с ними бой.
Русские имели много стрелков,
которые мужественно приняли первый натиск,
[находясь] перед дружиной князя.
Видно было, как отряд братьев-рыцарей
одолевал стрелков;
там был слышен звон мечей,
и видно было, как рассекались шлемы.
С обеих сторон убитые
падали на траву.
Те, которые находились в войске братьев-рыцарей,
были окружены.
Русские имели такую рать,
что каждого немца атаковало,
пожалуй, шестьдесят человек.
Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
но их там одолели.
Часть дерптцев вышла
из боя, это было их спасением,
они вынужденно отступили.
Там было убито двадцать братьев-рыцарей,
а шесть было взято в плен.
Таков был ход боя.
Князь Александр был рад,
что он одержал победу.
Он возвратился в свои земли.
Однако эта победа ему стоила
многих храбрых мужей,
которым больше никогда не идти в поход.
Что касается братьев-рыцарей, которые
в этом бою были
убиты, о чем я только что читал,
то они позже должным образом оплакивались
со многими бесстрашными героями,
которые по призыву бога
посвятили себя жизни среди братьев-тевтонцев;
очень многие из них с тех пор
были убиты на службе богу.
Они также вооруженной рукой
с тех пор покорили хорошие земли,
как вам дальше станет известно.
На этом кончается это повествование.
Магистр Герман Балк
вел войну
с русскими и язычниками.
Он должен был от них обоих
обороняться в большой войне
и помог [этим] разорению божьих врагов.
Епископ и мужи короля [его поддерживали],
всё, что он с ними предпринимал,
делалось единодушно,
как это видно по самим делам.
Эта книга истинно нам говорит,
что продолжалось пять с половиной лет
правление магистра Германа Балка,
после чего он умер.

Сергей ЛОБАЧЁВ

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ МИТРОПОЛИТ

24 марта 1649 года Новгород торжественно встречал нового митрополита. Воевода, власти и «весь священный собор», облачившись в праздничные одежды, вышли к нему навстречу к Знаменской церкви. Приветствуя владыку, они проводили его в Кремль. У Пречистенских ворот митрополит «молитву говорил, и водою святою кропил, и того дни в соборной церкви воду святил, и литургию служил, и святыню к Москве послал к великому государю и к патриарху»¹. Так автор Забелинской летописи описал приезд на берега Волхова бывшего архимандрита Новоспасского монастыря и будущего патриарха Московского Никона.

Хотя новый архиерей во многих отношениях был человеком незаурядным, среди церковных властей он не пользовался авторитетом. Решение о его поставлении, вопреки традиции, было принято без ведома патриарха, под давлением царя Алексея Михайловича и его духовника Стефана Вонифатьева. Возвышение Никона было на редкость стремительным. До своего поставления он всего четыре года был игуменом небольшого Кожеозерского монастыря в Каргопольском уезде. Там он познакомился с иноком Боголепом Львовым, который имел обширные связи при дворе, и благодаря его посредничеству вошел в ближайшее окружение молодого царя Алексея Михайловича². В 1646 году Никон получил сан архимандрита Новоспасского монастыря, в главном соборе которого находилась родовая усыпальница бояр Романовых. В это же время он вошел в кружок «ревнителей благочестия», небольшую группу духовенства, выступавшую за обновление церкви путем «очищения» ее от разного рода пороков, несовместимых с идеалами ортодоксального православия. Возглавлявший кружок царский духовник Стефан Вонифатьев имел огромное влияние на государя. По его совету Алексей Михайлович решил провести обновление церковной иерархии. По мнению «ревнителей благочестия», престарелых митрополитов и епископов должны были сменить молодые дея-

тельные архиереи, которые бы начали активно проводить политику обновления в церковной среде.

Первым среди новопоставленных архиереев был Никон. Ему было 43 года, так что для своего времени он был уже не молод, однако кто угодно мог бы позавидовать его природной силе и неумной энергии. 9 марта 1649 года состоялось руко-

положение Никона, на котором присутствовали Московский патриарх Иосиф и Иерусалимский патриарх Паисий. Паисий приехал в Москву 27 января. Вскоре он сблизился с Никоном и получил разрешение к нему «повольно приходить» и «беседовать по досугу». Эти беседы с греческим владыкой несомненно оказали на будущего патриарха большое влияние. Некоторые историки склонны полагать, что именно Паисий посоветовал царю поставить Никона в Новгородские митрополиты. Однако влияние греческого духовенства на внутренние дела российской церкви не стоит переоценивать. Греки являлись на Русь в качестве просителей и готовы были во всем угождать московским властям. В данном случае благосклонное расположение к Никону греческого патриарха и желание царского окружения возвысить Никона совпали. 14 марта Паисий писал царю: «Смирение наше молит и благословляет великое ваше царствие сим нашим письмом прежде похвалити благодать, что просветил вас Дух Святой и избрали есте такова честнаго мужа преподобнаго иноко-вещенника и архимандрита Нико-

на и возведе его великое ваше царствие на святой престол святой митрополии новгородския; и той есть достоин утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова»³. 15 марта в Успенском соборе Московского Кремля Никону была вручена грамота о поставлении. Из архиереев на этой церемонии присутствовали епископы Ростовский, Вологодский, Сарский, Рязанский, Тверской и Коломенский. К прочим иерархам были посланы грамоты «о согласии». В настольной грамоте Никону недвусмысленно говорится, что он был избран «по

совету богом венчанного государя царя и великого князя Алексея Михайловича»⁴.

Нужно сказать, что это поставление состоялось не совсем законным образом. По традиции архиереи занимали свои посты пожизненно, если, конечно, они не попадали в опалу. Предшественник Никона на митрополичьей кафедре — Афоний — был еще жив. Источники свидетельствуют, что он сам отказался от сана, поскольку «обаче престарел и беспамятством обьят бысть». В Забелинской летописи говорится, что Афоний «сведен бысть старости ради в монастырь ко Всемилоstitовому Спасу и ко преподобному чудотворцу Варлааму на Хутын»⁵. Тем не менее известно, что в 1648 году Афоний ездил «к Москве к великому государю челом бить о всяких новгородских нуждах»⁶. В Хутыном же монастыре бывший митрополит «бысть... в келий в трудех и в посте 3 лета»⁷. Так или иначе, но удаление Афония на покой не слишком-то напоминает добровольную отставку.

С точки зрения церковного права ситуация была не совсем обычной. Ее должен был разрешить некий третейский авторитет. Им-то и стал Иерусалимский патриарх Паисий, от которого московское правительство услышало то, что хотело: «Егда кто, овцам сый пастырь, старостию или болезнию содержим, немогий прочее пасти, есть потреба на место его поставитися... А понеже первый Митрополит Новгородский господин Афанасий, о святем Дусе брат и сослужитель нашему смирению, от многия старости и болезни изнемогши, прочее остави самовольно пастырство... ми возлюбленного рукоположиша в Великий Новгород, се преподобного во священно-иноцех Архимандрита Царския обители Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Никона глаголемаго»⁸. Новопоставленному митрополиту Паисий подарил червоную мантию.

Накануне Пасхи 1649 года Никон приехал в Новгород. В XVII веке Новгородская епархия была самой обширной в России, если не считать патриаршей области. Дьякон Павел Алеппский, приехавший в Московию в 1655 году в свите Антиохийского патриарха Макария, так описывал владения Новгородского митрополита: «...оно охватывает пространство более чем в 2000 верст. Под его властью состоят Архангельский и Соловецкий монастыри. Говорят, что в его подчинении 400 благоустроенных монастырей и 2000 священников, из коих с самого бедного он получает в год один динар. Он владеет семьюдесятью рыбными озерами, не считая угодий, деревень и земель от государства. У него есть служители, писцы, ратники, дьяконы большие и малые (анагносты), священники, монахи и портные — всего триста человек, коим содержание и расходы на пищу и одежду идут от него. У него есть управляющие, поверенные и судьи в его диване (приказе), которые важные дела докладывают ему. Он имеет казначеев для своих казнохранилищ. Словом, митрополит больше воеводы»⁹.

В середине XVII века Новгородская митрополия занимала обширную территорию, включающую в себя помимо новгородских пятин Двину, Холмогоры, Каргополь, Турчасов и Вагу. В епархии находилось около 1200 церквей и свыше 300 монастырей. В середине века за духовенством в новгородских пятинах числилось 27 % всего земельного фонда, 11 % из которых принадлежало Софийскому дому¹⁰. Новгородский владыка занимал в церковной иерархии вторую ступень после патриарха¹¹.

Одним из первых мероприятий Никона по прибытии в Новгород стало строительство новых митрополичьих келий. С од-

ной стороны, причиной тому была страсть владыки к обновлению. В свое время по настоянию Никона в Новоспасском монастыре было возведено новое здание Преображенского собора. Став патриархом, он построил новое здание патриарших палат в столице и основал три монастыря, в том числе настоящее архитектурное чудо — Новый Иерусалим, расположенный на реке Истре под Москвой. Однако нужно заметить, что, помимо всего прочего, в Новгороде назрела насущная необходимость капитального ремонта городских стен и строений. Как видно из сметной росписи с 1638 по 1648 год на ремонт городских стен и башен было выделено всего 353 рубля, тогда как по предварительным оценкам расходы на обновление Каменного, Софийского и Земляного города должны были составить свыше 6500 рублей¹². Никон «сделал новую крестовую палату каменную и кельи вновь построил на палатах деревянные, а старые Варламовские кельи сломал». В устье реки Пидмы, в бывшей дворцовой вотчине в селе Королеве, митрополит построил церковь во имя пресвятой Богородицы Одигитрии и устроил митрополичий двор¹³.

Кроме того, Никон предполагал произвести некоторые переделки убранства собора. Однако мирские люди пришли к митрополиту и заявили, что не дадут портить старины в Софийской церкви. Затем они двинулись к собору и выгнали оттуда мастеров¹⁴. Новгородцы упрекали Никона, что он хотел «соборную церковь Софею Премудрость рушить и столпы ломать»¹⁵, однако этот навет является явным преувеличением. Сам Никон, оправдываясь перед царем, писал, что не посмел бы разрушить церковь без государева указа, «да и софийской казны не будет столько, что разобрать, не только что вновь создать». В самом деле, перестроить храм целиком было бы нереально. Расходы митрополичьего дома и так росли из года в год. Если 1 сентября 1647 года в казне числилось в остатке 3651 руб., то 1 сентября 1649 года — 3067 руб., а 1 сентября 1650 года только 2152 руб. Всего за 1649/50 годы было израсходовано 4027 руб., а полученные доходы исчислялись суммой в 3342 руб. Как видно из росписи, размеры Софийской казны были в самом деле слишком малы для перестройки собора. Для сравнения можно сказать, что в свое время на строительство деревянной колокольни Новоспасского монастыря патриарх Филарет выделил 3000 рублей¹⁶.

В Новгороде Никон взял к себе в услужение «некоего клирика» Ивана Шушерина, «тогда еще младу сущу». Шушерин оставался верен владыке всю свою жизнь. После смерти Никона он написал житие патриарха, которое стало одним из самых популярных сочинений древнерусской литературы и разошлось во множестве списков. Рассказывая о деятельности Никона в Новгороде, Шушерин писал, что митрополит «сам бо пред собою дела и распри у соперников, праведно рассуждая, с милостию велие примирение им творяше». Это свидетельство подтверждается сохранившимися жалованными грамотами Никона. Митрополит сам выслушивал подаваемые ему челобитные и принимал по ним решение¹⁷.

Вскоре после прибытия в Новгород Никон посадил в тюрьму своего дворецкого Ивана Жеглова. Причиной опалы было некое «государево дело». Никон послал царю грамоту на Ивана Жеглова и Софийского дома детей боярских Макарку и Федьку Негодяевых, будто бы «похвала у них такая была», что они знают что «у царя и короля в полатах делатца». Все трое были взяты под стражу, у них были изъяты некие «воровские книги»

и посланы царю. Из Москвы пришло распоряжение, чтобы Никон провел розыск сам, однако митрополиту про это дело «сыскать было некогда». Осенью 1649 года Никон уехал в Москву и вернулся в Новгород только в начале весны следующего года. Вскоре в городе вспыхнуло восстание, и отданные «за приставы» Иван Жеглов и братья Негодяевы были освобождены¹⁸. Однако И. Жеглов, по всей видимости, был еще и нечист на руку. Он «по кабалам и бескабално» брал для себя деньги из Софийской казны, то есть был уличен в казнокрадстве. За ним числилось 300 рублей долгу. Судя по описанию дома, в котором жил дворецкий, можно предположить, что эти обвинения не были огульными¹⁹.

Новгородцы жаловались царю на необыкновенную жестокость Никона. Даже в день поминовения царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны митрополит «всяких чинов людей и чернцов на своем митрополиче дворе бил на правежи и батоги и ослопьем на смерть». Когда 18 февраля 1650 года гонец привез в Новгород весть о рождении царевны Евдокии Алексеевны, «заклоченных людей государя, которые у него были посажены за приставы и в тюрьму, и он, Никон митрополит, из-за приставов и ис тюрьмы никого не свободил»²⁰. Эти жесткие меры, конечно же, не снискали Никону популярности среди новгородцев. Вот почему, несмотря на свой сан, он стал жертвой стихийного бунта, который, словно приливная волна, в мгновение ока захлестнул город.

Восстание началось 15 марта. Посадские люди, собравшись у съезжей избы, возмущенные тем, что, по слухам, деньги и хлеб вывозятся за рубеж, тогда как сами они голодают, двинулись к Каменному городу. К ним присоединились стрельцы. По словам шведского резидента П. Лоофельдта, в этот день воевода устроил им смотр, на котором те начали роптать, что жалование им выдается не полностью, в то время как шведы вывозят из Москвы большую казну. Толпы народа «пришли в соборную церковь шумом», освободили из-под стражи Ивана Жеглова и сделали его своим предводителем. В тот же день был избит датский посланник Иверт Краббе и разграблены дворы новгородских купцов братьев Стояновых. Восстание охватило широкие слои населения. Среди них были «дворяне и дети боярские, и новгородцы пятиконецкие старосты, и таможенные головы, и десятники, и все посацкие люди, и стрелецкие пятидесятники и десятники, и все рядовые стрелцы и атаманы, и ясаулы, и все казаки, и пушкар... протопопы, и попы, и дяконы, и все церковные причетники, и всяких чинов жилецкие люди»²¹. Воевода Ф.А. Хилков, опасаясь расправы, «из дому своего по градской стене убежа в дом к Преосвященному Никону митрополиту, иже прием его любезно, повеле ему во внутренних своих келлиях скрытися»²². 17 марта, в день именина Алексея Михайловича, Никон в Софийском соборе предал публичному проклятию Ивана Жеглова и других зачинщиков мятежа. Впоследствии этот поступок митрополита, вызвавший негодование восставших, получил одобрение патриарха Иосифа, который писал, «что Никон митрополит проклинал крестопреступников воров и заводчиков, которые воровство завели, и то он учинил делом»²³.

19 марта толпа ворвалась на митрополичий двор. Причиной тому послужили слухи, что митрополитом и воеводой был задержан и избит пристав съезжей избы Гаврило Нестеров, якобы за то, что отец его подал явку на Никона. В это время Никон «к оному возмущенному и яростию велию дышащему

народу изыде, нача оныя увещевати от Божественнаго писания». Однако уговоры не подействовали. Митрополита избили, поволокли в Земскую избу, где заседал И. Жеглов, но по дороге оставили у Знаменской церкви, так как Никон, казалось, был уже при смерти. Однако у него хватило силы подняться и прослушать литургию в Знаменской церкви, после чего он вернулся в сани на Софийский двор. «И ныне лежу в конце живота и кашлею кровью и живот весь запух и чая себе скорой смерти святым маслом соборовался. А того не ведаю, надолго ли моего живота продолжитца и буду ли жив», — писал митрополит царю²⁴. Благодаря своему мужественному поступку Никон заслужил еще большее доверие и благосклонность государя. В одной из своих грамот Алексей Михайлович писал митрополиту: «И мы, великий государь, тебя, богомолца нашего, за твое раденье и крепкое стоянье милостиво похваляем»²⁵.

С этого момента законная власть в городе была парализована. Однако это не означало полной анархии. В Новгороде, несмотря на все политические потрясения, традиции местного самоуправления оказались удивительно живучими²⁶. В Земской избе появилось новое правительство во главе с Иваном Жегловым. Распоряжения, исходившие от него, выполнялись беспрекословно. Это наглядно иллюстрирует небольшой пример. Некто Семен Корсаков, взяв у воеводы Хилкова подорожную грамоту, просил у ямщиков подводы. Однако те отказали ему на том основании, «что без памяти из земской избы подвод ему дати не смеют». В Земской избе просьбу Корсакова удовлетворили, но при условии, что он не возьмет никаких писем у митрополита и воеводы²⁷. Повстанцы взяли под свой контроль городские ворота, опасаясь прибытия карательного отряда, однако никому не возбранялось свободно въезжать и выезжать из города.

26 марта из Москвы приехал дворянин Яков Соловцов с царской грамотой к воеводе и митрополиту. На следующий день Никон, следуя предписанию из столицы, созвал в соборную церковь земских старост и «всяких чинов людей» и обратился к ним с речью, «чтоб они от дурна престали», «вину свою принесли» государю, сыскали промеж себя воров и заводчиков и отдали их воеводе Ф.А. Хилкову. Однако усилия Никона опять пропали даром. Более того, Яков Соловцов был взят под стражу восставшими, которые усомнились в подлинности царской грамоты, привезенной им из Москвы, и только благодаря ходатайству митрополита он вскоре был освобожден и отпущен из города²⁸.

В начале апреля к городу подошел небольшой отряд во главе с князем И. Н. Хованским. Сил этого отряда было явно недостаточно, чтобы штурмовать город. Тогда Хованский прибегнул к хитрости. Как сообщает очевидец тех событий шведский резидент Эберс, он вступил в переговоры с представителями восставших и уверял их, что пришел не карать, а по хорошему расследовать все обстоятельства дела²⁹. В рядах восставших назревал раскол. Члены городской верхушки, в отсутствие одного из предводителей бунтовщиков Елисея Лисицы, уговорили восставших открыть ворота. Отряд князя вошел в город, и вскоре началось следствие. Митрополит Никон принимал в нем активное участие. Князю И.Н. Хованскому велено было «советовать» во всем с «государевым богомолцом»³⁰. Митрополит одну за другой посылал в Москву отписки, настаивая на том, чтобы «тем твоим государевым делом промышлять не вскоре и з болшим рассмотрением... а вскоре было такова ве-

ликаго дела сыскати нелзе»³¹. Розыск продолжался с 24 апреля по 7 мая. В результате был казнен посадский человек Трофим Волк, который в первый день восстания избил датского посланника Иверта Краббе. И. Жеглова и других заводчиков мятежа били кнутом и сослали в Сибирь, а виновные «в малых винах» — всего 190 человек — были отданы на поруки³². Никон выступил поборником мирного разрешения конфликта. Благодаря его заступничеству участники мятежа были выпущены на свободу. «А которые, государь, и здесь в Великом Новгороде в таком же воровском гилевстве сидят в тюрьме, а иные и пущие воры, и тем вором твоя государская милость есть, ис тюрьмы освобождены»³³.

«Милосердие» Никона к мятежникам объяснялось тем, что в это же время пламенем восстания был охвачен Псков. Прослышав о новгородском следствии, узнав, что десятки новгородцев сидят в тюрьмах и ожидают самого худшего, псковичи решили стоять до конца. Потому-то Никон и освободил из тюрьмы большинство новгородцев и прекратил розыск, «покамест псковское дело зделаетца»³⁴.

19 мая отряд И.Н. Хованского отправился в Псков³⁵. На смену воеводе Ф.А. Хилкову был прислан князь Ю.П. Буйносов-Ростовский³⁶. Однако положение в Новгороде оставалось тревожным. Осада Пскова затягивалась, силы И.Н. Хованского таяли, потому что «дворяне и дети боярские с твоей государевой службы многие разъехались, потому что в людцком и в конском корму скудость большая, и шиши по дорогам и по лесом около острожков и обозу облегли, для людцкого и конского корму выехать никоими делы не уметь; дворян и детей боярских побивают, а запасы и лошади отнимают»³⁷.

Бессилие отряда И.Н. Хованского вынудило московское правительство в конце июня созвать Земский собор, на котором было принято решение отвести отряд обратно в Новгород, а в Псков направить посольство выборных людей во главе с духовными лицами: коломенским епископом Рафаилом, андроньевским архимандритом Сильвестром и черниговским протопопом Михаилом. 1 августа выборные прибыли в Новгород. В это время Никон послал на имя царя отписку, в которой убеждал его объявить амнистию всем заводчикам псковского бунта, если они принесут присягу на верность государю. Митрополит понимал, что И.Н. Хованский и новый новгородский воевода явно не располагали достаточно большим и боеспособным войском для успешной борьбы с восставшими. Между тем миссия Рафаила оказалась успешной. К 24 августа ему удалось привести к крестному целованию более 3000 псковичей³⁸. Дипломатические усилия духовенства по усмирению восставших оказались более действенными, чем силовые методы светских властей. Это обстоятельство имело огромное значение. Оно самым непосредственным образом отразилось на карьере Никона.

28 ноября 1650 года митрополит отправился в Москву. «И бысть ему от Великого государя на Москве честь велия, якова инем владыкам новгородским, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, якоже ему». «И оттоле Благочестивейший Царь к Преосвященному митрополиту нача свою наипаче велию милость являти...»³⁹. Никон получил из государевой казны «сукна на однорядки лутчие и бархаты на шапки в Великий Новград большому собору Софеи премудрости божий протопопу и протодякону» и прочему клиру. Для Софийского собора был отлит колокол весом в 150 пудов⁴⁰.

9 февраля 1651 года состоялось заседание Освященного собора, на котором присутствовали патриарх Иосиф, митрополит новгородский Никон, митрополит ростовский Варлаам, митрополит сарский Серапион, архиепископ вологодский Маркел и архиепископ тверской Иона. На соборе было принято решение «во святых же церквах в московском государстве и по всем городом единогласно на вечернях, и на повечериях, и на полуношницах, и на заутренях псалмы и псалтырь говорить в один голос тихо и неспешно среди церкви на восток лицом со всяким вниманием»⁴¹. Прошло всего два года с тех пор, как церковный собор почти в том же составе высказался против введения единогласного пения в приходских церквях, за что ратовали «ревнители благочестия». Но теперь позиции боголюбцев были настолько сильны, что они могли оказывать давление даже на церковные власти. Кроме того, Никону были даны и другие полномочия, которые выходили за рамки традиционных полномочий новгородских архиереев.

Во-первых, он получил право «в пригородах и уезде всея твоей десятины монастыри и архимаритов и игуменов и братью, и всех ружных и приходских церквей попов и дьяконов и причетников, и монастырских служек и крестьян ведать судом и управою, во всяких управных делах, тебе, богомолцу нашему, опричь разбойных и татиных и убивственных дел». Этот указ прямо противоречил 1 статье XIII главы Соборного Уложения, по которой подсудность духовных лиц по гражданским делам принадлежала компетенции Монастырского приказа⁴². Никогда прежде архиереи, кроме патриарха, не обладали полномочиями судебной власти по отношению к монастырям, расположенным в пределах их епархий. Другим важным нововведением стала борьба Никона с пьянством.

До XVI века изготовление спиртных напитков на Руси, так называемое корчемство, было сосредоточено в основном в частных руках. Однако со времен Ивана III государство установило в этой сфере свою монополию. Корчемство было запрещено и жестоко преследовалось. Соборное Уложение 1649 года законодательно закрепило государственную монополию на производство и торговлю спиртными напитками. Теперь вино, пиво и водка продавались только в кабаках, причем продавать их на вынос было запрещено. Нетрудно догадаться, что такая система способствовала спаиванию населения. В городах стало процветать пьянство⁴³. Будучи на Москве, Никон подал царю челобитную, в которой просил, чтобы «государь указал в Великом Новгороде устроит кружешной двор против Московского кружешного двора и сколко на том кружешном дворе ни соберетца, недобору никакова не спрашивать, чтоб отчине твоей государево Великому Новугороду от многих кабаков и достал не запустет»⁴⁴. На кружечном дворе водка и вино продавались в разлив на вынос в строго ограниченном количестве. Более того, с 24 марта по 7 апреля 1651 года, в Великий пост и Светлую неделю, все кабаки в Новгороде были закрыты. Откупщики Степашко Тимофеев с товарищами жаловался, что из-за этого случился большой недобор. Эта борьба с пьянством чисто административными мерами слишком напоминает другие подобные опыты государства в недавнем прошлом. Когда Никон стал патриархом, борьба за трезвость народа развернулась в масштабах всей России.

В декабре 1651 года Никон покинул Новгород. Он отправился в Москву, где обычно проводил зиму, принимая участие в работе церковного собора. В следующий раз он вернется на

берега Волхова уже в сане патриарха. Скорее всего, митрополит оставил о себе недобрую память. Но об этом знают лишь пожелтевшие страницы новгородского следственного дела да,

быть может, золоченая панagia «Никана митрополита» с потускневшими от времени драгоценными камнями, которая хранится за стеклом в Грановитой палате Новгородского Кремля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII века // Русское летописание. М., 1979. С.284 (далее — Новгородский хронограф).

² О возвышении Никона см.: Лобачев С. В. К вопросу о ранней биографии патриарха Никона // Средневековая Русь. Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 52—69.

³ Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. Ч.1. 1882. С.257.

⁴ РГАДА. Ф.153. Оп.1. № 16.

⁵ Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России. М., 1908. С.18; БАН. Собрание текущих поступлений. Оп.2. № 1342. Л.69.

⁶ Новгородский хронограф. С. 284.

⁷ СГГД. Ч.III. М., 1822. С.447-448.

⁸ ААЭ. Т.IV. СПб., 1836. С.75—76; Новгородский хронограф. С.284.

⁹ ЧОИДР. Кн.4. 1898. Отд. II. С.73.

¹⁰ ААЭ. Т.III. СПб., 1836. С. 172; Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII—начале XVIII в. // Историческая география России, XII— начало XX вв. Сб. статей к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М., 1975. С.78; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца Петровских реформ. Л., Изд. ЛГУ. 1986. С.68, 102, 105, 130—131; Русское православие: вехи истории. М., 1989. С.516, 527.

¹¹ РГАДА. Ф.27. Оп.1. № 47. Л.1.

¹² Архимандрит Леонид (Кавелин). Вкладная книга московского Новоспасского монастыря // Памятники древней письменности и искусства. Т.39. СПб., 1883. С.15, 24; Дополнения к Актам историческим. Т.III. СПб., 1848. С.161—170.

¹³ БАН. Собрание текущих поступлений, Оп.2. № 1342. Л.558об.; ЧОИДР. Кн.4. Отд. II. 1898. С.78.

¹⁴ Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн.V. М., 1990. С.483—484.

¹⁵ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., «Наука». 1969. С.348.

¹⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол.171. Пер. II. Л.55; Кол.183. № 150; Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. С.18—19.

¹⁷ Шушерин И. Известие... С.18; Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол.2. № 74. Л.284об.

¹⁸ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. С. 156; РГАДА. Ф.96. Оп. 1. Стб. 3. Л.126—126об.

¹⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол. 172. № 177; Кол.2. № 74. Л.283об—284, Л.54—55; Кол. 183. № 150.

²⁰ РГАДА. Ф.96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 82; Тихомиров М.Н. Классовая борь-

ба в России XVII в. С.347—348.

²¹ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в.С. 345.

²² Там же. С.334—335, 338; «Донесение о мятеже, вспыхнувшем 26 февраля 1650 г. в Пскове и Новгороде», представленное Петром Антонием Лоофельдом 17 июня 1650 г. обнаружено в неописанной части коллекции С.В. Соловьева в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН. Рукопись представляет собой копию с оригинала, находящегося в Стокгольмском архиве с примечаниями и сопроводительной статьей В.А. - Кордта, который по заданию Археографической комиссии подготовил ее к печати. Л.5—6; Шушерин И. Известие... С.22—23.

²³ РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб.3. Л.414.

²⁴ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. С. 343.

²⁵ РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб. 3. Л.521.

²⁶ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника бунташного века. Л., 1991. С.96.

²⁷ РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб. 3. Л.287—290.

²⁸ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.341—342; Шушерин И. Известие... С.23—24; РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб. 3. Л. 548.

²⁹ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника бунташного века. Л., 1991. С.110.

³⁰ РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб. 3. Л.549.

³¹ Там же. Л.532.

³² Донесение П. Лоофельда. Л.17; Шушерин И. Известие... С.26—27.

³³ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. С.276.

³⁴ РГАДА. Ф.96. Оп.1. Стб. 3. Л.548.

³⁵ Там же. Л.677.

³⁶ Дворцовые разряды. Т.III. СПб., 1852. Стб.183—184.

³⁷ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.259.

³⁸ Там же. С.266—276, 278, 291—296.

³⁹ БАН. Собрание текущих поступлений, Оп.2. № 1342. Л.562; Шушерин И. Известие... С.27.

⁴⁰ БАН. Собрание текущих поступлений, Оп.2. № 1342. Л.562, 563.

⁴¹ Служебник. М., 1651. Л.5—5об.; Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол.249. Оп.1. № 16.

⁴² Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол. 171. Пер. II. Л.83—85; ААЭ. Т.IV. С.70; Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии. Л., «Наука». 1987. С.69, 243—244.

⁴³ Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., «Дружба народов». 1992. С.60—98, 114—142.

⁴⁴ Веселовский С.Б. О кабаках и кружечном дворе в 1651 г. в Новгороде // ЧОИДР. Кн. 1. 1907. Отд. IV. С.39.

ВАТАГИНО И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ

Из прошлого одной усадьбы

Расцвету дворянской усадебной жизни выпал не такой уж большой срок – всего 99 лет. Она началась в 1762 году, после опубликования Петром III манифеста о «вольности дворянства», и стала быстро перерождаться после издания Александром II в 1861 году другого манифеста – об «освобождении крестьян». Усадьбы в России зачастую находились в руках одной семьи в лучшем случае в течение двух-трех поколений, а затем... Затем происходил либо раздел (дробление усадьбы по наследству), либо обнищание фамилии и следующая за этим продажа имения. А зачастую полное равнодушие детей к «поместным затеям» своих отцов. Нередким было и наследование поместий по женской линии. Так в усадьбе Ватагино, находившейся в Крестецком уезде Колвской волости, за два поколения хозяев дважды сменились фамилии владельцев. Имение через дочерей переходило в семьи их мужей. И в общем-то не погрешив против истины можно сказать, что вплоть до XX века имением владели потомки основателя «Ватагино» Бориса Борисовича Леццано, хотя после него были Дивовы, а потом Храповицкие. Мир усадьбы – это судьбы людей, семей, иногда целых поколений. Именно в этом ключе я и постараюсь рассказать о мире усадьбы Ватагино, чья история началась с 1800 года, когда императором Павлом I Борису Борисовичу Леццано были пожалованы деревни Ватагино, Крестец, Коржово и другие с землями и четырьмястами душами крестьян.

Борис Борисович Леццано, итальянец по происхождению, родился в 1740 году. Кроме брата Антонио, оставшегося в Италии и ставшего католическим епископом, он имел еще незамужнюю сестру, Софью Борисовну.

Леццано начал службу при дворе в царствование Елизаветы Петровны, ему не было тогда еще и 13 лет, а через два года, в 1755, он выпущен в армию прапорщиком. После тридцати с лишним лет службы, пройдя все ступени военной карьеры, в 1789 году Леццано становится бригадиром Витебского мушкетерского полка. За время своей службы он участвовал во многих походах русской армии. В 1760-1761 годах был в Померании, при взятии Кольберга. С 1770 по 1774 и в 1778 году сражался в Польше с конфедератами. Воевал, наконец, с турками, причем участвовал в штурме Измаила и в знаменитом сражении при Мачине. За эту кампанию был награжден орденом св. Георгия III степени, а Георгиевским кавалером стал еще раньше, в 1784 году, получив тогда Георгия IV степени.

В 1793 году, перед получением им звания генерал-майора, в его послужном формуляре была сделана запись о том, что он грамотен, читает и пишет по-немецки, по-французски и по-итальянски, знает сверх того географию, историю и отчасти математику. Император Павел I особенно благоволил Леццано и, производя его в 1798 году в генерал-лейтенанты, одновременно назначил архангельским военным губернатором, а затем, в 1799, пожаловав генералом от инфантерии, назначил

иркутским военным губернатором. За время службы в Иркутске Леццано многое сделал для развития Сибири. Он представил проект устройства земель в Забайкалье, положив начало заселению этой области, установил надзор за китайской границей, заботился об устройстве Кругобайкальской дороги, учредил в 1800 году Камчатский Ландмилицейский полк. Иркутским губернатором Леццано оставался до 1802 года, когда ука-зом от 26 марта он был «отставлен от службы», причем предварительно 23 января того же года ему было «дано на замечание, что постройка домов для поселенцев в Забайкалье идет не спешно», а его преемнику указывалось на «несчастный опыт, при бывшем губернаторе Леццано сделанный, который показал, сколь пагубные последствия имеют распоряжения, на стеснении основанные». Но это уже времена царствования Александра I. Леццано оставил о себе память как о честнейшем, строгом и взыскательном служаке, но вспыльчивом, горячем и порой упрямом человеке...

Надо сказать, что любая усадьба могла успешно функционировать и в отсутствие своих владельцев. Но обживание культурного пространства имения становилось возможным только тогда, когда хозяин по какой-либо причине перебирался в него на более или менее постоянное жительство. Усадебный комплекс начинал нести на себе отпечаток личности владельца, который и приводил к возникновению духовного и художественного пространства усадьбы. «Счастливое» совпадение отставки Леццано с моментом основания усадьбы сыграло положительную роль в истории Ватагино.

А.А. Фет писал: «Что такое русская дворянская усадьба с точки зрения нравственно-эстетической? Это «дом» и «сад», устроенные на лоне природы, когда человеческое едино с природным в глубочайшем органическом расцвете и в обновлении, а природное не дичится облагораживающего культурного возделывания человеком, когда поэзия родной природы развивает душу рука об руку с красотой изящных искусств, а под крышей усадебного дома не иссякает особая музыка домашнего быта, живущего в смене деятельности труда и праздного веселья, радостной любви и чистого созерцания».

Сад и дом – это первое, что появилось в усадьбе Бориса Борисовича Леццано. Он сам выбирал место для поместья в удаленной от цивилизации местности. Говорят, что крестьяне, сплошь карелы, увидев его тогда впервые, от страха разбежались...

Красивый пейзажный парк был разбит Борисом Борисовичем с большим вкусом и прекрасно сохранился к началу XX века. Дом начал строиться в 1801 году, в стиле ампира. Он был деревянным, двухэтажным, а боковые строения одноэтажными. 10 комнат в доме и столько же во флигелях. К началу XX века комплекс был сильно перестроен, но в усадьбе остались фотографии старой постройки. А вот обстановка, мебель, предметы

быта сохранились в неприкосновенности с начала XIX века.

В своих записках пишет об этом Георгий Иосифович Юзефович. Эти записки, сделанные в 1884 году и дополненные в 1905-м, находятся в фонде Храповицких в ГАНО, правда там их авторство точно не определено. Сначала на конверте, в котором лежит толстая тетрадь с «Фамильной, семейной хроникой и биографическими заметками о Храповицких и семействах бывших с ними в родстве» была надпись неизвестного лица. Затем – появилась надпись Храповицкого, без указания инициалов. Внимательно ознакомившись с этой хроникой и рядом других документов из фонда Храповицких, я пришла к выводу о том, что автором записок является внук первого из владевших Ватагино Храповицких. Дочь Павла Александровича Храповицкого, Евгения, была замужем за майором Иосифом Давидовичем Юзефовичем, и сын их, Георгий Иосифович Юзефович, составил эти записки. На него же ссылается и И.В. Аничков в своем «Обзоре помещичьих усадеб Новгородской губернии», как на источник сведений о Ватагино. Из этого упоминания становится известно, что в десятых годах XX века Георгий Иосифович Юзефович был отставным генерал-майором. Внимательно ознакомившись с «Каталогом выставки к XV Всероссийскому археологическому съезду», которая проходила в Новгороде в 1911 году, я обнаружила, что Юзефович владел усадьбой Мошенка Крестецкого уезда. А в своих записках, описывая смерть своего деда Павла Александровича Храповицкого, которая произошла 7 февраля 1867 года, Георгий Иосифович пишет, что мать его, Евгения Павловна, не смогла приехать на похороны из Новгорода, так как «...в это время я собирался выходить на свет божий». Эта запись позволяет определить месяц и год рождения летописца рода Храповицких Георгия Иосифовича Юзефовича – февраль 1867 года. К сожалению, Георгий Иосифович совсем ничего не писал о собственной семье, своем отце, о том, есть ли у него братья и сестры. Правда, рассказывает об истории рода Юзефовичей, который происходил из крымских татар, еще при Витольде переселенных в Литву и сохранивших, как ни странно, свою веру до его времени. Рассказывая о своих тетушках и дяде, генерале Юзефовиче, он упоминает, что они исповедовали ислам.

Но вернемся к истории обитателей Ватагино. Борис Борисович Леццано женился на Таунус, разведенной после первого брака. Позднее она развелась и с Леццано и вышла в третий раз замуж за Раутенфельда. От брака с Таунус у Леццано было двое умерших холостыми сыновей и две дочери – Екатерина (замужем за П.Г. Дивовым) и Елизавета-Аделаида (замужем за бароном Шульцем).

Б.Б. Леццано скончался 3 июля 1827 года в возрасте 87 лет, оставаясь бодрым и деятельным до самой смерти. Еще за неделю до кончины он сам распоряжался похоронами дочери своей, Екатерины Борисовны Дивовой, на кладбище Фарфорового завода на Неве, вблизи Петербурга. На этом кладбище был он похоронен и сам. Здесь же нашли свое упокоение и его сыновья, и зять Петр Гаврилович Дивов, который намного пережил жену. Позже родовым кладбищем обитателей Ватагино стало кладбище в Язвцах, неподалеку от усадьбы. Родовое фамильное кладбище, находящееся обычно рядом с церковью, возведенной или бережно украшаемой хозяевами усадьбы, возможно, было самой трогательной и проникновенной частью поместья. Родовые могилы как бы соединяли поколения, примирая жизнь и смерть.

Книги, сад, дом, кладбище. Книги и сад. Чтение и размышление, обращение к природе и стремление к уединению, воспитание чувств и разума. Обращаясь к саду и книгам, житель усадьбы ощущал себя одновременно и частью макромира, личностью, питающейся всей мировой культурой. Происходило это и через семантику парка, наполненного различными объектами, напоминающими о географическом разнообразии и истории цивилизации земли. И через библиотеки, которые были в каждой усадьбе и своими собраниями приобщали обитателей имения к всемирной литературе, к мировой науке, истории, философии, географии. В Ватагино была обширная библиотека, собранная в основном во время проживания тут П.Г. Дивова и П.А. Храповицкого, образованнейших его владельцев. В ней была широко представлена литература XVII-го – начала XIX веков (правда, каталога библиотеки или каких-либо записей, касающихся ее состава, не сохранилось). Доподлинно известно название лишь одной книги. Это сборник восточных сказок «1000 и одна ночь». О ней в своих записках говорит Юзефович. Почему? Дело в том, что эта книга, изданная на французском языке, попала в руки Павла Александровича Храповицкого, когда он был уже в весьма зрелом возрасте. Французского он не знал, но эта книга настолько его заинтересовала, что он решил самостоятельно изучить французский язык, чтобы прочесть ее. И выучил. Чтение, по свидетельству Юзефовича, занимало не последнее место среди интересов обитателей Ватагино. К тому же книги были необходимы для обучения детей. Девочки в семье вообще получали исключительно домашнее образование, да и к мальчикам на начальной стадии обучения были приставлены домашние учителя. Впрочем-то составить представление о средней усадебной библиотеке начала XIX века можно из поэтического описания А.Н. Греча, помещенного в его «Венке усадьбам»: «В каждой помещицкой библиотеке Расин и Корнель, Мольер, Буало и Фенелон, энциклопедисты Дидро, Монтескье, Д'Аламбер, Дюваль, sentimentalный Жеснер, изящный шевалье де Буффлер, Лафонтен, Жан-Жак Руссо и, конечно, неизбежный Вольтер составляли обязательное наполнение шкафов. А рядом с авторами-классиками рослыми шеренгами выравнялись тисненные золотом корешки Большой Энциклопедии и «Bibliothèque des Voyages» – пространные описания путешествий в Азию, Америку, Индию, на острова Тихого океана Лаперуза, Шардена, Шаппа, письма и мемуары мадам де Савиньи, графа Сегюра, Неккера, труды латинских и греческих авторов в переводах прозой и стихами, изыскания по античной мифологии, археологии, искусству, а в других отделах нередко поселялись сочинения по ботанике, инженерии, фортификации, Линей, Лапласа...»

Бесчисленные авторы, целый мир мыслей, идей, образов заключен в этих томах красивой печати, переплетенных в кожу, с гравированными книжными знаками. Ватагинскую усадьбу, кроме книг, наполняли разнообразные коллекции, старинная мебель, которую, кстати, в усадьбах, в отличие от городского дома, вообще не принято было менять в соответствии с «модой легкокрылой», и поэтому старинные вещи словно хранили на себе следы предшествующих поколений хозяев усадьбы. И, конечно, старинные фамильные портреты. В Ватагино было два портрета Б.Б. Леццано, писанных масляными красками: один работы Н. Томарова, а второй – нарисованный внучкой Леццано, Натальей Петровной Дивовой. Был также портрет другого Леццано, по семейному преданию будто бы итальян-

кого аббата, и портрет дочери Леццано, Елизаветы Борисовны, баронессы Шульц. Вся обстановка дома, сад, словно хранивший в своей глубине следы бывших хозяев усадьбы, фамильные портреты, глядящие на них со стен комнат – это постоянное присутствие прошлого в настоящем как бы приобщало обитателей усадьбы к семейной памяти и заставляло их ощущать себя не просто самодостаточными личностями, но и звеном, соединяющим чтимое ими прошлое своего рода и его будущее, которое воплощалось через мир растущих детей. А существовавшие в Ватагино семейные предания, анекдоты, легенды и мифы были для обитателей усадьбы как бы путеводителями по человеческим судьбам их предков и давали им представления о личных качествах А.В. Храповицкого, П.Г. Дивова, Б.Б. Леццано.

Как тут не вспомнить одно из семейных преданий, повествующее о том, что однажды Борис Борисович Леццано явился к государю императору Павлу I при неформенной шпаге. На гневное замечание его императорского величества Леццано ответил, что эта шпага была ему пожалована родителем государя Петром III, почему он ее и носит. Ответ этот переменял царский гнев на милость. Император тут же пожаловал ему свою форменную шпагу и велел носить.

Вообще память о Леццано среди окрестного населения Ватагино сохранилась как о первом после царя человеке. И через много лет после его смерти ватагинские дворовые уверяли, что по дому бродит старый генерал, и уже в 70-е годы XIX века прислуга боялась ходить по залу, опасаясь встретиться со словно витающим над усадьбой духом ее основателя. Ватагино же после смерти Леццано, в 1827 году, перешло в семью Дивовых и досталось старшей внучке Софье Петровне Дивовой, а Петр Гаврилович Дивов, ее отец, стал управляющим имения.

Екатерина Борисовна Леццано вышла замуж за Петра Гавриловича Дивова в 1794 году. Венчание состоялось в Петербурге 19 апреля. Екатерина Борисовна была всеми уважаема и любима за свой кроткий нрав и доброту. Но в семейной жизни

она была не слишком счастлива. У них родились четыре дочери: Софья, Евгения, Александра и Наталья. Все они были прекрасно образованны и обладали разнообразными талантами. В этом, конечно, была огромная заслуга их отца. Будучи сам энциклопедически образованным человеком, он дал девочкам редкое для того времени образование. Дивов славился большими коллекциями: немецкой гравюры, картин, медалей; он собрал прекрасную библиотеку, но человеком был крайне тяжелого нрава. Службу свою при дворе, где он с 1805 года служил воспитателем и кавалером при великих князьях Николае Павловиче и Константине Павловиче, кончил вследствие того, что крупно поспорил и повздорил с самой императрицей Марией Федоровной. Нередко случались и ссоры с Павлом Александровичем Храповицким, его зятем, помещиком соседнего села Архангельского, из-за управления имением Ватагино. Вообще, семья Дивовых даже после выхода П.Г. Дивова в отставку, в 1812 году, в Ватагино приезжала только на лето, зимой проживая большей частью в Петербурге.

К сожалению, усадьбе Ватагино был отпущен короткий срок: 1917 год преждевременно прервал историю одного из множества «родовых дворянских гнезд» Новгородской губернии. Знакомство же с этими семейными материалами наверное приносит понимание того, что только вместе с осмыслением своих корней и своего продолжения происходит рост и обогащение личности, и, наверное, именно это имел в виду Пушкин, когда писал:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

.....
*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека –
Залог величия его.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аничков И.В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. – Новгород, 1916. – С.19-21.
2. Бакунин А.М. Осуга. Поэма//Наше наследие. – 1994. – №№ 29-30. – С.55-62.
3. Долгополова С. и др. Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры//Наше наследие. – 1994. – №№ 29-30. – С.146-157.
4. Житийские новости. Письма Храповицких 1850-1860 гг./Публ. и вступ. ст. И. Савиновой//Мера. – 1995. – №11. – С.81-108.
5. Каталог выставки XV Всероссийского археологического съезда. Отдел I. Древности первобытные, гражданского и военного быта в доме на Сенной площади. – Новгород, 1911.
6. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы//Очер-

- ки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно-культурная среда. – М., 1998. – С.265-375.
7. Новый энциклопедический словарь. Т.16/Под ред. почет. акад. К.К. Арсеньева. – СПб.: Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1911. – С.117.
 8. Энциклопедический словарь. Т.37. «А». – СПб.: Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1903. – С.612-614.

ФОНДЫ АРХИВОВ:

1. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф.766, оп.1, д.1, 2, 7, 8, 126.
2. Отдел письменных источников Новгородского государственного музея (ОПИ НГМ). Ф.16, оп.1, д.1.

Валентина КОВАЛЁВА

ЧУДО НА НЕРЕДИЦКОЙ ГОРЕ

В 1876 году в Париже была выполнена памятная бронзовая медаль, посвященная далекому и неизвестному тогда древнему живописному храму XII века «Eglise Spasso Neredizk»* – Спаса Преображения на Нередице. Показанная в зарисовках и акварелях на Всемирной выставке в Париже, Нередицкая церковь поразила современников законченностью пропорций и очертаний, единством и цельностью архитектуры и живописи интерьера, изумительной мягкостью и пластичностью как бы вылепленных форм, пронесших через века тепло человеческих рук талантливых мастеров – зодчих и живописцев.

Церковь Спаса на Нередице была едва ли не первым памят-

ником архитектуры и живописи Новгорода, получившим известность в среде отечественных, а позднее и зарубежных историков искусства.

На рубеже двух столетий, двух эпох, когда страна переживала тяжелый политический и экономический кризис, в предчувствии катастрофы, в преддверии великих свершений с особенной остротой пробуждался интерес к отечественной истории, осмысливались традиции ее культуры. Потомки с пристальным вниманием в них всматривались и с удивлением открывали давно забытые культурные ценности. В произведениях литературы и искусства вторгалось великое наследие предков.

В истоках реки Волхов, по ее правому берегу, среди зелени заливных лугов и заболоченных камышовых низин, высятся два холма. Один – с руинами церкви Благовещения на Городище XIV века, погибшей в годы войны. Другой – с восстановленным храмом Спаса Преображения, «что на Нередицкой горе». Они и поныне хорошо видны при въезде в Новгород со стороны озера Ильмень и с южных окраин. Едва ли в окрестностях города можно найти более живописные места, чем Городище и Нередица.

Опираясь на накопленный опыт, интуитивное художественное чутье и существующие строительные традиции, древнерусские мастера умели безошибочно выбрать место для постройки, найти верные пропорциональные соотношения отдельных архитектурных элементов, форм, масс и объемов, и деликатно вписать композицию отдельного здания или целого ансамбля в существующую пространственную среду, не разрушая ее, но дополняя и обогащая.

О сооружении каменной церкви Спаса на Нередице впервые упоминается на страницах Новгородской Первой летописи под 1198 годом: «В то же лето заложи церковь камяну князь великий Ярослав, сын Володимирь, внук Мстиславль (правнук Владимира Мономаха – **В.К.**), в имя святого Спаса Преображения Новгороде на горе, а прозвище Нередице; и начаша делати месяца июня в 8, на святого Федора, а кончаша месяца сентября»¹. Возведенная близ Городища, на земле загородной резиденции новгородских князей, церковь Спаса на Нередице является последним новгородским княжеским храмом.

* Медаль с указанной надписью в настоящее время хранится в собрании Новгородского государственного музея-заповедника.

Церковь Спаса Преображения на Нередице. Довоенный снимок

Ктиорская фреска

Одновременно с церковью Ярославом Владимировичем был основан Нередицкий мужской монастырь². Близ его стен проходила зимняя московская дорога. В придорожном монастыре останавливались для короткого отдыха и молитв князя и владыки, новгородские посольства, направлявшиеся во Владимир и Москву, бояре, купцы, паломники, делались небольшие пожертвования. Однако основанный непопулярным князем монастырь никогда не был большим и влиятельным. Не располагая сколько-нибудь значительными земельными угодьями, приносящими доход, он не мог претендовать на высокий статус. В отличие от Юрьева монастыря, основанного в XI веке Ярославом Мудрым, служившего усыпальницей и местом погребения князей и посадников, Нередицкий монастырь не пользовался особым покровительством боярской элиты. Лишь однажды под сводами небольшой Нередицкой церкви прозвучали с особым значением торжественно-печальные слова и молитвы службы Великого погребения для новоторжского князя Афанасия Даниловича (брата великого князя Юрия Даниловича), получившего монашеский сан в замен земных благ суетного мира. Приняв иноческий образ и убогие одежды монашеского, князь до конца своих дней жил среди нередицких иноков. Его похоронили в 1322 году у стен Нередицкого храма³.

В 1386 году, когда московский князь Дмитрий Донской двинул свои войска на непокорный город, новгородцы принялись жечь окрестные монастыри с тем, чтобы лишить княжеские дружины опорных пунктов. В числе прочих горел и Нередицкий монастырь.

К сожалению, сохранившиеся до нашего времени источники XII-XVI веков по истории Нередицкого монастыря и храма как правило малочисленны и не всегда достоверны.

После установления в 1136 году вечевой республики новгородцы ограничили власть и права князя, сведя их к исполнению обязанностей военачальника, приглашенного вечем на определенный срок. Князь не мог самостоятельно решать вопросы мира и войны, вмешиваться в дела и проблемы административно-политической жизни Новгорода, вершить суд. По

договору с вечем ему предписывалось держать свой двор за пределами города – на Городище. Вече оставило за собой право приглашать или изгонять новгородских князей. Не задерживающиеся долго в Новгороде князья не были заинтересованы в каком-либо городском строительстве. Основными заказчиками, начиная с 30-40-х годов XII века, становятся горожане: архиепископы, посадники, бояре, купцы, ремесленники, уличане (жители улиц). Соответствуя новому социальному положению заказчика, его потребностям, вкусам, эстетическим представлениям, постепенно изменяется типология строительства. Небольшие, почти кубические в объеме, четырехстолпные, камерные и уютные в интерьере одноглавые храмы последней четверти XII столетия не похожи на репрезентативно-величественные многоглавые княжеские соборы с нартексом* и обширными, хорошо освещенными хорами – парадной частью храма – для присутствовавших на богослужении семьи и свиты князя.

К новому стилистическому типу одноглавого четырехстолпного крестово-купольного храма без нартекса относится и последняя княжеская постройка – церковь Спаса на Нередице, где лишь наличие хор указывает на социальное положение заказчика.

Сооружение храма, предпринятое Ярославом Владимировичем в республиканский период истории Новгорода – случай беспрецедентный, побудивший исследователей собрать воедино разбросанные по отдельным источникам факты и события из жизни этого князя⁴, и рассмотреть обстоятельства, ставшие фоном при возведении нередицкой постройки.

Ярослав Владимирович, сын безземельного князя Владимира Мстиславича, приходился свояком Всеволоду Большое Гнездо. Родные сестры – жены обоих князей – по одной из версий были ясыни (осетинки), по другой – чехини (дочери чешского князя). Поздние источники называют жену князя Еленой, от которой он имел дочь и трех сыновей.

На новгородское княжение Ярослав Владимирович впервые был приглашен в 1181 году, но уже через три года, в 1184-м, изгнан, «...зане много творяху пакостии волости Новгородскеи»⁵. Вторично став новгородским князем в 1187 году, Ярослав, после очередного конфликта с новгородцами, в 1196 году вынужден был снова уйти, но, заняв по дороге Торжок, решил пополнить свою казну, собирая «в свою пользу уже не принадлежавшие ему доходы с Новгородской земли»⁶. Однако вскоре Всеволоду Большое Гнездо вновь удалось уговорить новгородцев вернуть изгнанного князя.

Последний, третий период княжения Ярослава в Новгороде был особенно труден и трагичен для князя и его семьи. Весной 1198 года умерли его малолетние сыновья Изяслав и Ростислав. Их похоронили в парном детском саркофаге под

Кн. Ярослав Владимирович (?)
Ктиорская фреска. Фрагмент

* Нартекс – закрытое помещение в западной нижней части.

сводами Георгиевского собора Юрьева монастыря, у южной стены⁷. В том же году князь Ярослав заложил на Нередице каменную церковь. Начатая 8 июня постройка была завершена в сентябре того же года, а в летние месяцы следующего, 1199 года, украшена фресковой живописью⁸. Однако присутствовать при окончании росписи и освящении храма княжеской семье не удалось. Весной 1199 года «начаше новгородци совет творити, еже изгнати им князя»⁹, в результате чего Всеволод, отозвав «к собе» незадачливого свояка, предложил на новгородский стол своего сына. Посольство за новым князем завершилось неожиданной кончиной владыки Мартирия, последовавшей 24 августа на Селигере.

Под 1199 годом Новгородская Третья летопись упоминает о строительстве еще одного храма, связанного с княжеским заказом. Это церковь Рождества Богородицы в Михалицком монастыре на Молоткове, поставленная «по внушению владыки Мартирия княгиней Ярославовой»¹⁰. Жена Ярослава умерла в 1200 году во Владимире и была похоронена в Богородицком Княгинине монастыре, ненадолго пережив своих сыновей, в память о которых в Новгороде и были возведены церкви Спаса на Нередице и Рождества на Молоткове.

Ярослав Владимирович вошел в историю не только строительством Нередицкого храма, но и подписанием в 1189 году первого известного нам договора с Западом (Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами), где «подтвердихом мира с всеми немецкими сыны, и с гты (готами – **В.К.**) и с всем латиньским языком»¹¹.

Последнее упоминание в летописных источниках о князе Ярославе относится к 1206 году в связи с изгнанием его из Вышгорода. На этом его следы теряются, – дальнейшая судьба князя неизвестна.

В 1206 году Ярослав Владимирович был, по современному ему понятиям, далеко не молод, одинок (нет известий, что он вторично был женат). Неудачные княжения, изгнания, трагическая смерть детей наверняка оставили глубокую рану в его душе. Возможно, на закате дней Ярослав, как и многие другие князья, принял схиму, получив иноческое имя Иоанн...

В западном аркасолии южной стены церкви Спаса на Нередице, близ входа на хоры, до разрушения в годы Великой Отечественной войны, сохранялась ктиторская композиция: восседавшему на троне Христу князь подносит модель Нередицкого храма. Композицию сопровождала большая надпись: «...нѣ о боголюбивы кнаже вторыи Всеволодъ, злыя облича, добрыя любя, живая кормя и вся църковныя чины и монастырскыя лики милостивенн имая, о милостивьче, кто твоя доб-

родетели может воспети, но дпждь убо церствие небесное съ всеми святыми угожешими ти въ бесонечныя веки, аминь»¹². Надпись хорошо читалась, вся, за исключением имени князя-заказчика, от которого сохранились только буквы: нѣ. В.Л. Янин реконструирует имя как «Иоанн», считая, что здесь был изображен князь, поставивший ранее на месте ныне существующей церкви Спаса деревянную церковь. Едва ли эта версия может иметь место, так как источники, как ранние, так и поздние, о существовании деревянной церкви не упоминают. Ю.Н. Дмитриевым доказано, что ктиторская композиция выполнена в XIII веке, уже после смерти Ярослава Владимировича. При этом Дмитриев ошибочно полагает, что здесь изображен князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского), не имевший к этой церкви никакого отношения.

В живописи Нередицкой церкви особое внимание уделено эсхатологической тематике (темам «Страшного суда» и «Воскресению мертвых»), вызванной трагическими событиями в семье князя.

Ярослав Владимирович, в отличие от своего деда Мстислава, не был любим новгородцами. Его дважды изгоняли из города, ставя в вину «многие пакости», и, вероятно, в том числе сближение с католическим западом, проявившееся в заключении мирного договора 1189 года. Связь князя (полувенгра по происхождению, женатого, по одной из версий, на чешке) с латинянами выразилась также появлением в стенописи Нередицкой церкви романской тематики, композиций, неизвестных православному Востоку. На стенах диаконника исполнены изображения Конона-градара, католического святого – Бенедикта Нурсийского, «Моление Алексея человека Божия». В нередицком варианте «Моления» образ Эдесской Богородицы был заменен излюбленным новгородским типом иконы Богородицы – «Знамение».

В конхе центральной апсиды до разрушения памятника в годы Великой

Богоматерь Оранта с предстоящими. Конха алтарной апсиды

Отечественной войны можно было видеть необычный «романизированный» вариант Богородицы – «Знамение» типа «Vierge Mise-rekorde» с двумя симметричными группами святых во главе с Борисом и Глебом.

Возникновение этих «романских мотивов» в иконо-графическом составе нередицких фресок могло быть подсказано монахом-католиком, возможно, бенедиктинцем, находившимся при дворе князя.¹³

М.И. Артамонов, предполагавший участие в росписи Нередицы от 8 до 10 мастеров, на основании изучения особенностей стиля и технических приемов письма, относил исполнение перечисленных выше композиций к романскому художнику.¹⁴

Св. Конон-градарь

ти, были развернуты по сводам и стенам, начиная с северной стены трансепта и рассчитаны на осмотр при постепенном круговом обходе. В нижних частях стен и на столбах размещались мученики и святые, символизирующие «фундамент», основу «земной церкви».

Каноническая система византийской храмовой росписи подверглась с самого начала на русской почве существенным изменениям за счет большой свободы в расстановке и выборе сюжетов.

«Распределение евангельских сцен на сводах и стенах Нередицы было настолько свободным, что в нем тщетно было бы искать даже намека на хронологическую последовательность событий»¹⁵. Произвольность в расстановке сюжетов явилась следствием срочности заказа, отсутствия времени на обдумывание плана.

До гибели под огнем фашистского артиллерийского обстрела (1941–1944 гг.) уникальная фресковая живопись церкви Спаса на Нередице в несколько регистров сплошным живописным ковром покрывала стены, столбы, своды. Уцелевшие после Великой Отечественной войны композиции и фрагменты (около 15 процентов от первоначальной живописи), находящиеся в основном в нижних частях стен, характеризует живописную манеру и технические приемы трех мастеров.

Автор, написавший изображения Петра Александрийского и святителей на северной стене центральной апсиды, в построении формы, выявлении объемов активно использует линейную стилизацию светов, превращая световые моделировки лиц в сложный орнаментальный узор. Несколько вытянутые пропорции его святителей, мастерство быстрого, свободного рисунка тонких белильных линий, находят аналогии в живописи церквей Благовещения на Мячине и Георгия в Старой Ладоге.

Другим мастером исполнены «Пророк Илья, питаемый вороном» (в южном аркасолии апсиды) и выше – святители двух верхних регистров на той же стене, в том числе Фока с традиционным веслом.

Созданные им образы наделены глубиной психологических характеристик, лица ярко индивидуализированы, почти портреты. Рисунок белильных высветлений, проложенных по желто-охряной карнации, скуп и выразителен.

Изображения крепких, приземистых, широкоплечих и боль-

шеголовых фигур святых жен в диаконнике, а также святых Екатерины и Тимофея, в арке прохода из алтаря в диаконник, выполнены третьим художником, трактующим форму намеренно плоскостно и условно. Неподвижные и статичные фигуры святых жен, с монотонно повторяющимся ритмом похожих силуэтов, одинаковыми овалами лиц, большими глазами, симметрично организованными складками одежд, отличающихся только по цветовому решению, кажутся списанными и тиражированными с одной модели, одного канонического «образца».

Несколько сумрачная палитра нередицких мастеров включает плотные, тяжелые краски синего, вишнево-коричневого, желтого и зеленого цветов и их немногочисленные оттенки. Основываясь на комплексном изучении источников об открытой археологами в Новгороде мастерской местного иконописца Олисея Гречина, В.Л. Янин предположил активное участие этого художника в росписи стен Нередицкого храма.¹⁶

В целом глубоко почвенное (земное, человеческое) искусство нередицких мастеров тесно связано с народно-демократическими традициями новгородской живописи конца XII – начала XIII столетий.

В январе 1944 года, когда Новгород был освобожден от фашистских банд и линия фронта переместилась за пределы Новгородской земли, церковь Спаса на Нередице, разрушенная огнем фашистской артиллерии, представляла собой холм из груды камня, кирпича и щебня, занесенный снегом. Летом 1944 года экспедицией М.К. Каргера были начаты работы по археологическому обследованию памятника. Работы проводились в юго-восточной части интерьера. После выборки из завала фрагментов фресок реставратор А.В. Виннер укрепил участки живописи, уцелевшие на стенах. Аналогичные работы были продолжены в 1945 году под руководством опытного архитектора-реставратора Л.М. Шуляк, и завершены в 1947

В январе 1944 года, когда Новгород был освобожден от фашистских банд и линия фронта переместилась за пределы Новгородской земли, церковь Спаса на Нередице, разрушенная огнем фашистской артиллерии, представляла собой холм из груды камня, кирпича и щебня, занесенный снегом. Летом 1944 года экспедицией М.К. Каргера были начаты работы по археологическому обследованию памятника. Работы проводились в юго-восточной части интерьера. После выборки из завала фрагментов фресок реставратор А.В. Виннер укрепил участки живописи, уцелевшие на стенах. Аналогичные работы были продолжены в 1945 году под руководством опытного архитектора-реставратора Л.М. Шуляк, и завершены в 1947

Св. Акакий и св. Бенедикт Нурсийский

Свт. Петр Александрийский

руин и решить вопрос о полной реставрации Нередицкого храма.^{**} Проект восстановления был разработан архитектором С.Н. Давыдовым и уточнен и дополнен в деталях непосредственно в процессе подготовки рабочих чертежей и реставрации памятника^{***}.

году.¹⁷ Проведенными в 1999 году в интерьере церкви Спаса на Нередице бригадой художника-реставратора Т.А. Ромашкевич завершается полная консервация фресковой живописи, не проводившаяся ранее. В зимнее время ведутся работы по восстановлению композиций из фрагментов фресок, собранных в 1945-1947 годах Л.М. Шуляк из руинированной Нередицкой церкви.

Т.А. Ромашкевич надеется, что в ближайшие годы ей удастся собрать и вернуть на прежнее место уникальную ктиторскую фреску с изображением Ярослава Владимировича, в молитвенном предстоянии подносящего Христу Нередицкий храм.

Участники возрождения Нередицы – «шестидесятники» уходившего двадцатого века, оптимисты, обожавшие жизнь, мечтатели, влюбленные в хрупкую красоту мира, романтики, не мыслившие себя вне своего дела, чьи ученики сегодня достойно несут эстафету. Они были молоды тогда, многим не было и тридцати. Очень многих уже нет среди нас...

Вечная вам память и низкий поклон.

Вечная вам память и низкий поклон.

* Обмеры выполняли В.Н. Захарова и Е.П. Демчук.

** Изучение ц. Спаса на Нередице было начато в 1898 г. В.В. Сусловым и продолжено в 1903-1904 гг. П.П. Покрышкиным, выполнявшими капитальный ремонт обветшавшего храма.

*** По вызову СНРПМ (Новгородской реставрационной мастерской) в новгородских памятниках, в том числе и в ц. Спаса на Нередице, реставрацию фресковой живописи (противоаварийные работы) выполняли бригады художников-реставраторов из Москвы и Ленинграда. С 1960-х годов работы проводились московской бригадой художников-реставраторов Г.Х. Батхеля: Ю.Новиковым, И.Шелковским, В.Ромашкевичем, В.Пьяновым и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская Первая летопись (НПЛ) старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 44.

² НПЛ. С. 44.

³ Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч.1. М., 1860. С.496.

⁴ М.Ф. Мурьянов. Алексей человек Божий в славянской рецепции византийской культуры. ТОЛД №23. Л., 1968. С.112-114//Б.А. Колчин, А.С. Хорошев, В.Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981. С. 156-167.

⁵ НПЛ. С. 37, 228.

⁶ Б.А. Колчин, А.С. Хорошев, В.Л. Янин. Указ. соч. С. 157.

⁷ НПЛ. С. 44.

⁸ НПЛ. С. 44.

⁹ ПСРЛ. Т. 10. 1885. С. 32.

¹⁰ Архимандрит Макарий. Указ. соч. С. 332-333.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С.55. // В.С. Покровский. Договор Великого Новгорода с Готландом и немецки-

ми городами как памятник международного права. «Известия ВУЗов. Правоведение». №1. Л., 1959. С.90-100.

¹² Транскрипция текста по кн.: Б.А. Колчин, А.С. Хорошев, В.Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981. С. 158.

¹³ М.Ф. Мурьянов. Указ. соч. С. 123. М.Ф. Мурьянов. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. «Ricerche Slavistiche» vol. 14. Roma, 1966, p. 29-41//В.Н. Лазарев. Искусство средневековой Руси и Запада (XI-XIV вв.) в сб.: В.Н. Лазарев. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С.264-268.

¹⁴ М.И. Артамонов. Мастера Нередицы и Новгородский сборник. Вып.5. Новгород, 1939. С. 44.

¹⁵ В.Н. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. М., 1973. С. 242-246.

¹⁶ Б.А.Колчин, А.С.Хорошев, В.Л.Янин.Указ. соч. С.156-166.

¹⁷ Л.М. Шуляк. Раскопки руин ц. Спаса-Нередицы близ Новгорода. «Практика реставрационных работ». Т.1. М., 1950. С. 123-133.

Татьяна ДАНЬКО

ВОДА, ФОНАРИ И ДРУГИЕ ЗАБОТЫ УПРАВЫ

В соответствии с Городовым положением от 12 июня 1870 года в Новгороде были учреждены органы самоуправления – Городская дума и Городская управа, на которые возлагались административно-хозяйственные задачи.

Городская управа была наделена исполнительными функциями и состояла из 2-4 гласных Думы под председательством Городского головы, избираемого из числа гласных и утверждаемого губернатором.

В ведении Новгородской управы в XIX веке находились капиталы и имущество города, попечение о народном здравии, образовании, благотворительности, о торговле и кредитах, о благоустройстве и санитарном состоянии города и т.д.

В 1899 году по запросу хозяйственного департамента МВД Городская управа подготовила сведения о состоянии городского хозяйства. Среди многочисленных пунктов описания были и такие, которые характеризовали коммунальное хозяйство города. Именовалось оно тогда «попечением о благоустройстве города».

Протяженность улиц и переулков составляла 35-36 верст, площадь их (вместе с городскими площадями) – 206 775 кв. сажень. Из них замощенных булыжником – 140 000 кв. с. и шоссировано (гужевых дорог) – 8 000 кв. с. Кстати, другими способами – гранитом, асфальтом, торцами – новгородские улицы в конце XIX века не благоустраивали. В общей сложности содержалось и ремонтировалось за счет города 20 000 кв. с. Помимо этого город обеспечивал содержанием 11 постоянных мостов (5 деревянных и 6 каменных) и один исключительно пешеходный.

Уже в 70-е годы XIX века действовали в городе Основные правила, которые обязывали новгородских домовладельцев содержать в надлежащей чистоте и исправности у своих усадеб и домов улицы, мостовые, тротуары и заборы, водосточные каналы, разъемники и трубы. В журнале заседания Управы за 1875 год сохранилась запись о необходимости передачи обязанности по содержанию дорог в ведение домовладельцев, поскольку они «не обращают внимания на сохранение оных в благовидности». Основные правила требовали от владельцев усадеб «делать все исправления (т.е. ремонтные работы) за свой счет, не требуя этого от Городской Управы».

Городская управа через городского полицмейстера и его службу пыталась обязать домовладельцев к исправлению мостовых, заборов, труб и прочего. Так, в рапорте полицейского пристава в Управу 22 августа 1875 года указывалось: «При всех напоминаниях жителям города со стороны полиции о поправке и починке заборов и панелей перед домами никак нельзя достигнуть желаемого. А между тем некоторые заборы грозят ре-

шительным падением, как, например, во 2-й части по Московской улице у дома Сиротина, по Михайловской улице у дома Саблукова... деревянная панель, начиная от угла Троицкой мимо подворья Сковородского монастыря, решительно непроходима, так что проходившим по этой стороне легко поломать ноги..., а потому имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего командировать члена Управы для составления протокола и передачи такового мировому судье».

Неверно было бы предполагать, что исключительно в обязанности обывателей было благоустройство городских улиц. Специальные статьи расхода из бюджета городского самоуправления предусматривали строительство и ремонт площадей, мостовых, парков. На 1875 год в числе расходных статей значилась ст. 26 о расходах на починку и устройство мостовых Михайловского спуска – 700 руб., расходы же на строительство новой мостовой от Московского шоссе по Успенской улице и устройство пешеходных мостков в 1881 году определялось по ст. 31 росписи расходов города. А вот для ремонта прочих мостовых города в этот год предусматривалась сумма всего в 200 рублей.

Сохранились счета, предъявляемые в Городскую управу для оплаты работы ремесленников – мостовщиков и каменщиков, а также крестьян, зарабатывающих на подвозке камня, земли, песка для строительства мостовых в городе. Подрядчик-мостовщик Петр Ключков за один 1881 год несколько раз получал оплату за ремонт мостовых: 6 рублей за исправление площади 2-й Торговой части города после Варламиевской ярмарки; 23 руб. 10 коп. – за замощение каменной мостовой по Дворцовой улице к бульвару, вычистку двух разъемников и водосточной канавы.

Поддержание улиц города в чистоте составляло повинность местных владельцев недвижимых имуществ, а надзор «за несваливанием нечистот в улицах» относился к обязанности членов исполнительной комиссии Городской управы и полицейских приставов. Контролируя санитарный порядок на улицах города, представитель исполнительной комиссии Городской управы в 1889 году сообщал: «Кучи разных нечистот по Воскресенской улице необходимо немедленно убрать или зарыть в низменных местах и поставить 2 столба с надписями: свалка чего-бы то ни было строго воспрещается». Невыполнение распоряжений Управы приводило к штрафам, а иногда и к рассмотрению дела в мировом суде.

Между Городской управой и городскими ведомствами заключались договоры о содержании города в опрятности и чистоте. В 1889 году был заключен контракт Управы с начальником городской тюрьмы, согласно которому в обязанности последнего входило «производить работы по очистке шоссе-ных

дорог от снега и нечистот на всех местах, городу принадлежащих». Работы эти должны были производиться арестантами, и наблюдение за своевременным их исполнением возлагалось на городское полицейское Управление. «Исправление выбоин на дорогах» было заботой непосредственно Городской управы. Сначала член исполнительной комиссии осматривал не исправности на шоссейных дорогах, затем нанимал «понимающих дело рабочих», оплату же они получали от Управы города по предоставлению счета. Специальные суммы для найма сторожей из числа обывателей, наблюдающих за чистотой улиц, не предусматривались бюджетом города. Хотя и были ходатайства с просьбой за ежемесячную плату в 3 руб. наблюдать за чистотой определенной улицы (квартала) города.

Первоначальное устройство труб водостоков по улицам города, на основании постановления Думы, «лежит в обязанности города», содержание их и ремонт относились к ведению домовладельцев.

Городская управа давала разрешение на отвод и подключение труб водостоков из дворов владельцев к трубам городским. С этой просьбой обращались в Управу и простые обыватели, и именитые горожане. Известные новгородские купцы Осип Яковлевич Крылов и Аким Минович Стальнов писали в Управу: «Имея надобность провести водосточную подземную трубу из домов наших, находящихся во 2-й части I участка г. Новгорода на углу Мало-Михайловской и Нутной улиц, покорнейше просим Городскую Управу разрешить нам проложить трубу в р. Волхов». Как правило, подобные ходатайства разрешались положительно, но при определенных условиях: «с тем, чтобы перед выходом к реке был устроен осадочный колодец и, кроме того, наблюдались при работах необходимые предупреждения для безопасности проходящих и проезжающих, а в ночное время огороженные по улице места освещались фонарями». Горожане-домовладельцы, ответственные за содержание подземных водосточных труб, обязывались в местах их соединения ставить разъемники для предупреждения засорения.

Иногда Управе, для поддержания должного санитарного состояния города, приходилось в экстренном порядке рассматривать вопрос об ассигновании сумм из уже утвержденной сметы на непредвиденные расходы. Так было с финансированием устройства мостовых и водосточных труб на Лерховском бульваре и рыбном рынке в 1889 году.

Несмотря на все меры, предпринимаемые Управой по содержанию Новгорода в чистоте и опрятности, осмотр города 1887 года выявил массу санитарных нарушений: из 476 осмотренных частных домов в 243 найдены были «в санитарном отношении те или иные неисправности» (в счет не включались казармы, монастыри, все здания в кремле). Вот что показал осмотр на Софийской стороне: «Водоснабжение обывателей производится водовозами и водоносами. Вода берется из р. Волхов без всякого разбора из мест, которые доступны для проезда на лошади... где кому ближе. Само собой разумеется, что при таком способе водоснабжения вода нередко берется из таких мест, в которые из города стекают нечистоты; последние, разбавленные водой, черпаются водовозами и водоносами и обратно доставляются обывателям».

Совершенно недопустимой была система отвода нечистот из города «посредством городских и собственных труб, а иногда и простых канав... Такой способ практиковался, по словам обывателей, с незапамятных времен с разрешения Городского

управления, или, по крайней мере, не без ведома его», – констатировали в своем отчете доктора медицины А.М. Фортунатов и П.А. Добрадин. Все эти нарушения были выявлены, и результаты санитарного осмотра опубликованы в 1887 году в приложении к «Новгородским губернским ведомостям». Но только в марте 1889 года Управа издала определение за подписью Городского головы и членов Управы: «Препроводить 10 экземпляров санитарного осмотра г. Новгорода в городскую полицейскую Управу, и против его сделать распоряжения о закрытии означенных труб у поименованных домовладельцев, для чего передать господам полицейским приставам по одному экземпляру осмотра».

Безусловно, такое положение с водоснабжением населения города, когда нарушались элементарные санитарные правила, было недопустимо. Поэтому насущным стал вопрос о создании водопровода в Новгороде.

Несколько лет занял подготовительный этап по проектированию и финансированию работ. Окончательное постановление Думы о постройке водопровода в городе было принято 11 октября 1895 года. В этом документе утверждались задания для составителя проекта и было признано, что «средствами для осуществления сего предприятия может быть ссуда от правительства в 150 тыс. рублей и от военного ведомства в 60 тыс. рублей».

Строился водопровод по проекту инженера-технолога М.И. Алтухова, который был известен своими проектами создания водопроводов в Туле, Калуге, Симбирске и других городах России. Утверждение проекта М.И. Алтухова местным строительным отделением Губернского правления состоялось 23 мая 1897 года. А несколько ранее, в 1896 году, по Высочайшему повелению из средств казны было разрешено к выдаче 150 тыс. рублей, из них 50 тыс. отпускались в безвозвратное пособие, а 100 тыс. давались в ссуду с возвратом в течение 30 лет без начисления процентов.

В объявлении Новгородской городской управы сообщалось о проведении 17 июня 1897 года торгов по отдаче подряда на постройку в городе водопровода. К торгам допускались все лица, «имеющие на то по закону право, как отдельные предприниматели, так и представители компаний, имеющие доверенности». Для участия необходимо было подать заявление, оплаченное гербовым сбором, о допущении их к торгам, с приложением документов о звании и залога в размере 5 тыс. рублей наличными или в процентных бумагах при особой описи. С условиями (условиями конкурса), проектом и объяснительной запиской к нему, сметой на постройку водопровода и другими документами каждый желающий конкурсант мог ознакомиться в Управе. Такие условия торгов на подряд были подписаны Городским головой Г.М. Сметаниным.

Среди многочисленных прошений на участие в торгах сохранилось заявление от владельца Технической конторы Виктора Игнатьевича Щербакова: «...имею честь заявить Городской Управе, что я имею большой склад принадлежностей и постоянные работы по означенной отрасли, имею возможность сделать со сметной суммы скидку в размере 18 461 рубля и принять все устройство за 194 727 руб. 62 коп., а потому прошу Городскую Управу оставить означенные работы за мною. При сем представляю 5 тыс. рублей». 18 июня 1897 года Новгородская городская дума единогласно утвердила подрядчиком

постройки городского водопровода В.И. Щербакова. И уже 30 августа 1897 года, после заключения договора, была совершена закладка водопровода.

Для решения текущих вопросов по строительству и выполнению проекта в целом была образована специальная комиссия по устройству водопровода. В состав ее вошли господа гласные Городской думы: К.Ф. Масловский, Р.Н. Красновский, А.И. Гинтовт, М.П. Петров, Я.И. Журавлев, Е.И. Лебедев, Л.Д. Шомин. На совместных заседаниях соединенного присутствия Управы и комиссии решались самые разные вопросы. Один из них – о поставке качественных стройматериалов, проведении экспертизы кирпича, цемента, труб. Так, проектировщик господин Алтухов предлагал для приема труб на заводах назначить постоянного сотрудника, который бы «присутствовал при их исполнении и проверял бы каждую трубу под давлением и взвешивал каждую трубу отдельно и отправлял в Новгород именно те трубы, которые освидетельствованы».

Почти постоянной во время строительства была проблема качества кирпича. Договор с поставщиком, купцом Перетрумовым, был расторгнут, поскольку кирпич его поставок нельзя было употреблять для строительства фильтров, дымовой трубы и водонапорной башни. В качестве исключения такой кирпич при сортировке использовался для других объектов.

Технически сложной оказалась прокладка труб по дну реки Волхов. Для разрешения этого вопроса на заседания совместного присутствия приглашались представители ведомств, чьи интересы затрагивались в ходе строительства: начальник отделения Санкт-Петербургского округа путей сообщения Новгородской губернии, начальник судоходной дистанции. При этом рассматривались исследования рельефа дна Волхова в месте прокладки труб, учитывались предполагаемые работы по устройству постоянного моста и гарантии «безопасности водопроводных труб при существующих правилах судоходства».

Совместное присутствие осуществляло проверку денежных смет строительных работ. Это касалось сметы по углублению фундамента под машинное отделение водопровода и фильтра, сметы по вычислению стоимости проведения водопроводных труб в дома частных владельцев.

Управа и комиссия производили осмотр сети уже уложенных водопроводных труб в городе. Причем комиссия иногда достаточно оперативно вносила свои коррективы по пересмотру рабочего проекта: по перенесению магистральной трубы, пожарных кранов, водоразводной будки и т.п. Для решения сугубо профессиональных задач на заседания комиссии приглашались специалисты, строители и архитекторы. Достаточно серьезно обсуждалась проблема невозможности прокладки водопроводных труб из-за городских и частновладельческих подземных труб для водоспусков. Оказалось, что в Городской управе отсутствуют планы этих водоспусков. И тогда были даны следующие рекомендации: «Воспользоваться указаниями старожила землекопа Филиппа и просить городского архитектора нанести все эти трубы на план».

Обычно соединенное присутствие заседало не реже одного раза в неделю. Но в отдельных случаях приходилось для решения экстренных вопросов собираться и чаще.

Непосредственным производителем работ по сооружению водопровода был инженер-технолог Братолюбов. В связи с увеличением объема работ в конце 1897 года остро встал вопрос о выборе специалиста водопроводного дела «для поста-

новки технического надзора за устройством водопровода». Для этого Городская управа предварительно рассылала предложения в технические учебные заведения, публиковала объявления в газетах Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Одессы с приглашениями специалистов. Прислано в Управу было 12 заявлений. Выбор свой, по рекомендации Алтухова, Дума оставила на кандидатуре инженера-технолога Н.И. Боровичко, специалиста по эксплуатации и строительству водопроводов. Н.И. Боровичко согласился на денежное содержание в 250 рублей в месяц, которое определила Управа, и ему было предложено остаться уже после окончания строительства в должности заведующего водопроводом.

Именно к господину Боровичко, должностному лицу, постоянно надзирающему за строительством водопровода, обращались городские обыватели за проверкой смет и расходов по устройству домовых водоводов. В среднем расход на устройство одного водовода в частных домах составлял около 100 рублей, и оплата допускалась частями или в рассрочку из расчета 6% годовых. При этом учитывались диаметры труб (трубы устанавливались исключительно оцинкованные); несколько дороже была установка труб с фасонными частями: отводами, переходами с одного диаметра трубы на другой, тройников, ниппелей, раковин и так далее. Городская управа обязывала домовладельцев устанавливать во дворах колодцы, и все работы по устройству водоводов оплачивали сами частные владельцы – от тройника до колодца, от колодца по двору и дому.

Задолго до окончания строительства водопровода Управа рассматривала вопрос о порядке взимания и размере оплаты за воду, исследуя в качестве примера решение этого вопроса в городах Самаре, Ярославле, Царицыне, Тамбове, Двинске, Полоцке и Дрездене. Решено было «на первое время» в тех домах, где поставлены водомеры, взимать по 15 копеек за 100 ведер воды, где водомеры отсутствуют, – по 20 копеек за 100 ведер. Расчет производился из такого потребления воды: на 1 человека – 2 ведра, на 1 лошадь – 3 ведра, и на 1 корову – 3 ведра в сутки. Если же по этому расчету ежедневное потребление воды будет превышать 50 ведер, то за счет домовладельца в таком доме должен быть поставлен водомер. И только по особому разрешению Управы и за определенную плату допускалась поливка улиц и садов.

Отдельной строкой проходила оплата за воду «в ручную посуду», предусмотренная исключительно для бедных горожан. Для тех, кто предоставлял удостоверение попечителя о своей бедности, вода из водоводов отпускалась бесплатно, а остальным жителям – по 15 коп. за 100 ведер, профессиональным водоносам – по 10 коп. за 100 ведер.

По-хозяйски Управа совместно с комиссией решала вопрос о месте прокладки труб: «По шоссированным улицам во избежание значительной порчи шоссе трубы прокладывали сбоку улицы и именно по солнечной ее стороне. На остальных улицах, мощеных и немощеных, трубы прокладывались по середине улицы, «для равномерного расхода домовладельцев при устройстве боковых домовых ветвей».

Спустя два года с начала строительства, 17 мая 1899 года, городское управление приняло водопровод от подрядчика в незаконченном виде, скинув по соглашению с договорной цены 20 тыс. рублей. Таким образом, постройка водопровода была закончена уже самим городом под постоянным техни-

ческим надзором и руководством инженера-технолога Н.И. Боровичко. 22 июля было открыто первое частичное водоснабжение некоторых домов и общественных водоразборов. И только в ноябре 1899 года 27 числа состоялось официальное открытие городского водопровода. Вся постройка этого сооружения включала машинное здание со всасывающей трубой, фильтры, уличную сеть протяженностью в 23 версты со 120 пожарными кранами, переход через Волхов, водонапорную башню, водоразборные будки. Общая стоимость постройки водопровода составила 235 тысяч рублей. Средствами для этого, кроме 150 тыс. рублей, послужило безвозвратное пособие в 60 тыс. рублей от военного ведомства, полученное в 1899 году, за что город обязался снабдить все здания военного ведомства водою, и 35 тыс. рублей, полученные от городского страхового общества (из них 10 тыс. рублей даны городу безвозвратно, а 25 тыс. рублей – с возвратом в течение 10 лет, начиная с 1910 года из 4% годовых).

Вплоть до 1 сентября 1905 года заведовал водопроводом Н.И. Боровичко. Затем его сменил инженер-технолог Ю.Л. Ивановский, который всего 2 месяца занимал эту должность. От Ивановского должность принял техник В.П. Андреев, затем заведующим был приглашен инженер-технолог О.А. Лугерт. А с июня 1908 года – инженер-технолог М.А. Рубакин.

Согласно постановлению Думы от 18 ноября 1899 года и с Высочайшего соизволения городской водопровод в Новгороде был назван Владимирским, «в честь в Бозе почившего Великого Князя Владимира Александровича, особенно покровительствовавшего Древнему Новгороду и оказавшему также большое содействие в деле осуществления постройки городского водопровода».

Спустя 10 лет в городе намечалось празднование юбилея водопровода. Но городские власти столкнулись с финансовыми трудностями: дефицит городской сметы на 1909 год составлял 8 000 рублей. По протесту губернатора для сбалансирования прихода и расхода пришлось из последнего исключить даже такие статьи расхода, как пособие народным библиотекам, библиотеке музея, церковно-приходским школам, гимназии, реальному училищу. Поэтому ходатайство о выдаче наградных служащим городского водопровода в честь его 10-летия было отклонено. 27 ноября 1909 года в зале Городской думы был отслужен молебен и дан завтрак в честь праздничной даты, на котором присутствовали губернатор П.Н. Башилов, правление городского банка, гласные Городской думы.

В ведении Городской управы в XIX веке находилось также освещение улиц и площадей Новгорода. Освещался город керосиновыми фонарями, которых на 1880 год насчитывалось 315. Городской голова объявлял о проведении конкурсных торгов по отдаче подряда на освещение улиц и площадей города и содержание фонарей на срок с 15 августа текущего года по 15 апреля года следующего. Для участвующих в торгах необходимо было представить прошение и залог в сумме 100 рублей. В 1879 году такой подряд имел новгородский мещанин Явнер Стуринский «при оплате за каждую освещенную ночь в 18 рублей».

Ежемесячно брандмейстер городской пожарной команды по сигналам пожарных каланчей составлял рапорт о количестве ночей, когда город освещался фонарями. Контроль за своевременным включением фонарей был самым строгим. Так,

по донесению полицмейстера, в августе 1881 года только после 11 часов были зажжены фонари по Чудинцевой улице, за что мог последовать штраф в нарушение договора. Однако после разбирательства выяснилось, что рабочему, зажигающему фонари на этой улице, «был нанесен извозчиком толчок, вследствие которого он упал и несшие в корзине лампы были рассыпаны по дороге, из которых вылился керосин». Рабочему пришлось идти к подрядчику на дом за новыми лампами и керосином. А вот виновнику случившегося удалось скрыться. Об этом случае и сообщал в Управу ее сотрудник Бардашевич.

В обязанности подрядчика входило установление новых фонарных столбов с новыми к ним лампами взамен старых и гнилых. В 1881 году 14 новых фонарей были установлены в городском саду на Лерховском бульваре, у Дивизионного штаба, у перевоза 1-й части города, на Софийской и Сенной площадях, на Московской и Молотковской улицах, у церкви Федора Стратилата и у телеграфной станции.

Каждый случай нарушения договора об освещении города рассматривался Управой отдельно, и она была вправе привлекать подрядчика к уплате штрафа, например, за небрежное фонарное освещение, «когда фонари освещаются тускло и не более как 2-3 часа в ночь, а то и вовсе не освещаются». Штраф при этом составлял 50 копеек за один недействующий фонарь.

В 1889 году среди участников торгов на подряд по освещению улиц были новгородские купцы И.А. Алексеев, Н.И. Матвеев, городские мещане Фуфаев, Кисин, Фотиев. Выиграть конкурс удалось сыну Санкт-Петербургского купца Михелю Виленкину, который согласился на оплату в 14 руб. 50 коп. «за одну освещенную ночь». В договоре определялись конкретные места, где фонари должны быть в обязательном порядке: по два у дома губернатора, у Городских присутственных мест, у полицейских частей. Общее число фонарей составляло уже 443. По договору, освещение должно было производиться керосином первого сорта, «самым чистым, без смолы, производящей копоть, чтобы горение было равномерное». Фонари зажигались в строго определенное время: в августе и марте в 7 часов вечера, в сентябре и феврале – в 6 часов, в октябре и январе – в 5, в ноябре и декабре – в 4 часа, и в апреле – в 8 часов вечера, «или же с наступлением темноты». Сигнал для «включения» фонарей вывешивался на каланчах, в течение следующего получаса должны были зажигаться все городские фонари и гореть до 6 часов утра или до рассвета. В обязанности подрядчика входило содержание в исправности фонарей, ежедневная чистка стекол от копоти, ремонт всех 443 фонарных столбов. За свой счет подрядчик приобретал осветительные материалы и производил ремонт фонарей и столбов, при этом никакой дополнительной платы со стороны Управы за это ему не полагалось.

Городская управа оплачивала счета за доставку фонарных столбов для вновь устраиваемых шоссированных дорог. «Если же за год Управа увеличивала число фонарных столбов, то и оплата за них производилась из кассы Управы».

В соответствии с договором к «неисправностям подрядчика» относились: неудовлетворительное освещение города, неработающий фонарь в установленное время, горение фонаря неполным светом, «неопрятное и дурное содержание фонарей и ламп, засвидетельствованные кем-либо, кому управа поручит наблюдение за освещением – господа гласные Думы,

почетные обыватели города или чины полиции».

19 ноября 1901 года Дума на своем заседании признала «в принципе желательным ввести в городе освещение главных улиц электрическими фонарями». Но уже летом 1902 года это предложение было отменено как невыгодное для города: 50 фонарей электрических могли заменить только 400 керосиновых, общее количество которых в городе на 1901 год составляло 630 штук, и стоимость их была гораздо выше – не 6 000 рублей, а 7 200. К тому же в городе не было ни опытных электромонтеров, ни соответствующих мастерских, тогда как конструкция фонарей была очень сложна. Поэтому Дума просила Управу собрать все сведения по вопросам введения электрического освещения в городе. Заведующему водопроводом Н.И. Боровичко поручалось составить проект и смету.

В конечном итоге Дума остановилась на «большей целесообразности разработки вопроса об устройстве городского электрического освещения хозяйственным способом». Конкретно этим было поручено заниматься Управе совместно с комиссиями водопроводной и финансовой.

Решение вопроса затягивалось. Только 31 января 1903 года на совместном заседании Управы и комиссий проект договора с частными лицами (предпринимателями) был отвергнут, и принято окончательное решение об устройстве городского электрического освещения «хозяйственным способом, собственно самим городом». При этом проект следовало составить таким образом, чтобы, во-первых, удовлетворить общую потребность всего уличного освещения, и, во-вторых, иметь такой запас энергии, который был бы достаточен для удовлетворения потребностей частных абонентов в городе. На этом же заседании рассматривался план Новгорода, где были определены границы освещения города и размещения фонарей, общим числом 124 (по 62 на Торговой и Софийской сторонах).

Устройство электрического освещения усложнялось отсутствием в городе централизованной электростанции. На 1912 год в городе работали 9 осветительных и силовых станций: при казенном винном складе, спиртоочистительном заводе, губернской типографии, мастерских паровозного общества, при двух кинематографах, архиерейском доме, гостинице Соловьева, мужской гимназии. Из них последние три предназначались исключительно для освещения.

Владельцем одной из таких электростанций был мещанин Василий Андреевич Алексеев. Сохранились его прошения в Городскую управу с ходатайством об установке столбов для электрического освещения по Дворцовой улице, на Торговой площади, Предтеченской улице. Алексеев заключил договор с Городской управой на освещение определенной части города, нескольких кварталов, с условием, что это разрешение временное, до открытия единой городской электростанции. Подрядчик обязывался бесплатно освещать Управу и Думу «до 1 часа ночи, причем свет должен быть без мигания и подаваться

в расположенные в разных комнатах до 100 лампочек» (выбор лампочек предоставлялся Управе). Кроме этого подрядчик выполнял ремонт электрической сети и внутренних проводов в здании, Управа же приобретала за свой счет необходимую арматуру. По окончании действия договора вся внутренняя проводка переходила в пользование города. Управа со своей стороны предоставляла Алексееву право передавать электроэнергию частным лицам, но лишь в определенных кварталах города. Плата за электричество устанавливалась путем частного соглашения с абонентами. В обеспечение исправного исполнения этого договора Алексеев вносил в кассу залог в сумме 200 рублей. При нарушении договора Алексеев мог быть наказан штрафом до 10 рублей, а после 5-кратной уплаты штрафа договор и вовсе расторгался.

Городские обыватели и владельцы заведений обращались в Управу с прошениями провести электричество со станции АLEXИНА к частным домам, магазинам, к театру «Олимпия», Летнему саду, зданию женской гимназии, где в 1915 году располагался лазарет.

В 1917 году Алексееву пришлось столкнуться с целым рядом финансовых трудностей: повышение цен на топливо, нехватка рабочих рук, материалов. Поэтому он обратился в Управу с предложением пересмотреть некоторые пункты договора: повысить плату за электроэнергию для казенных учреждений до 2 руб. 50 коп., освещать Управу за плату, предложить Управе заплатить за электроэнергию с момента установки счетчика. В отношении двух последних пунктов городские власти категорически отказали, а на повышении оплаты казенным учреждениям до 1 руб. 50 коп. дали разрешение.

Устройство единой электростанции разрешило бы многие городские проблемы, о чем и сообщала в 1912 году в отчете комиссия по устройству центральной городской электростанции. Оно предопределяло развитие промышленности, улучшение качества освещения улиц; одна только установка электронасосов в системе водопровода могла дать экономию городу в 2 100 рублей. «Так как жизнь города отличается почти полным застоем, то нет основания ожидать, по крайней мере в ближайшем будущем, естественного роста потребления энергии, зависящего от прироста населения и от развития промышленности города», – определяла комиссия. Поэтому расширение сбыта электроэнергии являлось одним из условий процветания электрической установки, что и предусматривалось при проектировании электростанции. Комиссия определила выбор топлива и машин для станции (паровой двигатель с дровяным отоплением), место строительства станции (на территории водокачки).

Однако военные события Первой мировой войны, а затем и революция 1917 года с последующими политическими и экономическими проблемами не позволили осуществить строительство единой городской электростанции в Новгороде.

ЗОЛОТОЙ ВЕК НОВГОРОДСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ

В наше время, когда, по некоторым оценкам, полнокровная научная реставрация прекратила свое существование, видимо, настала пора осмысления и оценки накопленного в этой области опыта. Речь пойдет о периоде становления и расцвета новгородской реставрационной мастерской (1945-1960-е годы). Статья не претендует на оригинальность, обнародование каких-то новых, не известных ранее фактов. Цель автора скромнее – напомнить о ярком феномене в культурной жизни страны. Данной публикацией хотелось бы отметить совсем забытую, но важную дату – столетие первой научной реставрации в Новгороде (а, возможно, и в России): в 1900-м году после многолетней реставрации, проведенной под руководством известного исследователя древнерусского зодчества академика архитектуры В.В. Суслова, был вновь открыт Софийский собор.

Научная реставрация в Новгороде имеет давние традиции, и реставрационные мероприятия проводились здесь практически непрерывно с конца XIX века. Если в работе В.В. Суслова, первом опыте подобного рода, специалисты с позиции современных знаний усматривают ряд недостатков и противоречий, то уже реставрация следующего памятника (церковь Спаса на Нередице, 1903-1904 годы, П.П. Покрышкин) признается почти безукоризненной.

В 1920-1930-е годы реставрационный процесс в Новгороде как бы разделяется на два обособленных течения: ремонты исторических зданий не имели научного руководства, а про-

водившиеся учеными натурные исследования (в основном археологические) не сопровождались практическими работами.

Возрождение и развитие подлинной научной реставрации происходит после войны. Уже через неделю после освобождения Новгорода (январь 1944 г.) сюда прибыла Государственная комиссия, которая обследовала памятники архитектуры и живописи и определила причиненный им ущерб. В сентябре того же года вышло постановление Совнаркома «О мероприятиях по восстановлению города Новгорода», а в марте 1945 года – Приказ об организации специальной производственной реставрационной мастерской (СПРМ, позднее СНПРМ). В Новгород были командированы опытные специалисты из Ленинграда и Москвы – начальник Госинспекции по охране памятников Ленинградской области, назначенный первым директором мастерской С.Н. Давыдов, заведующий отделом древнерусского искусства Русского музея, ставший старшим научным сотрудником СПРМ Ю.Н. Дмитриев, архитекторы Ю.Э. Крушельницкий, В.Н. Захарова, А.Л. Ротач, Л.М. Шуляк; научным руководителем работ 1945-1946 гг. являлся профессор А.П. Удаленков.

Это очень важный момент. Случилось так, что у истоков новгородской мастерской оказались люди интеллигентные, знающие, широко образованные, влюбленные в исторические памятники, к тому же воодушевленные послевоенным энтузиазмом и патриотическим подъемом. Они сумели сохранить преемственность принципов реставрации, то лучшее, что

было в дореволюционной школе, и развить их. Некоторые архитекторы непосредственно работали с представителями старой русской реставрации. Так, Л.М. Шуляк в довоенные годы трудился под руководством профессора К.К. Романова, ученика ведущих реставраторов начала XX века В.В. Суслова и П.П. Покрышкина.

Лучшие реставрационные традиции, определявшие стиль работы мастерской, прекрасно усвоили молодые талантливые архитекторы, которые начали свою деятельность в 1950-х годах, – Т.В. Гладенко, Л.Е. Красноречьев, Г.М. Штендер. Им сразу были доверены сложные объекты, и в течение немно-

Церковь Рождества Богородицы в Перыни до и после реставрации

гих лет новички приобрели огромный опыт.

Каждый из ведущих архитекторов с успехом мог бы возглавить крупную реставрационную мастерскую. Совместная работа в одном коллективе нескольких талантливых специалистов сыграла важную роль в развитии новгородской реставрационной школы: взаимное обогащение опытом, столкновение разных, но аргументированных мнений, наконец, здоровое соперничество заметно повышали качество и эффективность работ.

В первое пятилетие мастерская занималась в основном противоаварийными, ремонтными или консервационными работами, глубоких исследований и законченных реставраций не проводилось, поскольку все без исключения здания находились в плохом состоянии, многие лежали в руинах. К тому же не хватало кадров, не был накоплен необходимый опыт. Но и в рамках неотложных первоочередных работ специалисты изучали памятники в натуре, находили данные для фрагментарной реставрации или составления начальной стадии проекта, сделали немало открытий (Грановитая палата, Звонница Софийского собора, «Архиепископский дворец» в Кремле и др.)

В 1950-х годах появилась возможность решать реставрационные задачи следующего этапа – полноценное всестороннее исследование объектов, составление и обсуждение проектов с приспособлением, строительный цикл, сопровождаемый авторским надзором.

Уже первые серьезные работы отличались очень высоким уровнем. В условиях, когда реставрационная теория в стране не развивалась, методику приходилось вырабатывать в ходе практических мероприятий. Деятельность новгородской мастерской (наряду с опытом некоторых других) признана наиболее удачной и перспективной и легла в основу будущих обобщающих и теоретических трудов, учебных пособий по реставрации. Новгородские мастера сумели предвосхитить многие положения главного документа научной реставрации – «Венецианской хартии», принятой международным Конгрессом специалистов в 1964 году.

Сфера деятельности мастерской неуклонно расширяется. С конца 50-х годов приступили к восстановлению не только отдельных зданий, но и значительных ансамблей. Реставрируются объекты в других городах области (Старая Русса, Валдай). В 1964 году по инициативе знатока народной архитектуры Л.Е. Красноречьева основан музей деревянного зодчества «Витославицы» и началась активная работа по выявлению, изучению, перевозке и реставрации храмов, часовен, изб, амбаров, мельниц.

Попробуем проиллюстрировать деятельность мастерской в кратком обзоре за наиболее яркий период – 50-60-е годы, сгруппировав памятники по характеру и методике работ.

1. Аналитическая реставрация сравнительно полно сохранившихся зданий с максимальными раскрытиями и минималь-

Церковь Спаса Преображения на Ильине

ными дополнениями. Это в основном памятники, дошедшие до нас без капитальных перестроек и существенных утрат; наибольшие изменения первоначального облика имели место в XIX веке, когда были перебиты проемы, срублен или заштукатурен декор, надложены углы четверика для устройства четырехскатной кровли, причем поздние дополнения в годы войны в значительной степени разрушены. Поэтому имелась возможность постройки данной группы реставрировать на первоначальную дату на строго научной основе. В 1950-х годах подобные работы проведены на храмах Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. (Л.М. Шуляк, Г.М. Штендер), Троицы Духова монастыря середины XVI века (Т.В. Гладенко), Прокопия 1529 года (Т.В. Гладенко), и другие. На церкви Петра и Павла восстановлены трехлопастное завершение фасадов, кирпичный декор на стенах, окна XV века, на церкви Троицы – очень интересная форма многощипцового (палаточного) покрытия и ряд кокошников в основании барабанов; на этих двух памятниках выявлена даже древняя фактура стен и кровель (камень, кирпич, лемех), сохранена патина времени. На храме Прокопия раскрыты восьмискатное завершение четверика, пониженный западный притвор, проемы.

К данной методике близка реставрация церкви Рождества Богородицы в Перыни первой трети XIII века (Л.Е. Красноречьев, 1962-1965 гг.), где по натурным следам восстановлена самая ранняя в Новгороде форма трехлопастного покрытия.

2. Аналитическая реставрация с сохранением поздних переделок. Это самая многочисленная группа памятников: храмы Спаса на Ильине улице 1374 года (Л.М. Шуляк, 1961 г.), Двенадцати апостолов 1454-1455 гг. (Л.Е. Красноречьев, 1958 г.), Иоанна Милостивого на Мячине XV-XVII вв., Дмитрия Солунского 1462 года (Л.М. Шуляк, П.Н. Максимов) и прочие. Почти на каждом здании найдены следы первоначального трехлопастного завершения, но реставрированы восьмискатные покрытия, появившиеся в XVI веке (последние представляют интерес и ценность и в историческом, и в художественном аспектах, к тому же они более функциональны). По натурным данным восстановлены древние проемы, декор. Церковь Иоанна Милостивого 1422 года капитально перестроена в XVII веке,

Церковь Жён Мироносиц

поэтому реставрирована на позднюю дату с выявлением сохранившихся элементов первого строительного периода (Л.Е. Красноречьев, 1961-1962 гг.). В церкви Николы Белого 1312 года обнаружены и реставрированы первоначальные, самые ранние на Руси, форма восьмискатного покрытия, многолопастные декоративные арки в завершении фасадов, стрельчатое очертание порталов и ниш – аркасолиев, но при этом сохранены барабан XVI века, пристройки XV, XVII, и XIX веков (Г.М. Штендер, 1963-1964 гг.).

3. Аналитический метод с реставрацией основного объема и поздних пристроек в формах, существовавших разновременно. Это также многочисленная группа памятников, из которых наиболее интересны храмы Федора Стратилата на Ручью 1360-1361 годов, Иоанна Богослова на Витке 1383-1384 годов, Жён Мироносиц 1508 года. В церкви Федора впервые в Новгороде раскрыто и восстановлено трехлопастное покрытие, реставрированы древние проемы и декор, сохранены западный притвор и колокольня XVII века (Л.М. Шуляк, 1951-1954 гг.). Аналогичен подход к реставрации церкви Иоанна Богослова, однако здесь оставлено восьмискатное завершение фасадов XVI века, хотя следы древней трехлопастной формы были найдены (Л.М. Шуляк, 1950-е гг.). Церковь Жён Мироносиц, несмотря на неоднократные перестройки, реставрирована по натурным данным на первоначальную дату с галереей XVI-XVII века. Здесь раскрыта самая ранняя в Новгороде форма многощипцового покрытия (Т.В. Гладенко, 1960-е гг.).

4. Аналитическая реставрация с «экспозицией» разновременных дополнений. Данный метод применяется обычно для памятников со сложной строительной историей, многочисленными наслоениями. Наиболее яркий образец подобной реставрации – церковь Параскевы Пятницы 1207 года (Г.М. Штендер, 1954-1962 гг.), храм уникальный, этапный не только для новгородского, но и всего древнерусского зод-

чества. Памятник настолько искажен перестройками (15 строительных периодов), что не мог быть восстановлен на одну или две основных даты. Поэтому автором проекта принято решение выявить на фасадах и в интерьере основные сохранившиеся формы разных этапов, выделив их разным цветом, фактурой, материалом. Северо-западная часть храма реставрирована на первоначальную дату, юго-западная – на 1345 год, некоторые арки и

своды – на XVI век, юго-восточная часть – на XVII век, верхние части – на XVI-XVIII века. В результате реставрации максимально раскрыто, подчеркнуто значение памятника как исторического документа, а задача воссоздания его художественных достоинств не ставилась. С этой работой соприкасается по методике реставрация церкви Рождества на Молотковке XIV – XVII веков (Л.Е. Красноречьев, 1955-1956 гг.). Храм восстановлен в формах XVII века, а первоначальные элементы (портал, окна, декор) показаны в виде открытых зондажей. Близкая методика применена также на храмах Петра и Павла на Сильнице (Г.М. Штендер), Воскресения на Мячине, Благовещения на Мячине (оба – Л.Е. Красноречьев) и некоторых других.

5. Восстановление сильно разрушенных памятников. Здесь применялись различные реставрационные решения – консервация руин (ц. Благовещения на Городище, ц. Успения в Волокове, обе – Л.Е. Красноречьев), восстановление на первоначальную дату (церкви Петра и Павла на Славне, Г.М. Штендер; Власия, Д.М. Федоров; Спаса на Ковалеве, Л.Е. Красноречьев; Николы на Липне, Л.М. Шуляк, П.Н. Максимов), реставрация на довоенный период (ц. Спаса на Нередице, Г.М. Штендер). Общее для всех этих работ (кроме консервации) – значительные

Церковь Параскевы Пятницы

дополнения к подлинным частям, что вызывало и продолжает вызывать споры. Из перечисленных реставраций наиболее обоснованной следует считать, видимо, работы на храме Николы на Липне 1292 года, поскольку в данном случае фрагментарно сохранились даже венчающие части. Максимально полное восстановление этого памятника было оправдано также его исключительным значением в истории новгородского зодчества и важным местом в ландшафте окрестностей города.

Представленный обзор затронул лишь малую часть возвращенных к жизни зданий. Всего с момента основания мастерской до 1970 года исследовано, законсервировано или реставрировано примерно сто памятников архитектуры. Размах и интенсивность работ были поразительны: порой у ведущих реставраторов в производстве находилось одновременно до десяти и более объектов. Но, пожалуй, в еще большей степени удивляет и вызывает уважение качество работ, глубокое изучение памятников, высочайший уровень разработки проектов и их реализации. Многие из перечисленных примеров считаются классическими, прочно вошли в обобщающие труды и учебники по реставрации, другие еще ждут своего признания. Даже сегодня многие осуществленные проекты тех лет представляются безупречными, непревзойденными. Новгородская мастерская находилась на подъеме, пользовалась авторитетом в СССР и за рубежом. В Новгород для обмена опытом приезжали делегации из многих стран мира, в свою очередь местные реставраторы привлекались для исследований памятников в других регионах. Так, Г.М. Штендер изучал древнюю архитектуру Киева, Полоцка, Пскова, Смоленска. Л.Е. Красноречьев выступал как эксперт и консультант по проблемам деревянно-го зодчества.

Реставрация памятников предполагает совместные усилия людей разных профессий, среди которых очень велико значение мастеров строительного цикла – каменщиков, плотников, штукатуров, прорабов. В мастерской удалось возродить «средневековый», «артельный» подход к строительному процессу, когда зодчий руководил группой умельцев каменного и плотницкого дела. Результаты исследований зачастую уточняются и дополняются во время строительства, и от квалификации рабочих, от понимания ими принципов реставрации зависит иногда возможность новых открытий. Каменщик может сохранить или разрушить ветхий фрагмент кладки, может заметить и указать архитектору на необычную деталь. Высочайшего мастерства требует от плотников разборка, перевозка и восстановление деревянных построек. В Новгороде талант исследователей дополнялся профессионализмом строителей, и этот сплав лежит в основе успехов местной реставрационной школы.

Послевоенная реставрация дала мощный импульс разви-

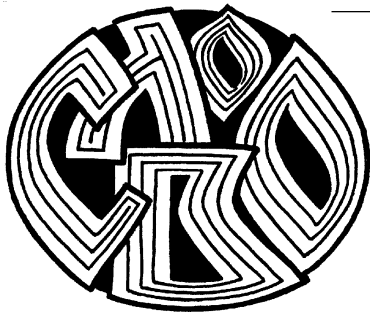
Церковь Николы на Липне

тию науки. Исследование каждого памятника обогащало наши представления об архитектуре, строительной технике и конструкциях, сопровождалось пересмотром устоявшихся стереотипов, уточнением датировок. Накоплен огромный фактический материал, который еще в должной мере не изучен, не оценен и не опубликован. Научным итогом первых шагов новгородской мастерской можно считать ряд брошюр, подготовленных ведущими архитекторами Л.М. Шуляк, Л.Е. Красноречьевым, Г.М. Штендером и Т.В. Гладенко к 1100-летию города и посвященных знаменитым храмам. В 1964 году вышла большая совместная статья «Архитектура Новгорода в свете последних исследований». Всего же за 1940-1960-е годы сотрудниками СНРПМ опубликовано 30 брошюр и специальных статей, прочитано более десятка докладов на научных конференциях. Публикации тех лет до сих пор не утратили своего значения и считаются первоисточниками.

В небольшом очерке невозможно отразить деятельность новгородской мастерской даже за один небольшой период. В целом он характеризуется накоплением опыта, выработкой методики, колоссальной практической работой, первыми попытками научного осмысления материала.

Позднее, в 70-80-х годах, у новгородских реставраторов будет еще немало удач и достижений: окончательно отшлифована методика реставрационных мероприятий; проведены квалифицированные работы на многих отдельных объектах и комплексах; освоены новые аспекты реставрационного дела (организованы бригады по реставрации монументальной живописи, отдел научно-реставрационных исследований, введены в штат профессиональные искусствоведы); сделаны гигантские шаги в научной обработке материала, вписаны целые новые главы в историю русского зодчества, проанализирована и пересмотрена вся концепция развития древнего строительного искусства (всего за 50 лет сотрудниками мастерской опубликовано около 140 книг, брошюр и статей, прочитано около 120 докладов на научных конференциях, в том числе международных). Однако того напряженного многогранного труда, одухотворенного поиска, достойного титанов Возрождения, той гармонии исследовательского, научного, проектного и строительного циклов реставрации наблюдалось все меньше. «Золотой век» новгородской реставрации постепенно сменился «Серебряным», а затем и «Железным».

Говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Поэтому она часто представляется нам безальтернативной. Между тем развитие — это выбор альтернативы. Особенно это касается переломных эпох. К их числу относится вторая половина XV века, ознаменованная противостоянием Новгорода и Москвы, которое закончилось падением вечевого республиканского и включением ее в состав Московского государства.

Это событие, произошедшее более 500 лет назад, всегда привлекало пристальное внимание летописцев, ученых, писателей и публицистов, и до сих пор не получило однозначной оценки, как со стороны современников, так и со стороны потомков.

Разный подход к оценке этого события был обусловлен прежде всего различным отношением к общественному строю Великого Новгорода, а также умонастроениями эпохи. Споры о прогрессивности или регрессивности падения Новгородской республики не утихают и в наше время. Одни историки считают, что «интересы новгородской боярской олигархии были несовместимы с интересами России, а боярский Новгород даже в лучшие свои времена не был цитаделью свободы. Потому он не мог стать колыбелью русской вольности. Выполнив свою историческую миссию, он с необходимостью должен был уступить место другой форме политического бытия». Другие полагают, что «нет оснований рассматривать падение Новгорода и торжество московской централизации как торжество исторического прогресса. По своему уровню новгородская политическая культура не уступала московской и даже превосходила ее». Предлагаемая вниманию читателей статья А.В. Исаченко, опубликованная в 1973 году в «Венском славянском ежегоднике», носит дискуссионный характер. Публикуя ее, редколлегия хотела бы представить нетрадиционный взгляд на историю демократических институтов в России.

Геннадий Коваленко

Александр ИСАЧЕНКО

ЕСЛИ БЫ НОВГОРОД ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ НАД МОСКВОЙ

Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка

Н иже следующие соображения следует понимать как некий мысленный эксперимент. Автор не считает ход истории абсолютной необходимостью: во всех исторических процессах были и есть переломные пункты — распутия. Выбор того или другого пути часто зависит от слепого случая. Таким распутием в истории русского народа (и языка) был конец XV века, когда решался вопрос о руководящей политической силе в деле объединения русских земель. Несмотря на бесспорные политические успехи Москвы, Новгород оставался серьезным соперником централизаторской политики Ивана III. Мы знаем, какое направление взяла русская история в результате победы Москвы: из русского великого князя, фактически еще вассала Золотой Орды, Иван превращается в самодержавного царя, наследника византийского величия, а Московское государство вместе с двуглавым орлом наследует от Византии роль поборника и блюстителя «чистоты веры». Но борьба за чистоту православной веры включает не только идеологическую полемику с западным христианством, но и ожесточенную борьбу с прогрессом во всех его духовных, практических и бытовых проявлениях. Нельзя не заметить, что вся кровавая история русского самодержавия и деспотизма берет свое начало именно в Москве конца XV — начала XVI веков. Записки барона фон Герберштейна о московских делах времен Василия III разительно напоминают некоторые политические и бытовые черты русской действительности более близких нам эпох.

Предоставив убежище греческим и славянским эмигрантам с Юга, Москва решительно повернула вспять колесо не только истории самой страны, но и истории письменного языка.

Не разбираясь в сложной культурно-политической и языковой действительности, балканские книжники становятся проводниками совершенно абсурдных и глубоко реакционных мероприятий. В орфографию вводятся элементы, абсолютно чуждые русскому языку XV века: восстанавливается буква «ЈК» (никогда не имевшая фонологического оправдания на восточно-славянской почве), вводятся написания типа всеа (вместо всея), пълкъ вместо полкъ, великий вместо великий или великои; в письменную речь насильственно вводится чуждая ей морфология, архаизируется синтаксис и лексика, стилизация письменного изложения становится самоцелью и доводит текст до полной невразумительности (напр., в произведениях дьяка Тимофеева). Все эти искусственные мероприятия углубляют только пропасть между письменным языком возвышенных текстов и языком населения: двуязычие, ликвидированное на Западе на исходе средневековья, становится на Руси самым серьезным препятствием духовного и культурного роста страны. То, что в учебниках принято благоговейно называть «киприановской реформой» (или «вторым южнославянским влиянием»), на самом деле оказывается проявлением мракобесия, отрезавшего надолго русскую речь от своих истоков, а этим самым Москвитию от своих европейских современников. Ссылки на намеченное (и якобы желательное) сближе-

ние русского языка с сербским или болгарским трудно принять всерьез: сближение с южнославянскими народами, попавшими под турецкое владычество, не увязывалось с мегаломанией московских царей. И вот: накануне введения книгопечатания на Руси весь авторитет церкви прочно и надолго связывается с искусственным, замысловатым, в основном мертвым языком средневековья. С этим связан не только общий упадок московской литературы, отмеченный, например, таким исследователем, как Буслаев¹. С этим связано и все запаздывание русской культуры.

Не «татарский реигом», не косностью и консерватизмом, а духом активного реакционерства объясняется отставание Московского государства на всех поприщах науки, техники, государственной и военной организации, финансового дела и правовых норм, наконец, искусства и даже богословия. Политическое освобождение от татарского владычества не влечет за собой периода буйного культурного роста, не освобождает творческих сил обретшего политическую свободу общества. Трудно назвать Иоанна Грозного «просвещенным монархом», а Смутное Время и царствование первых двух Романовых не отличаются прогрессивными реформами или «прыжком вперед». Снова (в который уже раз!) «книги» подвергаются «правке» (т. е. искусственной архаизации) и снова торжествует никоновский принцип архаизации и византизма над весьма неумело формулируемыми зародками новых («протестантских») идей. Вплоть до второй половины XVIII века русскому языку не суждено приобрести права гражданства в национальной культуре, завоевать себе то место, которое в своих культурных сферах давно уже заняли английский, французский, итальянский, немецкий языки. Умышленно заостряя формулировку, мы считаем, что одной из главных причин отставания русской культуры в допетровский период было отсутствие авторитетного «естественного» языка.

Мрачность намеченной картины развития не является результатом одностороннего сгущения красок. Надо, наконец, иметь мужество называть вещи своими словами, а не искать «исторических оправданий» свершившемуся. Средневековая напыщенность славянщины непомерно продлила и само русское средневековье, пресеченное лишь вмешательством Петра. Но попытаемся представить себе на минуту, что в решающий период, в 70-е годы XV века, не Москва, а Новгород оказался завершителем «объединения русских земель».

С самого начала политическая организация Новгорода и новгородских земель существенно отличалась от остальных удельных территорий своей своеобразно демократической, почти республиканской формой правления. Ограниченность власти князя и наместника, руководящая роль парламента («вече»), живой торговый и культурный обмен с мореплавательскими странами Прибалтики, почти полное отсутствие политической угрозы со стороны кочевнической степи, необходимость технически равняться на технику вооружений и военную тактику войск Тевтонского Ордена — все это оставило глубокий след на государственном устройстве, политическом мышлении и экономическом складе города-государства и решающим образом затронуло быт его жителей.

В страшные годы «татарского нашествия» Новгород так и не попал под монгольскую оккупацию. Добровольное подчинение Александра Невского Золотой Орде спасло город от монгольских набегов. Унизительный коллаборационизм с ок-

купантами, столь характерный для московских (и иных) князей Земли русской (Даниил, Иван Калита), а также для верхушки православной церкви, в Новгороде никогда не доходил до омерзительного низкопоклонства². «Законы» Золотой Орды, монгольская денежная система, татарские меры, вообще восточные нравы, привившиеся в Москве и определившие во многом облик средневекового москвитянина, так и не дошли до Новгорода.

Новгород и новгородские земли — это как раз тот «русский Север», которым теперь так увлекаются знатоки русского искусства по обе стороны рубежа. Начиная с монументально-строгой архитектуры древнейших новгородских храмов, столь отличных от произведений киевской архитектуры, и кончая исключительно редкой в условиях православия деревянной скульптурой, недавно найденной на чердаках церквушек Севера, Новгород и новгородские земли создали оригинальные ценности, не имеющие параллели ни в Киеве, ни в центральной полосе.

Язык новгородских летописей содержит целый ряд лексических элементов, связывающих текст не с Киевом, а с западнославянской традицией³. В Новгороде, а не в Киеве, был создан и много раз переписан первый свод законов восточных славян — Русская Правда. В Новгороде, а не в Киеве, вырабатывался деловой язык восточнославянского средневековья. Трудно отнести полное отсутствие юридической письменности домонгольского периода на юге Киевского государства только за счет досадного стечения исторических обстоятельств («пожары» и «грабежи»). А между тем, располагая довольно обширным корпусом новгородской, псковской и, несколько позже, смоленской деловой письменности, мы не имеем ни малейшего представления о деловом языке самого Киева.

В Новгороде, а не в Киеве (и не в Москве) были найдены личные записи и письма на бересте, давшие, правда, очень мало в смысле пополнения наших знаний о языке эпохи, но являющиеся бесспорно культурно-историческим явлением первой величины. На «русском Севере», а не в Московских землях, бытуют до сих пор отголоски древнейшего народного эпоса восточных славян («старины»). На «русском Севере», а не в Москве сохранились образцы самобытной деревянной архитектуры (напр., в Кижах). Зато вкус итальянских зодчих, создававших завитушечно-азиатский «style russe» Василия Блаженного, не испортил монументальной монолитности новгородского и псковского кремля.

Много раз отмечалось языковедами и исследователями литературы, что повествовательный стиль новгородских летописей значительно более трезв, чем стиль других летописей, что язык менее извилист и более близок к разговорному. Возможно, что эта черта новгородской письменности прямо связана с демократическим строем города-государства, с относительно высоким процентом грамотных людей, привыкших писать на русском языке, с общей «светскостью» новгородского быта. Именно в Новгороде церковнославянская языковая стихия вытесняется диалектно окрашенным «естественным» языком населения.

После падения Константинополя (1453 г.) и вторжения турок на Балканский полуостров, Москва оказалась фактически отрезанной от Византии, т. е. от того источника, из которого она черпала все свои духовные и культурные ценности. Но вместо того, чтобы повернуться лицом к европейской действи-

тельности, Московское государство строит и перестраивает свою идеологию на потерпевшей полный крах идеологии рухнувшей Империи. Вместо того, чтобы включиться в общеевропейское духовное движение Возрождения, Гуманизма и Реформации, Московития, уже отрезанная от Византии, всеми силами отмежевывается от латинского Запада.

Очень многое говорит в пользу того, что Новгород был в значительной степени вовлечен в процесс духовного брожения, охватившего среднюю, западную и северную Европу на исходе XV века. Трудно считать случайным одновременное появление в разных концах Европы религиозных движений, направленных против официальной церкви и имеющих явно социально-экономические корни. Здесь не место анализировать богословские и социально-политические основы антицерковных движений, появившихся в Новгороде и в Пскове и получивших названия «стригольников» и «жидовствующих». Отрицание существования святых, отказ от почитания икон, ожесточенная полемика с церковной иерархией, мотив «нестяжательства» сближает эти «ереси» с разными рационалистическими толками западноевропейского протестантизма. Борьба с ортодоксальными догматами, идея секуляризации мысли типичны как для Западной Европы эпохи Реформации, так и для Новгорода и Пскова конца XV века⁴.

Языковед в первую очередь интересуется судьба языка. Во всех странах католической Европы, в которых Реформация одержала победу, наиболее ярким и наиболее важным последствием антиримского движения была борьба с латынью и введение национального языка в область религии. Без лютерского перевода Библии в Германии не было бы Реформации. Только в связи с Реформацией складываются уже в XVI веке немецкий, литовский, словенский, венгерский и многие другие литературные языки. Проводниками новых, явно антифеодальных, идей является низшее духовенство и городское население.

На фоне этих общеизвестных фактов не слишком смелым будет предположить, что и в Новгороде, и в Пскове, — в центрах средневековых «ревизионистов», — существовали весьма осязаемые предпосылки для замены чуждого и маловразумительного церковнославянского языка языком «естественным», т. е. русским. Если бы ересь «жидовствующих» не была ликвидирована вскоре после ее появления, если бы Новгороду был дан шанс развиваться и пропагандировать новое религиозное учение, то перевод Священного Писания на русский язык был бы неминуем. Такая «опасность», по-видимому, фактически существовала. Как бы в противовес возможным мероприятиям «снизу», новгородский архиепископ Геннадий организует новый перевод библейских текстов (1489—1499), причем — что особенно характерно — в круг переводимых оригиналов вовлекаются не только греческие, но и латинские, еврейские и даже немецкие тексты⁵.

Даже не обладая буйной фантазией нетрудно себе представить, какое направление взяло бы развитие русского языка, если бы в начале XVI века вместо «киприановской реформы» появился полный русский текст Библии. Одна часть духовенства реагировала бы с той же враждебностью, с какой реагировала часть католического духовенства на появление, скажем, лютерского перевода. «Раскол» русской православной церкви произошел бы лет за сто пятьдесят — за сто до никоновского раскола, только победителями вышла бы не ультрареакционная партия патриарха, а демократическая часть духовенства и

просвещенного городского населения.

Всякий национальный язык, удостоившийся применения в богослужении, этим самым приобретает в обществе наивысший авторитет. Весьма вероятно, что литургическая разновидность предполагаемого здесь русского языка впитала в себя значительные элементы традиционно-церковной славяничны. Таким образом, амальгамация между «книжным» и «естественным» языками в основном началась бы не в XVIII, а уже в XVI веке. И этот новый письменный язык, в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношении русский и только теперь ставший поистине литературным⁶, начал бы свое триумфальное шествие по всей стране. Не исключено, что этот язык, исходящий из новгородского центра, имел бы вместо московских некоторые новгородские диалектные черты. Знание и постоянное чтение Библии является основой протестантизма: наличие русского перевода значительно расширило бы базу грамотности населения, письмо на родном языке стало бы во много раз доступнее письма на малопонятном церковном. Секуляризация языка неизбежно повлекла бы за собой секуляризацию всей культуры, устранение искусственных преград, отделяющих почти непроницаемой стеной застоявшееся русское средневековье от европейской новой истории.

Политическая победа Новгорода над Москвою могла бы повлечь за собой и ряд других, не менее важных последствий. В Новгороде не привилась дикая азиатчина московского двора с ее подозрительностью ко всему иностранному, с ее жестокостью и бесправием. Можно полагать, что Новгород развивался бы примерно так, как развивались Рига или Стокгольм. Европейский образ жизни стал бы проникать на Русь не в конце XVII, а в середине XVI века. Европейское искусство (живопись, музыка, театр, лирика), гуманитарные и естественные науки, одежда и домашняя утварь, медицина и математика, философия и классическое образование — все это могло получить в Новгородском государстве полное право гражданства. Еще в XVI веке можно было наверстать все то, что было пропущено за два столетия татарского владычества. Но московский Кремль считался с этой возможностью и предпринял нужные меры для пресечения такого развития: в 1494 году Иван III закрывает последнее торговое поселение Ганзейского Союза в Новгороде, и граница на Запад становится почти герметически закрытой.

Москва с ее ультрареакционным изоляционизмом была неспособна превратить полуазиатское государство в европейскую державу. Для этого потребовался полный пересмотр государственной идеологии, перенос центра новой империи на такое место, откуда поудобнее было бы «прорубить окно в Европу». Но если допустить, что руководящей силой на Руси еще в XV веке мог стать Новгород вместо Москвы, то и пресловутое «окно» оказалось бы излишним: ведь дверь в Европу через Новгород была бы открыта настежь.

Если бы в результате перевода Священного Писания на русский язык в XVI веке церковнославянский был бы оттеснен на второй план или попросту вытеснен, то процесс становления русского языка начался бы не в XVIII, а в XVI веке, и, начиная с XVII века, могла бы появиться новая («классическая») русская литература, как и в других странах Европы. И вместо потрясающего «Жития», писанного верстовым протопопом на малограмотном, неотесанном языке, русская литература могла иметь своих Мольтеров и Расинов — современников Аввакума.

Не будем продолжать: ничто из выше намеченного не свершилось, и история России и русского языка получила именно тот ход, который нам известен в общих чертах. Но не следует поддаваться «гипнозу голых фактов», особенно если эти факты манипулируются и преподносятся подчас в специфической упаковке. Наш экскурс в область научно-возможного, но не состоявшегося имел целью снять панегирические акценты с традиционной истории русского языка, в которой эпитет «московский» приобрел почти мистический ореол. Признавая некоторые бесспорные заслуги московских самодержцев и самозванцев, некоторые дорогие русскому сердцу ассоциации, связанные с представлением о «кондовой» России и о московских «просвирнях», без которых якобы не было бы современного русского языка, следует сказать во всеуслышание, что «московский вариант» русской истории не оказался наиболее про-

грессивным, наиболее удачным и даже не был «необходимым», и что только в результате радикальной переоценки ценностей можно и должно освободиться от стереотипа, отождествляющего «Русь» с допетровской Москвой. И именно там, где так щедро раздаются отметки по шкале прогрессивности и реакционности, следовало бы отказаться от вредного «объективизма» в оценке непрерывающихся мероприятий московских политических и церковных властей, направленных на пресечение даже самых скромных попыток вывести русский язык из чада кабаков и затхлости приказных изб на широкую дорогу достойной великого народа национальной культуры.

Наш мысленный эксперимент имел целью поставить под сомнение опасный автоматизм традиционных оценок истории русского языка и показать на фоне того, что «могло бы быть», сущность того, что было на самом деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Ф.И. Буслаев. Лекции из курса истории русской литературы, читанного студентам Московского университета в 1860—1861 академическом году, «Летописи русской литературы и древности», 1859—1860. Т. III. С. 68.

² Есть в русском летописании эпизоды, которые лишь редко становятся известными не только студентам, но и маститым специалистам русской истории и русского языка. Вот что Троицкая летопись сообщает под 1240 годом: «Того же лета взяша Киевъ Татарове и святую Софью разграбиша и монастыри все, и иконы, и кресты честныя, я вся оузорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечемъ». А вот что сообщается не полных три года спустя: «В лето 6751 (1243) великий князь Ярославъ поеха в Татары к Батыеву а сына своего Костянтина посла къ Канови. Батый же сочти Ярослава великого (?) честию и мужи его и отпусти и рекъ ему: «Ярославе, буди ты старей всемъ княземъ в рускомъ языке». Ярославъ же возвратис в свою землю с великою честию». В последующие годы такие визиты русских князей повторяются ежегодно.

³ Мы решительно ничего не знаем о христианизации Новгорода и о каналах, по которым христианство попало на восточнославянский Север. Есть основания думать, что киевский летописец, а позже и летописец новгородский имел причины политического характера не касаться этого деликатного вопроса. Г. Ю. Шевелев указывает, что из 15 восточнославянских рукописей, содержащих следы глаголицы, 13 являются новгородскими по происхождению, что глаголические надписи имеются в соборе св. Софии в Новгороде. В I Новгородской летописи встречаются многочисленные лексические элементы, имеющие параллели в чешском и словацком языках, но неизвестные киевским авторам. Наконец, культ чешского мученика св. Вячеслава был распространен на Севере, но почти неизвестен в Киеве. Все это наводит на мысль, что Новгород получил христианство не из Византии, а

с Запада из Моравии и Богемии. Глаголица была единственным славянским алфавитом применяемым в Моравии во время миссионерской деятельности Константина, Мефодия и их учеников. Гипотеза о независимом от Киева «крещении» Новгорода была впервые высказана Никольским и получила поддержку Г. Ю. Шевелева, ср. G. Y. Shevelev, *Die kirchenslavischen Elemente in der russischen Literatursprache und die Rolle A. Ѡbachmatovs bei ihrer Erforschung*, in: A. Ѡbachmatov - G. Y. Shevelev, *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden 1960.

⁴ По словам Г. Бирнбаума, вопрос о возможной связи между «жидовствующими» и гуситами, особенно таборитами, заслуживает более подробного исследования, ср. H. Birnbaum, *Jews and Slavs: Contact and Conflicts in Russia and Eastern Europe*, International UCLA Conference. March 19—23, 1972. Бирнбаум ссылается особенно на книгу Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье, *Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века*. М.-Л., изд. АН СССР. 1955. С. 344.

⁵ Ср. Н. К. Гудзий. История древней русской литературы: Учпедгиз. М., 1950. С. 238. Языком перевода был, конечно, церковнославянский. Таким образом, был упущен исторический шанс, который больше не повторялся. Первый перевод Библии на русский язык, появившийся в XVIII веке, остался почти не замеченным эпизодом.

⁶ Следует подчеркнуть, что применение термина «русский литературный язык» к письменным языкам средневековья мы считаем антиисторичным и поэтому абсолютно недопустимым. Русский литературный язык складывается лишь в течение XVIII — начала XIX века. Ср. А. В. Исаченко «Какова специфика литературного двуязычия славянских языков?» ВЯ 1958. Вып. 3. С. 42—45; он же: К вопросу о периодизации истории русского языка, Сборник в честь Б.А. Ларина, Л., 1963. С. 149—158.

Инна ГРИГОРЬЕВА,
Николай САЛОНИКОВ

ПЕРВЫЕ УЧЕБНИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ БЫЛИ РУКОПИСНЫМИ...

Habent sua fata libelli
(Книги имеют свою судьбу)

Еще совсем недавно мнение о том, что в России начала XVIII века существовало только два высших учебных заведения – Киево-Могилянская и Московская Славяно-греко-латинская Академии – было общепринятым. Однако архивные данные, ставшие в последнее время достоянием исследователей, а также оценки, содержащиеся в русской дореволюционной историографии, позволяют заключить: в России XVIII века существовала еще одна высшая школа типа академии – в Новгороде¹. Ею являлась основанная в 1706 году Новгородская школа Лихудов, преобразованная в 1740 году в Новгородскую духовную семинарию. Кроме великих культурных традиций древнего Новгорода, это во многом было связано с особым положением новгородского архиепископа, кафедра которого была в России самой престижной, а епархия самой богатой.

Процветание академии в Новгороде на протяжении почти всего XVIII века было в немалой степени обусловлено ее уникальной по богатству библиотекой, которая состояла из книжного собрания Новгородского архиерейского дома, включавшего книги, использовавшиеся в школе Лихудов, а также библиотек новгородских владык: Феофана Прокоповича, Амвросия Юшкевича, Стефана Калиновского, Димитрия Сеченова. Согласно реестру 1779 года она насчитывала около 6500 томов, являясь одной из самых значительных российских библиотек XVIII века. Кроме богатого фонда западноевропейской старопечатной книги, библиотека обладала выдающимся собранием рукописей, разделившим ее судьбу и оказавшимся в составе Государственной Публичной библиотеки (ныне – Рос-

сийской национальной библиотеки) в Ленинграде. Однако, в отличие от печатных изданий библиотеки Новгородской духовной семинарии, сильно пострадавших от пожара в одном из книгохранилищ Государственной Публичной библиотеки, ее рукописи целиком сохранились. Ныне они находятся в Отделе Рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) (Ф. 522), насчитывая 219 наименований². Большую часть фонда составляют славяно-русские рукописи различной тематики. Особое место в собрании занимают рукописи на латыни и греческом. Это в основном учебная литература конца XVII-XVIII веков, связанная с учебным планом Новгородской академии и использовавшаяся в учебном процессе: многочисленные учебные пособия по богословию, философии, риторике, грамматике, а также различные лексиконы.

Учебный процесс и использовавшиеся в Новгородской академии рукописные учебники соответствовали традициям высшей школы в Западной Европе, формировавшимся в античности и в эпоху Средневековья. Так основой учебного плана Новгородской академии была возникшая в древности система «семи свободных искусств» (*septem artes liberales*), в формировании которой большую роль сыграли элементы античного рационализма, греческая логико-философская образованность, ставшая важнейшим достижением античной цивилизации. Стандартный круг изучаемых предметов, сложившийся в эпоху эллинизма (III-II века до н. э.), включал словесные дисциплины, или «искусства»: грамматику, риторику, диалектику, и «искусства» математические: арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Греческая система учебных дисциплин стала достоянием Римской империи, *свободное* население которой получало общеобразовательную подготовку. Основой преподавания в римской школе было искусство речи – устной и письменной. С середины II века до н. э. в Риме возникает филология (или, как говорили римляне, грамматика) в качестве самостоятельной научной дисциплины. В эпоху поздней античности широкое распространение и популярность получили компилятивные труды по грамматике Доната (IV век) и Присциана (VI век), благодаря которым античная грамматическая теория проникла в средневековую Европу. Они же служили там основными учебными пособиями по грамматике. При составлении учебных пособий по риторике наибольшим авторитетом пользовались сочинения Цицерона («*De oratore*» – «Об ораторе») и Квинтилиана («*De Institutione Oratoria*» – «О воспитании оратора»), игравшие аналогичную роль и в эпоху Средневековья.

После гибели античного мира сохранение античной куль-

Костромская редакция греческой грамматики Софрония Лихуды, 1705 г., разворот (ОР РНБ. Ф.522, №72)

Титульный лист Новгородской редакции греческой грамматики Иоанникия и Софрония Лихудов с параллельным текстом на церковнославянском и греческом языках (ОР РНБ. Ф.522, №73)

турной традиции осуществлялось усилиями выдающихся ученых IV-VII веков: Марциана Капеллы, Боэция, Кассиодора, Исидора Севильского – создателей первых учебных пособий по дисциплинам семи свободных искусств. Так Северин Боэций (ок. 480-524), окончательно закрепивший разделение семи свободных искусств на две ступени – тривиум: грамматику, риторику, диалектику, и квадриум: арифметику, геометрию, астрономию и музыку, – создал по предметам квадриума серию учебных пособий и написал учебник логики, которая считалась введением в философию. Практику написания учебных пособий в средневековой Европе окончательно закрепил англосакс Алкуин (ок. 735-804), ближайший советник императора Карла Великого по вопросам образования и культуры. Именно он выработал связанную программу обучения в придворной школе Карла Великого: семь свободных искусств и богословие. Алкуин впервые выделил диалектику из остальных свободных искусств, подчеркнув роль логического мышления для формирующейся латинской схоластики, первым представителем которой стал он сам. Учебники Алкуина по семи свободным искусствам, объединенные названием «Opera Didascalica» («Дидактические сочинения»), не потеряли своего значения до XV века. С появлением в XII веке университетов доминирующими учебными руководствами во многих областях философии и науки стали сочинения Аристотеля или комментарии к его трудам. Кульминационным завершением развития схолистической мысли явилось наследие Фомы Аквинского, служившее главным путеводителем для изучающих богословие.

До появления книгопечатания учебные руководства, использовавшиеся в университетском преподавании, бытовали в виде многочисленных списков. Среди них наиболее популярными были латинская грамматика Александра де Вилла Деи, «Сентенции» теолога Петра Ломбардского, трактат по астрономии «Сфера» Сакробоско, «Канон врачебной науки» Авиценны и другие. С появлением книгопечатания учебные пособия гуманистов и педагогов-протестантов, реформировавших образование в соответствии с принципами научного мышления эпохи Нового времени, стали широко издаваться. Однако практика написания рукописных учебных пособий сохранилась в эпоху Контрреформации благодаря деятельности иезуитов, осуществивших революцию в педагогике. Преподавание в иезуитских коллегиях опиралось на следующие принципы: тесный контакт учителя и ученика; работу с небольшой группой учащихся одного и того же возраста и одинаковой образователь-

ной подготовки; соревнование учащихся в процессе обучения. Такая система требовала создания учебников с возрастающей степенью сложности, что часто осуществлялось самим преподавателем³. Так возродилась традиция, начало которой положил Алкуин, написавший учебники специально для своих учеников.

Возникшая в Новгороде в XVIII веке академия была тесно связана с идейным наследием барокко, носившим сильный отпечаток культуры и идеологии Средневековья. Неслучайно философия эпохи барокко получила название «второй» схоластики, развивавшейся на фоне успехов Контрреформации, совпавших в Европе с концом XVI-XVII веками. В Россию культура эпохи барокко проникла не раньше второй половины XVII века. Лихуды, находившиеся под влиянием барокко, были среди тех, кто представлял в России это идейное движение. В 1685 году они создали в России первое высшее учебное заведение – Московскую Славяно-греко-латинскую Академию. Преподавание Лихудов в Новгороде по своему характеру не отличалось от их учебной деятельности в Москве: учебный план Новгородской школы почти целиком соответствовал учебному плану Московской Славяно-греко-латинской Академии. Лихуды преподавали в Новгороде свободные искусства – дисциплины тривиума: грамматику, пиитику, риторику и части логики. Основой учебного плана их школы была филология, в обучении которой они использовали собственные учебники.

В фонде рукописей Новгородской духовной семинарии, хранящемся в ОР РНБ, находятся грамматики греческого языка, написанные Лихудами. Среди них «Грамматика греческая иеромонаха Софрония Лихудиева», датированная 1705 годом (ОР РНБ. Ф. 522, № 72). Рукопись насчитывает 317 листов; на

Латинско-еврейский вокабулярный рукописной грамматики древнееврейского языка (ОР РНБ. Ф.522, №74)

ее корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6765, а на последнем листе указан год ее инвентаризации в Государственной Публичной библиотеке – 1928⁴. Эта рукопись представляет собой один из списков Костромской редакции греческой грамматики, законченной Лихудами 21 февраля 1705 года в период костромской ссылки. Судя по всему, Костромская редакция греческой грамматики Лихудов, написанная в форме трактата, была предназначена для учащихся Московской Славяно-греко-латинской Академии, которые уже изучили элементарный курс греческого, и обучались в классе риторики⁵. Очевидно, что этот высочайшего уровня учебник использовался Лихудами в Новгородской школе.

Первая часть учебника Софрония Мигалевича – Логика, разворот (ОР РНБ. Ф.522, №47)

Другую рукописную грамматику Лихудов из фонда рукописей Новгородской духовной семинарии (№ 73) современный греческий исследователь Д.А. Яламас, вводящий ее в научный оборот, называет «Новгородской редакцией»⁶. Рукопись озаглавлена: «Иоанникия и Софрония иеромонахов же и учителей самобратии Лихудиевых о грамматическом художестве». Она в кожаном переплете, на ветхом корешке которого проставлен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6766. Грамматика написана в форме диалога и содержит частичный параллельный перевод греческого текста на церковнославянский язык. По мнению Д.А. Яламаса, это – грамматический труд, имеющий самостоятельное значение⁷. Он, без сомнения, интенсивно использовался в Новгородской школе и, вероятно, был создан специально для ее нужд. По-видимому, грамматика Лихудов с параллельным текстом стала образцом для создания первой собственно российской грамматики церковнославянского языка, автором которой был лучший новгородский ученик Лихудов иподиакон Софийского собора и преподаватель Новгородской школы Федор Максимов⁸. Рукописные греческие грамматики Лихудов являлись, бесспорно, учебными пособиями для высшей школы. Это оригинальные труды, ставшие завершением греческой средневековой грамматической традиции, отмеченной именами знаменитых греческих филологов, сыгравших выдающуюся роль в формировании культуры европейского Возрождения: Мануила Хрисолора (1350-1415), Феодора Газы (1400-1475), Константина Ласкариса (1434-1501), Димитрия Халкокондила (1423-1511)⁹.

Преобразование Новгородской школы Лихудов в 1740 году в Новгородскую духовную семинарию еще более тесно связало Новгородскую академию XVIII века с культурными традициями европейского барокко и Контрреформации. Новгородская духовная семинария, задуманная ее создателем, новгородским архиепископом Амвросием Юшкевичем как высшее учебное заведение, была с точки зрения учебного плана почти точным слепком Киево-Могилянской Академии, образцом для создания которой послужили учебные заведения иезуитов.

Учебный план Новгородской духовной семинарии включал дисциплины, преподававшиеся в Киево-Могилянской Академии. Из них первая – фара, или аналогия, содержала элементарные сведения о латыни, изучался также церковнославянский язык. Далее следовали три грамматических класса: *infima classis* (нижний класс) – инфима; *media classis*

(средний класс) – грамматика; *suprema classis* (высший класс) – синтаксиса. Основу учебного процесса в этих классах составляло изучение латыни по учебнику «De Institutione Grammatica Libri Tres» Эммануила Альвара (1526-1582), португальского иезуита, учителя грамматики в первой коллегии Игнатия Лойолы в Лиссабоне. Впервые опубликованный в 1572 году, учебник Альвара стал официальной грамматикой иезуитов и играл исключительную роль в преподавании. Дисциплина, изучавшаяся в инфиме, предполагала введение в латинскую грамматику и знакомила с этимологией латыни. Учащиеся следующего класса – грамматики, продолжали изучение учебника Альвара до раздела *syntaxis ornata*, начиная одновременно чтение латинских авторов – Цицерона и Овидия. Грамматический класс включал изучение и греческой грамматики. Дисциплина, преподававшаяся в следующем классе – синтаксисе – завершала латинскую грамматику и знакомила учащихся с Цицероном, Вергилием и Эзопом, продолжая обучение грамматике греческого языка. В классе пиитики читались латинские авторы: Цезарь, Саллюстий, Ливий, Курций, Вергилий и Гораций. Риторика изучалась по произведениям Цицерона и «Поэтике» Аристотеля. Изучались также философия, основанная на учении Аристотеля в интерпретации схоластов, и богословие¹⁰. Кроме Альвара, который никогда не издавался в России, никаких печатных учебных пособий (по поэтике, риторике, философии и богословию) в Киевской Академии не существовало. Каждый преподаватель составлял собственный рукописный учебник на основе полученных им самим знаний в подобном же учебном заведении. Для высших ступеней академического курса – философии и богословия – до середины XVIII века главную роль играли Аристотель и Фома Аквинский.

Реализация этого учебного плана в Новгородской духовной семинарии заняла несколько лет. В 1740 году были открыты четыре класса: аналогии, инфимы, грамматики и синтаксисы, затем в 1741 году открылся класс пиитики, а в 1742 – класс риторики. При новгородском архиепископе Стефане Калиновском в 1746 году открылся класс философии, а в 1748-м – богословия. Первым ректором Новгородской духовной семинарии стал архимандрит Юрьева монастыря Маркелл Радышевский, видный церковный деятель петровского времени, в прошлом выпускник и преподаватель Киево-Могилянской Академии. Архиепископ Амвросий составил устав семинарии, определив порядок в учебном заведении и семинарский штат, состоявший из 12 преподавателей, набранных из числа выпускников и преподавателей Киево-Могилянской Академии, которые обеспечили семинарию рукописными учебниками, частично привезенными с собой, частично созданными уже в Новгороде. Среди приглашенных Амвросием были иеромонах Иннокентий Одровонж-Мигалевич и Демьян (в монашестве Дамаскин) Аскаронский. Оба преподавали пиитику и риторику, заняв в дальнейшем поочередно пост ректора. В 1741 году Амвросий Юшкевич вызвал из Киевской Академии Иосифа Ямницкого, вместе с которым прибыл его товарищ по учёбе Иоасаф Миткевич. Они преподавали во всех классах семинарии и также занимали пост ректора. Иосиф Ямницкий первым в семинарии начал преподавать философию и богословие. 1743 год дал Новгородской духовной семинарии ещё нескольких учителей-киевлян, среди них – Павла (в монашестве Парфения) Сопковского, который начал преподавание с синтаксиса

и дошел до богословия, заняв в 1756 году ректорский пост. Учителем философии и древнееврейского языка был киевлянин иеромонах Иерофей Кремьянский, прибывший в Новгород вместе с Иваном Кременицким, учителем синтаксиса. Выходцами из Киева были также преподававшие в Новгородской духовной семинарии в первый период её существования Максимилиан Данилевич, Станислав Скибинский, Иван Чишкевич, Гавриил Спичинский и Лаврентий Баранович¹¹. Первым преподавателем из учеников семинарии стал Стефан Лаговский, который в 1754 году был уже учителем пиитики, а позднее преподавал философию и древнееврейский язык. С 1755 года эту должность занимал также воспитанник семинарии Тимофей Савельев (Соколовский) – знаменитый Святитель воронежский Тихон Задонский; впоследствии он стал префектом семинарии и преподавал философию. Среди преподавателей низших классов воспитанниками Новгородской семинарии были также: Михаил Оштинский, Андроник Акацкий и Иван Оранский, которые еще будучи студентами философского класса поочередно преподавали в классе инфимы с 1746 по 1755 годы.

Обратимся к рукописным учебникам, использовавшимся в Новгородской духовной семинарии и хранящимся ныне в ОР РНБ. Среди них – единственная в этом собрании рукопись на древнееврейском языке (№ 74). Это «Grammatica Hebraica» («Еврейская грамматика») с подстрочным латинским текстом, датированная XVIII веком. Рукопись в бумажном цветном переплете, насчитывает 38 листов и имеет номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6767. На переднем форзаце почерком XIX века, видимо, кем-то из библиотекарей Новгородской духовной семинарии, сделана запись: «Incerti auctoris Grammatica Hebraica cum analysi Psalmi XXXIV manuscriptum» («Неизвестного автора Грамматика еврейская с толкованием XXXIV Псалма, рукопись») (Л. I). Рукопись начинается с толкования XXXIV Псалма М. Варфоломея Бека (Л. 1). Далее следуют латинско-еврейский вокабулярий и изложение текста элементарной еврейской грамматики. Рукопись использовалась семинаристами, изучающими древнееврейский язык. Одним из ее владельцев был Федор Малиновский, о чем свидетельствует запись на заднем форзаце: «Из учения Федора Малиновского» (Л. II). Наличие рукописного учебника еврейской грамматики в библиотеке Новгородской духовной семинарии связано с учебным планом семинарии. Преподавание древнееврейского язы-

ка, предусмотренное еще штатным расписанием 1740 года, было начато лишь в 1750 году Иерофеем Кремьянским. Очевидно, обучение шло успешно, поскольку уже первые выпускники Новгородской духовной семинарии смогли преподавать эту дисциплину в alma mater. Изучая древнееврейский язык, семинаристы имели возможность читать книги на этом языке, которые, согласно каталогу библиотеки Новгородской духовной семинарии 1806 года, насчитывали 57 наименований и составляли 123 тома¹². Включение древнееврейского языка в учебный план высшего духовного учебного заведения диктовалось интересами христианской теологии. Первыми христианами-гебраистами были Ориген (ок. 185-254) и Иероним (между 340 и 350 – ум. 420), обратившиеся к языку, на котором был написан Ветхий завет. В XII-XIII веках, в эпоху становления схоластики, основанной на логике Аристотеля, христианские ученые использовали переводы Аристотеля на древнееврейский язык. В XIV веке древнееврейский язык стал преподаваться в университетах Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки. В эпоху Возрождения возникла теория религиозно-универсального теизма, согласно которой все религии, включая иудаизм, содержат общую истину, высшим выражением которой стало христианство. Сложился интерес к еврейской религиозной литературе. Наиболее известными сторонниками идей религиозно-универсального теизма были итальянский гуманист Пико делла Мирандола и знаменитый немецкий гебраист Иоганн Рейхлин, автор одной из первых печатных еврейских грамматик (1506 г.). Расцвет христианской гебраистики падает на XVI-XVII века, когда и протестантская, и католическая наука с целью лучшего понимания истоков христианской веры занялась тщательным изучением Ветхого завета на языке оригинала. Преподавание древнееврейского языка заняло важное место в учебном плане высших учебных заведений¹³.

Большой интерес представляет и другая учебная литература из рукописного собрания Новгородской духовной семинарии. Один из ее замечательных образцов – учебник по философии (№ 47), написанный Софронием Мигалевичем, выпускником Киево-Могилянской Академии, впоследствии ректором Московской Славяно-греко-латинской Академии. Учебник был написан Мигалевичем в тот период, когда он занимал пост префекта и преподавал в Московской Академии философию. Рукопись – в кожаном переплете с золотым тиснением, насчитывает 507 листов. На корешке номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6742. Титульный лист гласит: «Philosophia seu scientia veritati studens: Beneficiis Augustissimi Imperatoris Petri Secundi dotata: Sanctissimae Synodi benedictione illustrata: Scholasticis disputationibus in Slavono, Graeco, Latina Mosquensis Academia explicata: Anno domini 1728 Die 6 septembris: Per Sophronium Mihalewicz»¹⁴ («Философия, или наука, изучающая истину, одаренная милостями Августейшего Императора Петра II и украшенная благословением Святейшего Синода, с подробным изложением ученых диспутов Московской Славяно-греко-латинской Академии. Года от Рождества Христова 1728 дня 6-го сентября. Написана Софронием Мигалевичем») (Л. 1). За титульным листом следует Alloquium (Вступление), далее – оглавление первой части учебника – Логика, после которого идет ее текст (Л. 8-195 об.), начинающийся с изложения Диалектики («Compendium Logicae Minoris seu Dialecticae»). Согласно записи самого Мигалевича Логика

Титульный лист «Диалектики, или дискурсивной науки...»
Иосифа Ямницкого, 1745 г.
(ОР РНБ. Ф.522, №36)

была написана им в 1726 году (Л. 10). 12 июня 1727 года он закончил вторую часть своего учебника по философии – Физику: «Philosophia naturalis seu Physica Scholasticis disputationibus et intellectu. Comprehensa anno Domini 1727 die 12 Junii» («Естественная философия, или Физика со схоластическими диспутациями и разъяснением. Изложена года от Рождества Христова 1727 дня 12-го июня») (Л. 197-378 об.). Небольшой по объему была третья часть учебника – Метафизика: «Metaphysica Scholasticis Disputationibus Illustrata anno 1728 Die 16 martii» («Метафизика, разъясненная с помощью схоластических диспутаций. Года 1728 дня 16-го марта») (Л. 379-415). Четвертая и последняя часть учебника – Этика: «Ethica seu Epitome Philosophiae Christianae» («Этика, или извлечение из христианской философии») (Л. 416-424), дата написания которой в рукописи не указана. Очевидно, приложением к учебнику являются еще несколько сочинений. В их числе – «Secunda pars Naturalis scientiae...» («Часть вторая науки о природе...») (Л. 426-483 об.), датированная 1-м июля 1728 года и имеющая непосредственное отношение к учебнику. В учебник включены также две небольшие речи, датированные одним днем – 13 июля 1730 года. Одна из них посвящена знаменитому деятелю петровского времени, члену «ученой дружины» Петра епископу Рязанскому и Муромскому Гавриилу Бужинскому: «Oratio

Титульный лист «Книги богословской...» Иосифа Ямницкого, 1747 г. (ОР РНБ. Ф.522, №36)

dedicatoria illustrissimo Gabrieli Buzinski, Episcopo Riazanensi et Muromensi» (Л. 484 об.-485). Как свидетельствует запись на последнем листе рукописи (Л. 507 об.): «Tibi, Innocentio, dono, Abbas Sophronius Mihalewicz 1733» («Я тебе, Иннокентию, дарю, аббат Софроний Мигалевич 1733»), учебник был подарен автором преподававшему в Новгородской духовной семинарии иеромонаху Иннокентию Одровонж-Мигалевичу, который и привез его в Новгород¹⁵.

Учебник Софрония Мигалевича полностью соответствует традициям написания учебной литературы по философии, принятым в Киево-Могилянской Академии, в свою очередь восходящим к учебной практике иезуитов. Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола, получивший схоластическую подготовку в парижской Сорбонне, считал теологию краеугольным камнем своей новой системы образования. Именно под влиянием идей Лойолы сложилась «вторая» схоластика. Подготовкой к занятию теологией служил ряд учебных дисциплин, среди которых важное место занимал курс философии, преимущест-

венно основанный на Аристотеле и включавший логику, естественную и моральную философию, а также метафизику¹⁶. Аналогичную структуру имели рукописные учебники по философии, которые использовались в учебных заведениях иезуитов. Рукописные учебники по философии Киево-Могилянской Академии также делились на три части: философию «умственную», или Логiku, философию «естественную», или Физику, и философию «божественную», или Метафизику. Логике предшествовала диалектика, составлявшая ее теоретическую часть и нередко использовавшаяся в классах риторики. Физика описывала свойства видимых предметов, трактовала природу вообще, давала представление о материи, бытии, пространстве, времени и душе. Метафизика толковала о существах возможных и бестелесных, об отношении конечного к бесконечному. К этим разделам учебника по философии примыкала Этика, хотя она встречалась не во всех учебниках¹⁷.

В фонде рукописей Новгородской духовной семинарии ОР РНБ хранятся три рукописных тома еще одного учебника по философии (№№ 36, 37, 38). Учебник был создан в Новгороде специально для Новгородской духовной семинарии иеромонахом Иосифом Ямницким, первым преподавателем философии и богословия в семинарии. Первый том этого учебника (№ 36) имеет цветной картонный переплет с кожаным корешком, на который наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6730. На переднем форзаце почерком XIX века, видимо, кем-то из библиотекарей Новгородской духовной семинарии, сделана запись: «Том I» (Л. I), «Josephi Jamnitzky Dialectica» (Л. I об.). Рукопись насчитывает 177 листов. На титульном листе рукописи заглавие учебника: «Dialectica seu discursiva scientia. Post triennium rhetoricum Duce Hieromonacho Josepho Jamnicky bonam partem emensum, nunc primum bono numine auspice in seminario Velikonovogrodo-Ambrosiano ad usum rhetorices eiusdem seminarii discipulorum eodem Duce ad Maiorem maximi Dei honorem scribi atque teri. Capta Anno a Christo nato 1745 Aprilis vigesima 2da» («Диалектика, или дискурсивная наука. После трехлетия преподавания риторики, изучения большей ее части под руководством иеромонаха Иосифа Ямницкого, ныне этим же преподавателем к величайшей Славе Господа написано и растолковано начало с одобрения покровителя в Великоновгородской семинарии Амвросия для использования учащимися класса риторики этой же семинарии. Закончена в год от Рождества Христова 1745, апреля 22-го») (Л. 1). Вероятно, это первая часть учебника по философии (Л. 1-48 об.), использовавшаяся для учащихся класса риторики. Вторая часть рукописи – «Praecepta de comparanda eloquentia. Ad usum iuventutis, quae fovet Seminarium Novogrod-Ambrosianum. Sub Celsissimis auspiciis illustrissimi Domini Kyr(?) Ambrosii Juskevicz Archiepiscopi Novogrodensis et Velicolucensis tradi et explicari. Capta in dicto Seminario per servum Suae Archipresulac(?) celsitudinis, longe indignissimum monachum Josephum Jamnicky. Anno a prodigioso partu Virginis Supra millesimum 700mo 43tio Septembris Secunda» («Наставления к приобретению красноречия для использования юношеством, каковое лелеет Новгородско-Амвросианская семинария под высочайшим началом славнейшего раба Божьего(?) Амвросия Юшкевича Архиепископа Новгородского и Великолуцкого, изложенные и подробно растолкованные. Закончены в названной семинарии рабом Его Высокопреосвященства(?) недостойнейшим монахом Иосифом Ямницким года от чудесного рож-

дения Девой 1743, сентября 2-го»). Она представляет собой собственно учебник риторики (Л. 49-130). На ее титульном листе имеется сделанная в XVIII веке запись: «Реторика трудов пречестнейшего отца иеромонаха Иосифа Ямницкого» (Л. 49). Рукопись завершает учебник богословия – «Liber Theologicus in tractatus. Disputationes et quaestiones more Scholis recepto. Digestus ad usum Roxolanae iuventutis in Novogrodensi Seminario primum anno post Christum nato Supra millesimum 748vo 7bris 20 evolvi captus ad Majorem maximi Dei Gloriam» («Книга богословская в виде рассмотрения проблем. Вопросы и ответы с восстановлением обычая ученых диспутов. Подробное изложение, сделанное для использования Российским юношеством впервые в Новгородской семинарии, закончено года от Рождества Христова 1748, сентября 20-го, к высшей славе Господа») (Л. 132-177 об.). Курс богословия, начатый Иосифом Ямницким в 1748 году, остался, однако, незаконченным в связи с его смертью в этом же году. Таким образом, описанная рукопись состоит из трех различных частей, относящихся к разным учебным дисциплинам.

Второй рукописный том (№ 37) имеет аналогичный переплет и номер библиотеки Новгородской духовной семинарии – 6731. Он насчитывает 326 листов. Возможно, это продолжение «Диалектики» Иосифа Ямницкого. Надпись на титульном листе, сильно выгоревшая от солнца, гласит: «Cursus Philosophiae... Anno a Christo Nato 1746 e 13tia septembris» («Курс философии... Год от Рождества Христова 1746 сентября 13-го»). Весь том целиком посвящен изложению курса философии. В соответствии с традициями Киево-Могилянской Академии он делится на три части: Логик, включая выдержки из «Органона» Аристотеля (Л. 6 об.-110 об.), Метафизику (Л. 111-127 об.) и Физику (Л. 141-326 об.). Судя по содержанию этого

учебника, Иосиф Ямницкий прочитал семинаристам курс философии в полном объеме.

Третья рукопись (№ 38), в очень ветхом переплете, с номером библиотеки Новгородской духовной семинарии 6732, включает первую часть учебника философии – «Диалектику» (№ 36, л. 1-48 об.) и «Курс философии» (№ 37, л. 1-326 об.), являясь более поздним и цельным по структуре списком учебника философии Иосифа Ямницкого. Рукопись содержит также «Камень веры» Стефана Яворского на церковнославянском языке (Л. 198 об.-279 об.).

Первые учебники высшей школы в России – Киево-Могилянской, Московской Славяно-греко-латинской и Новгородской академий – были рукописными, что было во многом связано с идейным наследием Контрреформации. После петровских реформ, в эпоху раннего Просвещения, когда главным культурным центром России окончательно стал Петербург, традиции барокко как культурно-идейного движения, связанного с ценностями гуманитарного знания, вытесняются на периферию. Периферийный характер Новгорода как культурного центра способствовал его превращению в XVIII веке в своеобразный заповедник интеллектуальных традиций барокко, великолепными образцами которых являются, в частности, рукописные учебники Новгородской академии. Однако уже к концу 60-х годов XVIII века эти традиции начинают преодолеваются и в Новгороде. На смену рукописным учебникам по философии, основанным на Аристотеле в интерпретации схоластов, приходит печатное учебное пособие по философии Баумейстера¹⁸, последователя Христиана Вольфа (1679-1754), идеолога раннего Просвещения. «Вторую» схоластику сменила система Баумейстера, долго господствовавшая в духовных учебных заведениях России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Григорьева И.Л., Салоников Н.В. К изучению истории библиотеки Новгородской духовной семинарии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11-13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С.123-129; Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань. 1883. С. 15; Светлов Г.И. Краткий очерк истории новгородской духовной семинарии. Пг.,1917. Вып. 1. С. 76, 82-83.

² Отчет Императорской Публичной Библиотеки. Краткий отчет рукописного отдела за 1914-1938 гг. / Под ред. Т.К. Ухмыловой и В.Г. Геймана. Л., 1940. С. 44.

³ Schmitt Ch. B. The Rise of the philosophical Textbook // The Cambridge history of Renaissance philosophy / Ed. by Ch. B. Schmitt. Cambridge, 1990. P. 798-799.

⁴ Все рукописи Новгородской духовной семинарии, поступившие в Государственную Публичную библиотеку, прошли инвентаризацию в 1928 году.

⁵ Яламас Д.А. Средневековая греческая грамматическая традиция и труды братьев Лихудов // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11-14 мая 1998 г. / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород (в печати).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994. С. 109.

⁹ Яламас Д.А. Указ. соч.

¹⁰ Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Новгородская духовная семинария и традиции Киево-Могилянской Академии (к вопросу о характере межцивилизационных контактов) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11-13 ноября 1998 г. Новгород, 1998. С. 104.

¹¹ Там же. С. 104-105.

¹² Светлов Г.И. Указ. соч. С. 380.

¹³ См.: Hebraists, Christian (1100-1890) // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1996. Vol. 8. Col. 9-20. См. также: Colish M.L. Medieval Foundations of the Western Intellectual Tradition. 400-1400. New Haven and London, 1997. P.148-149.

¹⁴ Здесь и далее цитаты из текста рукописей даны в основном с сохранением орфографии оригинала.

¹⁵ Этот учебник – не единственная книга, подаренная Софронием Иннокентием Одровонж-Мигалевичу.

¹⁶ Schmitt Ch. B. Op. cit. P. 798.

¹⁷ См.: Булгаков М. История Киевской Академии. СПб., 1843. С. 66-69.

¹⁸ См.: «Святейшему Правительствующему Синоду из Новгородского Семинарского правления доношение». ОР РНБ. Ф. 522, № 209.

Валентина РУКАВИЧНИКОВА

РОЗЫСКОЕ ДЕЛО О ТРАГЕДИИ «ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ»

На протяжении почти семидесяти лет тема Вадима Новгородского не уходила из литературного обихода. При этом жанр сочинений претерпел чудную трансформацию. Он прошел путь от классицистической трагедии до сказки. Литературный образ Вадима тоже менялся: начав свою «карьеру» князем славенским, двоюродным братом Рюрика, побывав байроническим героем-одиночкой, Вадим воплотился в сказочного русского богатыря, не желающего никому зла и выполняющего только свою миссию – охранять русскую землю от супостатов.

Первое письменное упоминание о Вадиме Храбром (его цитирование стало почти каноническим в литературоведении) относится к XVI веку. Патриаршая, или Никоновская летопись гласит: «В лето 6372 ... оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби Новгородцев советников его»¹.

Первая литературная обработка сюжета о призвании Рюрика принадлежит перу Екатерины II. Участие Вадима в этих событиях в пьесе составило лишь эпизод, необходимый для того, чтобы личность Рюрика проявилась во всем блеске его достоинств. Но начиная именно с «Исторического представления из жизни Рюрика» императрицы Екатерины II началась бурная жизнь Вадима Храброго в русской литературе.

В литературном и сценическом отношении пьеса Екатерины крайне слаба. Это даже не пьеса, а набросок, план. В одном из писем Гримму (1795) она писала: «Никто не обратил внимания на эту вещь, и она играна никогда не была. ... Я не посмела поместить свои умозаключения относительно Рюрика в «Историю», так как они основывались только на нескольких словах из летописи Нестора и из «Истории Швеции» Далена, но, познакомившись тогда с Шекспиром, я в 1786 году придумала воплотить их в драматическую форму»². Екатерине важно было подчеркнуть иноземное происхождение основателя российской династии, сказать, что порядок в России установился только с приходом к власти Рюрика. По мнению Екатерины Великой, преимущества Рюрика перед другими наследниками очевидны: Гостомысл изъявил *свою волю* сделать его наследником, Рюрик – его внук, он обладает высокими моральными

качествами, воинской доблестью, мудростью, необходимыми правителю. Единственный противник наследника – двоюродный брат Вадим – по своей молодости и горячности протестует против призвания Рюрика как иноземца. Впрочем, до кровопролития дело не дошло. Борьба за престолонаследие между родственниками решилась к общему удовольствию и согласию.

Екатерина II по существу уклонилась от ответа на вопрос: какие же изменения в государственное устройство Новгорода внесло призвание варягов. Главная задача пьесы состояла в обосновании мысли, что монархические формы государственности были присущи сознанию русского народа уже на заре его исторической жизни³.

Яков Борисович Княжнин решил «поправить» Екатерину, подать историю, ею рассказанную, в совершенно ином освещении. Он называет трагедию именем Вадима и рисует его равным Рюрику. Взяв за основу сюжет пьесы Екатерины, Княжнин пошел по стопам трагедий о Цезаре и Бруте, разработанных Шекспиром и Вольтером (кстати, «Смерть Цезаря» Вольтера ставилась в России с 1776 года). Сохранив трактовку Рюрика, данную Екатериной и близкую к образу Тита, Княжнин обошел молчанием славянское происхождение Рюрика и легенду о призвании трех братьев, а борьбу Вадима против Рюрика придал политическое значение. Вадим у Княжни-на явился воплощением патриота, а народ показан как активно действующая политическая сила.

«Вадим Новгородский»⁴ – во всех отношениях лучшая классицистическая трагедия XVIII века – написана в

Императрица Екатерина II

конце 1788 – начале 1789 года и отдана в театр (Сиротинин, ссылаясь на Воспоминания о Плавильщикове Победоносцева, писал, что императрица сама выбирала пьесы для спектаклей Эрмитажного театра⁵). В спектакле должны были играть П.А. Плавильщиков (Вадим), Я.Е. Шушерин (Рюрик), Е.Ф. Баранова (Раида). В связи с началом Великой Французской революции Княжнин трагедию из театра забрал.

Пьеса напечатана после смерти Княжни-на (1791) в 1793 году, 30 сентября в «Российском Феатре», ч. 39 (в один год с третьим изданием «Исторического представления...»), и в этом же году сожжена по приговору суда на Александровской площади в Петербурге. В тот трагический год стало ясно, что фран-

цузские события были не дворцовым переворотом, но движением третьего сословия, и движением победоносным.

В 1822 году в контексте оценки исторических деяний Екатерины II А.С. Пушкин вспомнил о судьбе опального писателя: «Княжнин умер под розгами...»⁶. Такова была неофициальная легенда.

Розыскное дело о трагедии Княжнина «Вадим» было последним *литературным* Делом екатерининской эпохи⁷. После окончания оно 16 сентября был издан указ, согласно которому уничтожались все вольные (частными лицами заведенные) типографии, а в Петербурге, Москве и других крупных городах учреждена была цензура.

Делу о трагедии «Вадим» предшествовала целая серия литературных Дел, началом которых явилось преследование известного книгоиздателя, журналиста и общественного деятеля Новикова, заподозренного в сношениях с Павлом Петровичем. Дело сопровождалось конфискацией и сожжением «противозаконных» изданий, которые считались таковыми после двух Указов Екатерины: 1786 года – о запрещении вольным типографиям печатать книги, «исполненные странными мудрствованиями» (т.е. масонские), и 1787 года – о запрещении печатать книги церковные и относящиеся к комиссии народных училищ. Закрыты были журналы Д.И. Фонвизина «Дружественные люди» или Стародум» (1788) и И.А. Крылова «Зритель» (1792). В результате только одного «просмотра» книгохранилища Новикова (1794) было изъято и предано сожжению 18656 книг.

События во Франции подтолкнули Екатерину к еще более решительным действиям. В 1790 году состоялся суд над Радищевым, вынесение ему смертного приговора (отсечение головы) и замена его ссылкой на 10 лет в Илимский острог.

В декабре 1793 года на Александровской площади в Петербурге, напротив Александро-Невской лавры, публично была сожжена трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский». До нас дошли некоторые документальные материалы, по которым можно восстановить в общих чертах дело по уничтожению трагедии. Они опубликованы в статьях В.Ф. Саводника, В.Я. Стоюнина, Л.И. Кулаковой и других⁸. Однако некоторые эпизоды остаются неясными. Все биографы Княжнина заявляют, что в связи с начавшейся революцией во Франции 14 июля 1789 года автор забрал трагедию из театра. По данным, опубликованным Л. Кулаковой, закончена трагедия была в конце 1788 – начале 1789 года. И, скорее всего, сразу, то есть за несколько месяцев до известных событий, была передана драматургом директору придворного театра Стрекалову. Об этом сообщает сын Княжнина. По распоряжению директора ее принялись разучивать.

Отказаться от постановки своей лучшей трагедии Княжнин, известный драматург, находящийся в зените славы, мог только по настоянию дирекции театра или по чьему-то *убеди-*

тельному совету. Известно, что Княжнин читал трагедию своим друзьям, то есть круг людей, знакомых с пьесой, был довольно широк. У нас нет данных, подтверждающих, что и Екатерина входила в их число, но, зная ее пристрастие к театру, мы эту возможность не исключаем. Итак, есть вероятность, что императрица была знакома с пьесой еще до 1793 года. Никаких данных, подтверждающих, что у автора была *история* из-за «Вадима», до нас не дошло, но слух о том, что неожиданная смерть его 14 января 1991 года не была случайной, кажется не лишним основанием.

5 марта 1793 года, спустя два года после смерти драматурга, один из опекунов детей Княжнина псковский помещик П.Я. Чихачев, муж его старшей дочери, продал оставшиеся ненапечатанными произведения Княжнина: «Вадим Новгородский», комедии «Чудаки», «Траур, или Утешенная вдова», «Жених трех невест», комическую оперу «Мужья – женихи своих жен» и несколько разных небольших «пиес, писанных собственною его рукою» петербургскому книгопродавцу Глазунову. Глазунов предложил за все сочинения 200 рублей. Довольный Чихачев соглашается и передает ему рукописи. Кроме этого, он обеспечивает книгопродавца *письменным свидетельством* о том, что трагедия продана для выгоды малолетних наследников, чтобы избежать претензий вдовы на произведения мужа⁹. Глазунов,

не имевший собственной типографии, отдал «Вадима» и «Чудаков» для издания в типографию Академии Наук¹⁰. Президент Академии Наук княгиня Е.Р.Дашкова согласилась на напечатание этих пьес. Устроил же Глазунову это дело никто иной, как сам П.Я.Чихачев через своего двоюродного брата, ассессора академии Чихачева. В письме к брату графу А.Р.Воронцову княгиня Дашкова изложила события таким образом: тот самый Чихачев, ассессор академии, получил от нее словесное приказание прочитать трагедию, с целью узнать, нет ли в ней чего-либо предосудительного, но он не сделал этого, отговорившись тогда, когда уже возникло дело, будто ему было некогда¹¹. 4 июня состоялось определение канцелярии Академии о напечатании 1212 экземпляров отдельного издания трагедии и пере-

печатке ее с того же набора в «Российском Феатре». Отдельное издание было готово 14 июля, а 30 сентября вышла из печати 39-ая часть «Российского Феатра»¹². В журнале приказов президента Академии за июнь месяц было просто записано, что трагедия «Вадим» печатается за счет Глазунова, и никаких отметок о ее *лояльности* нет. Хотя в следующем месяце вышел приказ о печатании «Чудаков» с отметкой, что в ней нет ничего предосудительного. Эта отметка обойдена в первом случае, как считает Стоюнин, не без участия ассессора Чихачева. Однако в своих «Записках»¹³ княгиня Дашкова называет другого участника этих событий – советника академической канцелярии Козодавлева, который якобы представил ей просьбу вдовы Княжнинной о напечатании трагедии. И якобы именно ему было

Яков Борисович Княжнин

поручено прочесть трагедию и сообщить, нет ли в ней чего-нибудь противного законам и религии. Козодавлев не нашел в ней ничего предосудительного. Княжнин был членом Российской Академии, и Дашкова могла приказать напечатать трагедию за счет Академии в пользу детей покойного драматурга (подобное было в 1787 году, когда собрание сочинений Княжнина по указу императрицы были напечатаны за казенный счет).

На трагедию императрице, через фаворита, указал И.П. Салтыков, утверждавший, что трагедия, будто бы им прочитанная, для *настоящего времени* – очень опасного содержания.

Быть «матерью для своего народа» оказалось делом неблагодарным. Подданные, несмотря на «благодеяния», выходили из повиновения, и требовалось их «вразумлять». А тут еще «французская зараза». Екатерина, получившая корону с помощью преступления и незаконно ею владевшая, хорошо понимала, насколько непрочным может быть положение государя. Инстинкт самосохранения заставлял ее к концу жизни относиться с опаской к вещам, еще недавно выглядевшим совершенно невинно. Нападки на недостойных правителей встречались и в прежних трагедиях Сумарокова, Николева, Княжнина и других авторов, не вызывая неудовольствия императрицы. Но в 1793 году «возмутительные речи» уже казались ей опасными.

Было задето и авторское самолюбие венценосной писательницы. В том же 1793 году вышло 3-е издание «Исторического представления из жизни Рюрика». Сравнение этих двух произведений было явно не в пользу Екатерины. Яркая, страстная трагедия Княжнина – его лучшее сочинение – совершенно затмило пьесу августейшей писательницы. Самое ужасное преступление Княжнина состояло в том, что он осмелился нарушить установленный императрицей канон. В заглавие пьесы, посвященной прославлению монархии, он поставил имя бунтовщика, сделав его главным действующим лицом и «наградив» его замечательной в своем роде судьбой – возможностью умереть за свободу своего отечества.

Итак, началось следствие. Генерал-прокурору А.Н. Самойлову было поручено расследовать это дело. Княгиня Дашкова рассказывала о нем, что до того «кредит» его у императрицы стал сильно падать, и он ухватился за эту историю, чтобы поддержать его. Следствие велось тайно, через Секретную экспедицию Первого департамента Сената, известную Тайную канцелярию.

Искали виновных в издании трагедии. Подозрения падали на Дашкову, Глазунова, вдову Княжнина, его сына Александра. Об Александре ходили слухи, о которых писал статс-секретарь Екатерины П.Д.Трошинский,¹⁴ что Александр, повеса и негодяй, украл эту трагедию из запечатанных бумаг отца и продал ее. Допросу подвергались и П.Я. Чихачев, вытребовавший из своего поместья, и старшие сыновья Княжнина Александр и Борис, служившие тогда сержантами в Измайловском полку. Граф Самойлов допытывался, действительно ли трагедию написал Княжнин, и не воспользовался ли его именем кто-то другой. Издатель Глазунов на некоторое время был «отдан под стражу», все непроданные экземпляры трагедии, найденные в книжных лавках, и номера «Российского Феатра» (еще не поступавшего в продажу) немедленно конфискованы. Из номеров «Российского Феатра» листы с трагедией были вырваны. Граф Самойлов отправил в Москву главнокомандующему А.А. Прозоровскому секретное предписание, согласно которому его сиятельству надлежало выявить, у кого имеются в продаже тра-

гедия «Вадим Новгородский» сочинения Княжнина, отобрать ее и, запечатав, доставить в Петербург. Кроме того, отыскать произведения Княжнина, вышедшие по смерти его, просмотреть и, «если и в них окажутся подобные нелепые изречения, то и те, запечатав, прислать сюда». Следствие проводилось «с осторожностью», без огласки, *не вмешивая высочайшего повеления*.

Глазунов, к тому времени тоже приехавший в Москву, опять подвергся допросу, на этот раз Прозоровским. На допросе он «вывертывался» как мог, не назвал ни одной фамилии и умудрился утаить две трети привезенных из Петербурга книг. Конфисковать удалось не более 150 экземпляров трагедии. «Российскому Феатру» повезло меньше: весь тираж был арестован еще в типографии. Изуродованные экземпляры пустили в продажу через 60 лет.

7 декабря генерал-прокурор Самойлов обратился в Сенат с предложением рассмотреть дело о трагедии и вынести решение. Сенат рассматривал «Вадима» три раза – 7, 12 и 24 декабря и наконец постановил: «Оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую, – сжечь в здешнем столичном городе публично, чего для прислать ее в С.-Петербургское правление при указе, и чтоб от управы благочиния обывателям объявить, дабы они, «кто у себя означенную книгу не имел, тотчас представили оную в губернское правление с таковым подтверждением, что, если кто утаит и не представит оную, тот подвергает себя суждению по законам».¹⁵

Уцелевшие экземпляры трагедии собирались по всей России. Но количество поступивших для сожжения книг было удручающе мало. Никакие секретные указы, даже под угрозой «высказания по законам», не смогли вернуть разошедшееся по стране издание. «Трагик Княжнин известен на драматическом поприще «Дидоноу» и «Вадимом» – писал в 1823 году А.А.Бестужев.¹⁶ «Моя любимая трагедия «Вадим» – признавался Воейков.¹⁷ Судьба трагедии и легенда, возникшая вокруг имени автора, сделали это произведение на несколько десятилетий своеобразным знаменем оппозиционного свободомыслия. В результате Княжнина нередко стали рассматривать как борца с самодержавием. Подобная оценка была подготовлена в том числе и литературной критикой XVIII века. В «Санкт-Петербургском Меркурии» за 1793 год появилась статья А.И.Клушина.¹⁸ Автору не нравятся ни сюжет трагедии, ни язык, которым она написана, но более всего его раздражает сам Вадим – строгий, иступленный, безумный республиканец. «Самые его покушения на возвращение вольности Новгородцам тогда когда они добровольно вручили власть и корону Рюрику, не есть ли покушение безрассудное? – Желание обратить их в прежнее безначалие не есть ли желание самого лютейшего их зла? – Не для того ли хотел низвергнуть с престола Рюрика, дабы самому обладать республикой? И, сделавшись идеалом народа, повергнуть их в мучительные цепи рабства». Совсем в другом роде отзывался о «Вадиме» Н.Струйский.¹⁹ Назвав «Вадима», «которого судьбы низринули на век», «прегнущным», Струйский пишет: «Мне мнится, автор сей был дух не человек / И удостоенный Монарша снисхождения / Безумием влечен и потерял почтенье ... Сему безумию и дерзости пример / Дал повод но и сам ручался им Вольтер».²⁰ Очень близок к этой политической оценке М.М. Херасков. Герой его стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» назван Ратмиром,

но история, рассказанная Херасковым, как бы иллюстрирует основные тезисы Струйского: во всем виноваты французы, а сам герой – редкостный негодяй.

Все авторы «рюриковского» цикла (т.е. авторы, писавшие о принятии Рюриком российского престола), начиная от Екатерины Великой до А.С. Хомякова, представляли Рюрика отважным, благоразумным, великодушным государем. Но в трактовке образа его оппонента и политической оценке события возникли разночтения. Причем не только у авторов, что не удивительно, но и у критиков. Трагедия Княжнина «Вадим Новгородский» вызвала самую живую полемику. Е. Болховитинов, М.Н. Лонгинов, М.И. Сухомлинов, В.Ф. Саводник полагали, что трагедия представляла собой явление безвредное, а жестокая расправа с ней правительства объяснялась «поправлением» Екатерины II после Французской революции. «Больше всех трагедий произвела шуму его [Княжнина] трагедия в пяти действиях под названием «Вадим Новгородский» ... Напечатали ее в 1793 году, то есть в то самое время, когда революционные злодеяния Франции начали ужасать Европу. «Вадим» тогда показался набатом. Пьеса сия и действительно была не скромнее Вольтерова Брута, хотя в роле Рюрика довольно помещено на все правильных ответов».²¹

Саводник считал совпадением, что драма, будучи написанной еще до начала тех событий, которые ознаменовали собой во Франции конец XVIII века, была напечатана уже после смерти автора в 1793 году, в самый разгар революции. Касаясь вопроса о том, насколько справедливы были выставленные против Княжнина обвинения в проповеди республиканских идей, критик пришел к отрицательному выводу. «... У нас нет данных предполагать, чтобы он [Вадим] был склонен к каким-либо крайним выводам, в особенности в области политических идей».²² Сравнивая Вадима и Рюрика в пьесе Княжнина, автор утверждает, что Рюрик вызывает больше симпатий.²³ Саводник, оценивая образ Рюрика в пьесе, не называет его «тираном» и считает его (а не Вадима) настоящим героем трагедии.

Стоюнин считал Княжнина одним из идейных драматургов екатерининской эпохи, человеком, искренно преданным Екатерине и тем взглядам, которым она покровительствовала в *лучшие годы своего царствования*. По мнению критика, Княжнин с «особенною любовью останавливался на идеях просветительных и гуманных, что он дал русской публике возможность лишний раз услышать со сцены благородные речи, познакомил ее косвенно с целым рядом произведений, в то время весьма популярных у западно-европейской публики».²⁴ «Прежде всего, нужно иметь ввиду, – писал Стоюнин, что он [Княжнин] был честный человек, в чем нас удостоверяют все отзывы его современников. А честный человек-писатель не взялся бы за переделку драмы Метастазиио «Clemenza di Tito», написанного в честь германского императора Карла Шестого, не взялся бы с тем, чтобы в лице римского императора Тита ... представить самое императрицу, если бы он не чувствовал к ней любви и уважения – тех чувств, какие вызывал образ Тита».²⁵

Екатерина II высказывала свое расположение Княжнину подарками. При посредстве Ермолова она в 1787 году приказала напечатать его собрание сочинений на казенный счет. Известно, что она по крайней мере два раза дарила ему золотые табакерки с бриллиантами и своим медальоном. Конечно, в трагедии были слова и выражения против монархической власти, но они вложены в уста ярого республиканца, никогда не

присягнувшего той власти, которой он не хотел подчиниться. Да и вся трагедия наводила на мысль, что добродетельному монарху не следует бояться республиканских идей посреди народа, который его любит и которому он хочет благотворить: здесь сам республиканец не захочет жить, если он честный человек.

Не находил опасною трагедию Княжнина и Ю.А. Веселовский.²⁶ И.И. Замотин считал, что в оценке трагедии нужно держаться в данном случае середины, то есть с одной стороны нельзя, подобно современникам Княжнина, видеть в этой трагедии открытый протест против монархического правления и прославления свободной республики, с другой – нельзя ее считать совершенно невинной, напротив: нужно приписывать автору некоторые симпатии идеалу политической свободы в ущерб идее просвещенного абсолютизма.²⁷

Сторонником версии о монархическом пристрастии Княжнина был Г.В.Плеханов.²⁸

В советском литературоведении тоже нет единой точки зрения на этот вопрос. М.О. Габель считала пьесу «живым политическим трактат-памфлетом», вышедшим из среды, оппозиционной екатерининскому самодержавию и скрытым под формой трагедии. Княжнина она считала сторонником аристократической фронды.²⁹ С опровержением выступил Н.К. Гудзий. Дав отповедь политизированному анализу статьи Габель, он поддержал точку зрения Г.В.Плеханова.³⁰

Г.А. Гуковский, анализируя трагедию, пришел к выводу, что Вадим – республиканец, ненавистник тиранов. Он блюстител вольности, свойственной его родине, и он добивается не новых форм правления, а сохранения того, что принадлежит Новгороду по праву и по традиции.³¹

Отбрасывая полустолетний спор, как ведущийся не совсем по существу, Д.Д. Благой видит решение проблемы не в том, чтобы выяснить, что хотел сказать автор, но в том, что *сказалось* им в трагедии. В Вадиме Благой видит первого революционера-республиканца, представленного в русском театре.³² Избегая прямой оценки, Ю.В. Стенник пишет: «При всей тираноборческой окраске идей «Вадима Новгородского» вряд ли можно усматривать в трагедии прямую оппозицию екатерининским установкам. Однако княжнинский Вадим – одиночка, лишенный поддержки народа, за вольность которого он хочет отдать свою жизнь. И соответственно Рурик – это не узурпатор, а законно призванный народом справедливый и мудрый властитель, установивший порядок и спокойствие в уставшем от раздоров Новгороде».³³ В предисловии к сборнику произведений Княжнина Л.И. Кулакова называет пьесу полемичной от первой до последней строки, несмотря на то, что восторженная характеристика, данная Княжнинным Рюрику, дает повод говорить о прославлении автором просвещенного монарха. Вряд ли Княжнин ставил перед собой цель стать оппонентом императрицы: это было небезопасно, и он, обласканный властью, не пошел бы на это.³⁴

Противоборство князя Рюрика, стоящего во главе многочисленного варяжского войска, и Вадима Храброго, поддерживаемого горсткой сторонников новгородской вольности, изображалось автором с позиций умеренного либерализма, – считает Ф.Я. Прийма.³⁵ Сочувствуя отчасти позиции Вадима, автор оценивает его борьбу как исторически бесперспективную, хотя и пробуждающую в людских сердцах благородные чувства; трагедия заканчивается не только фактической, но и моральной победой Рюрика.³⁶

Как видим, трагедия Княжнина была предана сожжению, но не забыта. Кроме того, ее сюжет послужил основой для другой трагедии – «Рюрик» П.А. Плавильщикова.

Знаменитый актер и режиссер Петр Алексеевич Плавильщиков, который должен был играть Вадима в трагедии Княжнина, в 1786-1793 годах занимал ведущее место на петербургской сцене, а с 1787 года, после отставки И.А. Дмитриевского, служил инспектором придворной труппы. Кроме того, он был преподавателем риторики в Кадетском шляхетском сухопутном корпусе и в Горном корпусе, читал лекции по российской истории в Академии художеств.

В 1893 году он покидает Петербург. О причинах его переезда в Москву Жихарев, ссылаясь на *компетентных лиц*, писал: «Плавильщиков сопровожден в Москву, чтобы очистить место Яковлеву».³⁷ Сиротинин приводит другую версию: в 1793 году Плавильщиков потребовал у дирекции театра прибавки к жалованию. Князь Юсупов, с 1791 года занимавший это место, отказал, Плавильщиков подал в отставку и покинул Петербург.³⁸ Ежели принять во внимание события, происходившие тогда в Петербурге – дело о трагедии Княжнина, дело «книгопродавцев», закрытие журнала «Зритель», учредителем которого был Плавильщиков (кстати, два других соучредителя Клушин и Крылов тоже покинули в то время Петербург) – то можно предположить, что вероятной причиной переезда могла стать слишком беспокойная жизнь в северной столице.

Плавильщиков создал своего «Рюрика» в начале 1790-х

годов. История создания не ясна, можно полагать, что она была написана по заказу Екатерины, чтобы нейтрализовать впечатление от трагедии Княжнина. В пьесе Плавильщикова устами Пламиры, дочери Вадима, осуждается Вольность: «Везде славянами славянская кровь лиется / – Вот иго страшное, что вольностью зовется». Самым ужасным грехом автор признает властолюбие, гордость он называет «матерью злодейства».

В первый раз пьеса была представлена на сцене придворного театра в Санкт-Петербурге под названием «Всеслав» в 1791 году, и Плавильщиков играл в ней роль Вадима. В Москве она тоже ставилась: в 1794 году (9 и 12 февраля) и в 1803 году (11 сентября и 11 ноября). Впервые под названием «Рюрик» она издана в 1816 году.³⁹

В пьесе Плавильщикова имеется ряд прямых заимствований из трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», в том числе – почти одинаковый состав действующих лиц: у Княжнина это Рурик со своим наперсником, Вадим, его дочь со своей наперсницей, два посадника, у Плавильщикова – все те же, исключая одного посадника и обоих наперсников. Имеются совпадения и в сюжетных линиях. Однако, в отличие от пьесы Княжнина, у него нет ни слова о тиране-правителе, о свободе. Хотя для классицистического театра миграция сюжетов, тем, мотивов и даже переработка пьес предшественников была обычным явлением, но такое *преображение* трагедии, приговоренной к сожжению, явление очень редкое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание русских летописей. Т.9-10. Патриаршая или Никоновская летопись. М. 1965. С.9.

² Сочинения Императрицы Екатерины II. Т.2. С. 254 -256. Далее страница указывается в тексте.

³ Прийма Ф.Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. / На путях к романтизму. Л., 1984. С. 102. (Далее – Прийма, стр.)

⁴ Княжнин Я.Б. Вадим Новгородский. Трагедия. М., 1914. (Далее – Княжнин, стр.)

⁵ Сиротинин А.С. А.П.Плавильщиков, актер и писатель прошлого века. Очерк по истории русского театра / Исторический вестник. 1891. август. С. 424. (Далее – Сиротинин, стр.)

⁶ Пушкин А.С. ПСС. Т.6. Изд. АН СССР, 1937. С. 810.

⁷ Госархив, разряд VII. Дело о запрещенных книгах, картах и картинах. (Объяснение П.Я.Чихачева генерал-губернатору псковскому и смоленскому Г.М.Осипову от 1 января 1794г.) (далее – Дело о запрещенных книгах...)

⁸ Саводник В. Вадим Новгородский. Предисловие / Княжнин Я.Б. Вадим Новгородский. Трагедия. М., 1914. (Далее – Саводник, стр.); Стоюнин В.Я. Княжнин-писатель // Отечественные записки. 1850 Т.V (июль – август). (Далее – Стоюнин, стр.); Кулакова Л. Жизнь и творчество Княжнина. Предисл., коммент. / Княжнин Я.Б. Избранные произведения. Л., 1961. (Далее – Кулакова, стр.)

⁹ Стоюнин, 758.

¹⁰ Кулакова, 730.

¹¹ Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877. С. 381. Там же: Ч.V. С. 217-225. (Далее – Архив Воронцова, стр.)

¹² Кулакова, 730.

¹³ Записки Е.Р.Дашковой. Лондон, 1859. С.238

¹⁴ Архив Воронцова, 381.

¹⁵ Русская старина, 1871, № 6, С. 723-781.

¹⁶ Бестужев А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России / Полярная звезда на 1823 год. С. 11-29.

¹⁷ Воейков А.Ф. Искусства и науки / Вестник Европы. 1819. Т.104. № 8. С.252.

¹⁸ Клушин А.А. /Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. №8. С. 137.

¹⁹ Струйский Письмо о российском театре нынешнего состояния. Рузаевка, 1794. (Далее – Струйский, стр.)

²⁰ Струйский, 6.

²¹ Болховитинов Е. Начертание жизни Якова Борисовича Княжнина / Друг просвещения. 1804. ноябрь. С.6-7.

²² Саводник, V.

²³ Там же, XII.

²⁴ Стоюнин, 361.

²⁵ Там же, 756.

²⁶ Веселовский Ю. Идеальный драматург екатерининской эпохи: Княжнин и его трагедии / Литературные очерки. Т.1. М., 1900. С. 349-379.

²⁷ Замотин И.И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж. 1901. С. 30.

²⁸ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т.4. Петроград. 1918. С. 37.

²⁹ Табель М. Литературное наследство Я.Б.Княжнина /Литературное наследство. № 9-10. М., 1933. С. 363.

³⁰ Гудзий Н. Об идеологии Княжнина /Литературное наследство. Т. 19-21. М., 1935.

³¹ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 312.

³² Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1955. С. 331.

³³ Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1982. С. 108.

³⁴ Кулакова, 50.

³⁵ Прийма, 103.

³⁶ Там же, 104

³⁷ Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т.1. С. 199.

³⁸ Сиротинин, 425-426.

³⁹ Сочинения Петра Плавильщикова. Ч.1. СПб., 1816. На титульном листе трагедии сказано: «Сия трагедия представлена была в С.-Петербурге придворными актерами под названием «Всеслав», а ныне издается под тем названием, под каким она сочинена».

ничающее с отчаянием, и боль за свою Россию, я поняла – еще можно на что-то надеяться в этом страшном мире. А теперь вот – его стихи.

Мне редко улыбалось счастье встречи с многогранно одаренными людьми. Но, видимо, в награду за неискоренимую веру, порой наивную до глупости, в добро, в чистоту отношений, в невозможность предательства, Господь Бог послал мне «второго». Когда в редакции появился горделивый, самодостаточный, красивый Алёша Пианский, который принес с собой и многострадальность театра, и духовный трепет новгородской истории, и всепрощение, гра-

Тамара Сигалова

Алексей ПШАНСКИЙ

Матери

Среди дел разнообразных,
жизнь опутавших канвой,
подошел твой тихий праздник –
День рожденья светлый твой.

В нежных веснах, в бодрых зимах,
и вообще в другие дни
нету астр твоих любимых,
а сегодня – вот они;

и качается паденье
с ветки первого листка;
и по почте поздравленья
уж в пути наверняка;

солнце краски расплескало,
туча дождик унесла;
стол накрыт, полны бокалы,
те же гости у стола, –

те же добрые приметы,
сплошь морочащие нас.
Лишь тебя сегодня нету.
В День рожденья. В первый раз.

22 августа 1999 года

От разрухи и разброда,
от идейных и идей,
от несчастного народа
и предателей-вождей,
от новейших и от бывших,
от сорвавших жирный куш,
от продавших и купивших,
от воров и от кликуш –
убежать бы Робинзоном,
не вникая и не вздора,
после гроз дышать озоном
над безбрежной гладью моря,
проливать о близких слезы
на далеком острове,
где лишь рифы, пальмы, козы,
да ракушки на песке;
или в дали неизвестной,
там, где солнце закатилось,

погрузиться прямо в бездну
на подложке «Наутилус»;
или скрыться в гавань Лисса –
поглазеть на бриг «Секрет»;
или с маленькой Алисой
провалиться в дивный бред;
или, явь развевя включая,
взять рождественскою ночью –
да и взмыть верхом на бесе
в огневое поднебесье!

Картин причудливую смену,
любовь и слезы, ложь и страсть,
из жизни тащим мы на сцену,
и там доигрываем всласть.

И все на сцене повторится,
интрига сказки не нова:
и та же боль, и те же лица,
и те же роли и слова,

развязка так же неизбежна,
и так же мрачен смысл ее,
и даже имя – так же нежно,
и так похоже на твое.

ГАЛИЧ

Д. Журавлеву

Зачарованным взорам открылось
не село невеликое – Крылос –
а такое, что, может быть, снилось
в смутных, прошлое помнящих снах:
как над кровлями тихой деревни
распрямялся могучий и древний,
буйный, гордый, загадочный Галич
на крутых неприступных холмах.

Стен дубовых суровые клетки
будто сбросили восемь столетий,
будто встали славяне былые
из поросших веками могил –
и не рушили храмы святые
беспощадные орды Батыя,
и еще не оставил Россию
православный король Даниил.
Вечным сном над заречной долиной
богатырь поживает былинный.

Прошумели ветрами столетья,
и преданья былшем поросли,
но закроешь глаза – и увидишь:
как из озера сказочный Китеж,
над холмом поднимается Галич
бранной славою русской земли.

Если б мы самим себе не ввали
языком надуманной морали –
мы б с тобою драму не играли
там, где место светлой пасторали:
мы бы своего достигли рая
весело, уверенно и просто,
если б, жарко спектрами играя,
правильно легли на небе звезды;
если б в нашей глупости безмерной
знали мы, кого теперь винить;
если бы могла понять ты верно,
что не смог я верно объяснить;
если б знать, что берег наш не зыбок,
достигим, и даже неминуем;
если б опыт скуки и ошибок
не мешал ни снам, ни поцелуям;
если б грезы юности воскресли,
чистые, как солнце на росе...
Между нами сорок тысяч «если».
Шаг – и переступим через все!

Видно, близка Россия
только лишь до поры вам...
Горький позор бессилья
множится каждым взрывом,
каждым ракетным пуском
с их пресловутых баз...
Стыдно быть нынче русским.
Сербы, простите нас.
Дьяволы клеветы
взялись за дело круто:
вашим домам – ракеты,
нашим ворам – валюту;
так что пора настала,
так что пришли деньки:
вам – разбирать завалы,
нам – утирать плевки.
Пепел пожаров стынет,
смерть над страной виснет.
Что им славян святыни,
храмы, мосты и жизни?
Принстон, хваленый Гарвард –
все это праздный звон:
с Запада лезет варвар,
и беспощаден он.
Стоит ли ждать иного? –
нет вам друзей (а были ж!)
Косову Полю снова
нужен твой меч, Обилич!
Меч, а не перегрузки
от лицемерных фраз.
Стыдно быть нынче русским.
Сербы, простите нас.

Апрель 1999

Нельке

Зелень пятнами латая,
рябь в сознание от которых,
катит Осень Золотая
по земле хрустящий ворох,
монотонно, без запинки
дробь по зонтику стучит,
да пускает в паутинки
солнца редкого лучи...
Нам ли лета не хватило?
Нам ли шуму не довольно?
Вот и Осень накатила,
неизбежна и привольна;
и в пейзажах, напоенных
теплотой осенних слез,
краше золота на кронах
серебро твоих волос.
Фейерверк кленовых вспышек
жжет невзгоды – не твои ли?
Нам, конечно, Осень спишет
все, что летом натворили,
утолит тоску-кручину
всем причинам вопреки,
уберет со лба морщины
и слезинку со щеки;
и, подбив вчерне итоги,
влажной, теплою рукою
поведет в свои чертоги,
в мир простора и покоя,
где ни ханжества, ни вздора,
ни тревоги на уме.
А зима еще нескоро:
не печалься о зиме.

Мы опять бредем по бездорожью –
ни тропы, ни цели, ни межи:
между старою и новой ложью
тоже вряд ли истина лежит;

то бредем с хоругвью, то с наганом,
то под блеск пожаров, то свечей, –
балаган остался балаганом,
лишь шуты сменили палачей.

Узкая тропа пути не срежет,
ибо нет пути и нету вех,
лишь обещанный зубовный скрежет,
да на плач похожий глупый смех.

Молимся, юродствуем, гадаем –
чья тут боль? чья правда? чья вина?
Бьется меж Европой и Китаем,
мечется безумная страна.

И опять решения нет вопросам,
и опять шаманит большинство.
Но узнаем или камень бросим,
если Он появится, в Него?

И какая выдержит осина
разом тяжесть всех твоих иуд?
Нет пути. Куда же ты, Россия?
В чем твой крест? Кого опять распнут?

Ирина НАЗАРОВА в Новгороде с 1993 года. Работала на кафедре иностранных языков Института медицинского образования, сейчас – аспирантка кафедры зарубежной литературы Гуманитарного института НовГУ. Завершает работу над диссертацией «Лирика Йозефа фон Эйхendorфа». Тема для Ирины не только не случайная, но, можно сказать, творчески выстраданная: академическим штудиям предшествовали переводы. Прекрасно владея немецким языком и всю жизнь читая любимых поэтов Германии XIX века в оригинале, она лишь несколько лет назад рискнула попробовать переводить сама. Дело оказалось страшно увлекательным, а главным предметом внимания, если не сказать страсти, скоро стал именно Йозеф Эйхendorф, тонкий духовный лирик, почти не переводившийся у нас...

Собственные стихи Ирины, темпераментные и яркие, печатались в журнале «Север», не раз звучали по областному радио. В 1995 году в Москве вышла ее первая (и пока единственная) поэтическая книга, в которой, кстати, представлены и несколько переводов. Но столь представительная подборка переводов Ирины Назаровой публикуется впервые – это, по существу, ее настоящий дебют в качестве поэта-переводчика. Дебют, с которым, мне кажется, ее можно поздравить.

Руслан Дериглазов

Ирина НАЗАРОВА

«МОЯ ВЛЮБЛЕННАЯ СУТЬ»

От переводчика

Имя Йозефа фон Эйхendorфа почти незнакомо широкому кругу любителей поэзии в нашей стране. Современник Арнима и Брентано, братьев Шлегелей и братьев Гримм, Гофмана и Клейста, Эйхendorф стоит несколько особняком в этой блистательной плеяде немецких романтиков. Исключительно лиричный, он относится к числу самых любимых поэтов немецкого народа, который доселе поет песни на его стихи, забыв имя их автора. Музыку к его стихам писали Шуман, Шуберт, Мендельсон, Брамс и многие другие композиторы.

Муза Эйхendorфа, синеглазая и златокрылая, постоянно удерживала его между небом и землей. Поэт жил на земле, едва касаясь ее.

Родился барон Йозеф фон Эйхendorф, отпрыск древнего силезского рода, 10 марта 1788 года в живописном родовом поместье Любовиц близ Одера. Природа, которая окружала мальчика в детстве, навсегда осталась его Иппокреной. Родители Йозефа, строгие католики, дали детям прекрасное воспитание, которое стало решающим фактором в формировании мировоззрения будущего поэта.

Писать Эйхendorф начал рано. В десятилетнем возрасте, находясь под впечатлением от книг по римской истории, он написал трагедию в нескольких актах; большая часть поэтических опытов гимназиста Эйхendorфа была веселого содержания и предназначалась для гимназического еженедельника «Вохенцайтунг».

Первый настоящий успех пришел к нему в 1808 году, когда поэт впервые опубликовал свои стихи под псевдонимом Флоренс. В это время Эйхendorф писал одному из друзей в Гейдельберг: «Прекрасное время года и воздух родины вновь оказывают на меня свое волшебное действие. Сердце открыто и полно надежд, все радует глаз, серьезная вера освежает все мое существо, моя суть, я бы даже сказал, моя влюбленная суть есть непреходящая юная красота жизни. Моя единственная просьба к Богу: дай мне в полной мере быть тем, кем я могу быть». Судя по всему – Бог услышал его...

Эйхendorф очень остро переживал унижительное положение своей родины, оккупированной войсками Наполеона, поэтому сразу же откликнулся на призыв кайзера и отправился добровольцем в действующую армию на борьбу с узурпатором. При этом он поступил блестящей карьерой в Вене, отложил долгожданную женитьбу на Луизе фон Лариш и расстался с любимым братом Вильгельмом, с которым его связывали не просто

кровные узы, но и духовное родство...

Для Эйхendorфа не существовало понятия возраста, а стремление к совершенству было поистине неистребимым. Владея французским, английским, итальянским, польским языками, в 48 лет он берется за изучение испанского. Результатом этих усилий стали переводы с испанского, причем, помимо стихов, Эйхendorф перевел 11 духовных пьес Кальдерона.

Революционные события в Германии 1848 года на некоторое время выбивают писателя из колеи. Эйхendorф вообще считал революции бедствием, катастрофой, карой небесной. Это и понятно, ведь он был человеком искренне и глубоко верующим, поэтому и большинство художественных образов его творчества строятся на религиозных ассоциациях. Вера в Бога была естественным состоянием его души. Эйхendorф, пожалуй, единственный из романтиков сохранил до конца своих дней божественный огонь в душе, который освещал ему путь, ограждая от сомнений и бесплодных терзаний в отличие от многих его знаменитых современников.

Поэзию Эйхendorфа упрекают в том, что в ее чудесном мире всегда весна, нет ни зимы, ни долгих дождей, а его любимцы – бездельники и счастливые рыцари. Что же значит эта поэтическая мечта в наше время? Дело в том, что поэзия Эйхendorфа противостоит возрастающей опасности: мир не только внешне, но и внутренне все больше превращается в огромный рабочий дом. Поэт же хочет сказать, что мир – это не только поле труда, а человек предназначен не только для работы, но что он – создание Божие и живет в мире, созданном Богом. Эйхendorф постоянно напоминает нам, что человек – творец от Бога, что человек рождается крылатым, но со временем утрачивает способность летать в силу лени, непонимания или нежелания понимать, позволяя тем самым рутине и суете властвовать над собой...

Ни у кого из тогдашних романтиков, на мой взгляд, нет такой чистой, светлой, целомудренной и ясной лирики. Эйхendorф верил во внеземную гармонию, которая утешала и успокаивала его. Возможно, круг поэтических интересов Эйхendorфа не слишком широк, но он тонко чувствует природу, его образы исполнены неизъяснимого очарования и тепла. Убедитесь в этом сами.

Йозеф фон ЭЙХЕНДОРФ

Но что б ни делал человек,
Пытаясь взмыть в эфир,
Его не выпустит вовек
Безумный этот мир.

1815

СЧАСТЬЕ ПЕВЦА

Осенью приходит в запустенье
Вся природа, изменяя лик.
Волшебства смягчает разрушенье
И прощанья горестного миг
Лишь поэт, который вдохновеньем
Роскошь угасания постиг.
Свято сердце, чьим воображеньем
Свет красы бессмертен и велик.

1822

Из цикла «Жизнь певца»

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Срывается с небесных круч
Звезда звезде вослед;
Над миром дрогнул первый луч,
Предчувствуя рассвет.

Туман клубится на лугах,
Умолк веселый бал,
Сад радостей земных зачах,
Мертвы, - кто там бывал.

Восходит солнце над землей
Из глубины морей,
Все легкое беря с собой,
Весь гнет оставив ей.

Душистость зелени лесной
Подъемлется в горах,
Тщеславье роскоши пустой
Низвергнуто во прах.

Долин, в кольце прозрачных вод,
Раскинулся ковер,
Сверкает, дышит все, поет,
Куда ни бросишь взор.

И человек, из царства снов
Освобождаясь, рад,
Что в этом лучшем из миров
Не кончен маскарад.

Вот и берется за труды
Под общий шум и гвалт,
Бросаясь в бездну суеты,
Где рядом стар и млад.

Спокойно солнце проплывет
Над счастьем и бедой,
И к тихой славе повернет
Путь неусыпный свой.

Из цикла «Романсы»

ОБ АНГЕЛАХ И МАЛЬЧИКАХ

Весной ангелочки слетелись
Понежиться в мягких лугах,
И крылышек чистили прелесть
В сияющих солнца лучах.

Тут аисты их окружили,
И каждый по ангелу взял,
И к людям тотчас поспешили,
Ко всем, кто прилета их ждал.

Куда ни явился бы аист,
В чью дверь ни стучался бы он, –
Все радостно там оживлялись,
Уж так повелось испокон...

Что ж ангелы? Плачут, смеются,
Что с ними стряслось, не поймут.
Там, впрочем, одни – обживутся
И бодро по жизни пойдут,

И важность напустят на лица,
И станут на редкость умны,
Начнут они крыльев стыдиться,
Которые им не нужны.

С потерей обузы крылатой
Взлететь уж, конечно, никак –
Не слишком большая утрата,
Практичнее брюки и фрак.

Разумным их мнение будет,
Появится спеси налет... –
То будут приличные люди,
Снискавшие вес и почет.

Другим – неуютно и тесно,
И вечный им грезится май,
И ангелы из поднебесья
Зовут их в утраченный рай.

Луга свои в синем просторе
Мечтают они отыскать,
И рвутся с тоскою во взоре
В заоблачную благодать.

Взмывают они отрешенно
В безбрежный пурпурный рассвет,
Парят над землею зеленой, –
Ах, где он, божественный свет?

Но Божие Царство закрыто –
Земной не закончился круг.
Блуждают они как пииты,
Томясь от желаний и мук.

Срок с жизнью настанет проститься –
На землю Небесный Отец
Сойдет – препорученных птицам
Детей соберет, наконец.

И тех, что летать разучились,
С Собою не сможет Он взять –
О душах бескрылых кручинясь,
Внизу их оставит лежать.

Другие ж – с алмазной зарею,
Ликуя, взлетят в небеса,
Куда их в жилище родное
Собратьев зовут голоса.

1824

ИСКАТЕЛЬ СОКРОВИЩ

Пока леса дремали,
Он принялся копать.
Клад горы охраняли,
А он пришел отнять.

В тиши ночной печально
Хор ангелов звучал.
Подмигивал, нахально
Краснеющий металл.

«Мое! Мое!» – поспешно
Глупец возликовал.
И тут во тьме кромешной
Его накрыл обвал.

Раздался хохот дикий
Из пропасти в горах.
И ангелы притихли,
Горюя в небесах.

1834

МАЛЬЧИК

У мальчика птичка в неволе жила
Любимицей, пойманной в сети.
И досыта ела, и вволю спала
В своей позолоченной клетке.

Хор птичий снаружи поет да поет,
Беспечно порхая по веткам, –
Затворница наша все дни напролет
На мальчика смотрит из клетки.

Когда же весна забурилась опять,
И грезами все задышало, –
Тут мальчик почувствовал, как тосковать
По солнцу любимица стала.

Из клетки он бережно пленницу взял
И вынес из дома на волю –
И с ношей бесценной своей зашагал
Печально в широкое поле.

Она примостилась к нему на ладонь,
Волнуется от нетерпенья,
Искрится, играет, горит как огонь
На солнце ее оперенье.

Навстречу чудесное пенье звучит,
Слетаются разные птицы, –
Так сладко влечет, так призывно манит! –
Как сердцу в ответ не забиться.

Услышала птичка: «Лети к нам, лети!»
Расправила крылья неловко.
Ах, нет, от соблазна уже не уйти –
И прочь упорхнула плутовка.

Вздыхая, побрел одиноко чужак,
Едва постигая утрату:
«Любовь, ах любовь! Ты прекрасна и так,
Зачем ты вдобавок крылата!»

1837

Из цикла «Духовные стихи»

ОБРАЩЕНИЕ

Полный неги душный воздух,
Ты меня не опьянишь!
В золотых доспехах звезды
Озаряют светом тишь,
Круг извечный совершая –
Остаются на посту –
Над землей, где ты блуждаешь, –
– Слава Господу Христу!

Но под свежим дуновеньем
Ветра утреннего сад
Вскоре чары сновиденья
Отряхнет, и в аромат
Взмост жаворонок первый
По небесному мосту,
Песней путь укажет верный:
– Слава Господу Христу!

1818; 1837

ОТШЕЛЬНИК

О ночь, утешение мира! Свой взор
Яви, осторожно вздымаясь меж гор.
Все ветры в порту задремали.
Лишь Господа славит усталый моряк –
Закатная песня струится во мрак

Над морем в бескрайние дали.
Года облаками плывут в вышине.
А я одиноко стою в стороне,
Меня обрекли на забвенье.
Тутходишь ко мне чародейкою ты,
Когда еле слышно трепещут листы
И я погружен в размышленье.

О ночь, утешение мира! Меня
Измучило бремя минувшего дня.
Безбрежное море темнеет.
Дай мне передышку от счастья и бед,
Покуда сияющий вечный рассвет
Леса пронизав, не зардеет.

1837

БОЖЬЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Дитя уснуло сладко,
Ночь за окном шумит,
И Ангел у кровати
Покой его хранит.
Стоит, не шелохнется;
Чтоб охранить от бед,
Поцеловать нагнется –
И прочь летит чуть свет:
Дитя во сне смеется
На поцелуй в ответ.

1837

В СТАРОСТИ

Какая тишь над миром воцарилась!
Лишь в детстве я такую ощущал...
В пустынный сумрак реки устремились
Беззвучными потоками со скал.
Едва слышны вдали пастушьи песни,
Вечерний перезвон колоколов
Доносится из деревень окрестных.
Отяжелев в объятьях сладких снов,
Долины на прощанье заблестели.
За тихим лесом, оставляя след,
Вершины в горных кручах багровели,
Как – вечности пылающий рассвет.

1839

Из цикла «Песни странника»

УКАЗАТЕЛЬ

– Ступай, куда укажут,
Лесть не считай за труд,
В добыче будь отважен –
Глядишь, и чин дадут!

– Благодарю, учитель!
Но я хотел бы знать,
В Небесную обитель
Как путь мне отыскать.

1837

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Прощай, земля! С ненужной суетою
Поглотит море бедность, счастье, страх.
Тщеславие здесь ничего не стоит,
Свободен я и в мыслях и в делах.
Какая тишь! И не окинуть взором –
Что виришь, что ввысь – бескрайние просторы.

Созвездья, облака являются и тают,
В зеркальной отражаются воде,
Внизу, вверху – сплошь облака блистают,
Я посредине в крохотной ладье.
Всевластен Бог, и я Ему вверяюсь:
Пусть грянет буря – я не испугаюсь.

1840

Из цикла «Весна и любовь»

ВЕЧЕРНИЙ ЛАНДШАФТ

Играет пастух на свирели,
И слышится выстрел вдали.
Что ветви недошелестели,
Потоки в луга унесли.

И только полоска заката
Играет за дальним холмом.
Как хочется стать мне крылатым,
В просторе парить голубом!

1837

ВРЕМЯ ТАК БЫСТРО ЛЕТИТ

Прелестная пташка, меж веток цветущих
Тебя разглядеть мудрено!
Поёшь, захмелев от весны всемогущей,
Хоть сумерки пали давно.
Пылают деревья сквозь дымку заката,
Ручей серебристый блестит,
Искрится долина, сияньем объята.
А время так быстро летит.

И вскоре, конечно, листву потеряет
Раскидистый лес, а затем
Поблекнут цветы, – и земля, увядая,
Покажется старой совсем.
И бодро бегущий ручей понемногу,
Закованный в лед, замолчит.
А ты расправляй свои крылья в дорогу –
Ведь время так быстро летит!

1854

ПАРОДИИ ПО СУЩЕСТВУ

Пародийный жанр ныне цветет пышным цветом. В особенности на телевидении. Литературные пародии же – в загоне. Там же, где и сама литература. Надеюсь, что временно.

Поэтические пародии до революции были сугубо дружескими подражаниями, такими похлопываниями по плечу. После революции появилась насмешка. Ее усиленно разрабатывал и довел до язвительного совершенства Александр Иванов. При нем пародия стала вариантом эпиграммы. Неся очистительную, санитарную функцию.

Пародия-насмешка должна бить по существу. Во всех смыслах последнего слова. Для такой пародии становятся неважными фамилия автора и время написания исходных строк. Ведь пороки человеческие извечны...

Владимир ИСАКОВ

«РЕПКА» И КНИЖКА

*Слова порождают слова.
Так нижется скрепка на скрепку.
Из слова рождается два
По принципу: «дедка за репку».*

Николай Хатунцев

Слова пожирают слова! –
Почудилось мне на досуге.
Из двух остается едва
Одно лишь словечко...
О муки!

Безмолвно, в ужасной тоске
Смотрю, как слетает со скрепки
Бумага... Но вот на листке,
Последнем листке вижу: «репка»!

Схватился я крепко за «репку»
И вытянул «дедку», за «дедкой»
Я вытянул «бабку» и «внучку»,
За «внучкой», естественно, «Жучку»,
А там уже «кошку» и «мышку»...
И вскоре за книжкой книжку!

Слова порождают слова! –
Вот мысль в изложении редком.
Зачем же теперь голова?
Есть «репка»!

Я И «Я»

*Я для тебя, пусть близкое, но «ты»...
А для кого-то мы с тобой «они»...
Я – «он», а ты – «она»...
Попробуй, раскопай любое «мы» –
и вылезут... бесчисленные «я», в себе тая
еще по несколько различных «я».
Ступай, развориши любое «вы»...*

Мансур Векилов

Здесь истина не каждому видна:
когда я – «он», то ты тогда «она».
И правила мышления не забыты:
то мы – не «мы», то немые, то не-мы-ты.
Когда же я-не «я», не «ты», а «он»,
то нас, таких ничтожных, мы-вы-он!

Но вот начну себя я ворошить –
полезут «я». Теперь уж можно жить!
Тогда начну, пусть больно, но копать
и вспомню то свою, то вашу мать!

О, «я»! И «я», и «я»! И «я», и «я»!
И «я», и «я»! Родные все, семь-я!
Я вас не знал, с собою не шути я!
Да, я – есть «я» и чуточку вы-ты-я!

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

*На ветке тишины
Висят воспоминанья.*

Сергей Курганов

Глубокой немотой
Опять застыло слово.
Сорвалось бы – и то,
В том не было б дурного!

Но нет, нельзя, увы,
Вести здесь тары-бары.
Молчат среди травы,
Склонившись, мемуары.

Не слышно ни «апчих»,
Ни «тпру», ни «гули-гули».
Насупились стихи
В почетном карауле.

Здесь нет ничьей вины.
Лишь скорбное страданье:
На ветке тишины
Повесилось изданье.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ РАЗГОН

*Я гнал его: крутилось колесо...
Когда же вырос я и спохватился,
Мой обруч получил такой разгон,
Что долго впереди меня катился.*

Анатолий Передерев

Вновь спохватился по пути домой...
Привычно колесо опережало,
И поддавало газу на прямой,
На поворотах тормозом визжало.

Уж думал не успею, обречен...
Но скорость потихоньку нарастала,
И в результате получил разгон
В редакции солидного журнала.

– Куда вы с этим транспортом в час пик! –
Сказал редактор желчно. – Докатились!
И вообще, скажу я напрямик,
Вы выросли! Но поздно спохватились!

КАКИМ Я БЫЛ...

*Я и сам оступался
В жизни, часто притом.
Как же вдруг оказался
я тогда за бортом?
Хоть пловцом был умелым,
понял вдруг, что тону.*

Дмитрий Дадашидзе

Хоть пловцом был отменным,
смело прыгал в волну,
все же я непременно
на глубинке тонул.

Хоть певцом был способным,
пел, не зная греха,
часто звуком утробным
я «давал петуха».

Был поэтом умелым,
слово было – с руки.
Как же вдруг между делом
не создал ни строки?

Я собой оставался!
В жизни! Часто притом!
Столько раз оступался,
что живу за бортом!

ТАКАЯ ГОЛОВА

*Вот облако отвесило поклон.
Совсем как за окном. Такой же. И такое.
Такой же голый тополь. И такой
скворец на нем... Такая же ворона...
Все вверх тормашками! Глядишь – и голова,
хоть все и так, а чуточку кружится.*

Игорь Инов

Уж сколько лет спокойно я живу.
Созвучия давно текут рекою.
Но вот ко мне пристали наяву:

– Скажите, Инов, что-нибудь такое!

– Такой, как я, быть может не такой,
какой поэт вам зачастую нужен.
Но мой такой талантливый покой
таким, как вы, не должен быть нарушен!

В ответ – кулак такой! И под щекой!
Такая строчка тут же... не сложилась!
А в голове моей, такой-сякой,
хоть все и так, но что-то закружилось...

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

... опушенные пушком.

Вячеслав Зайцев

Я по улице по той,
Оснеженной снегом,

Я по улице пустой
Разбежался бегом.

Но фонарный столб задел,
Черт возьми, при этом,
Полетев, я полетел,
Освещенный светом!

Понял, смиренно присмирив:
Столб – судья мой строгий!
Боль презрительно презрев,
Стал читать я строки.

А пока я их читал,
Вдруг прошел прохожий.
Как услышал, так и стал...
Сила слова все же!

РОМАН И ГОРН

*А ты ждала, звала и заклинала
Затеять спор с нескладною судьбой.
И стало ясно, чем ты рисковала!
Я вскинул горн и затрубил отбой.*

Сергей Курганов

Когда уже приблизился обед,
Услышал женский голос я: «Простите!
Но вы со мной покушать не хотите?»
Я вскинул горн и протрубил в ответ.

Поели с удовольствием вдвоем.
Я засыпал. Она ж заголосила
И, резко встав, на танец пригласила!
Я вскинул горн и затрубил подъем.

Мы танцевали плохо, вразнобой.
Она, как видно, вовсе не устала:
На ухо мне такое нашептала!
Я вскинул горн и затрубил отбой.

И в позу встал я, неприступно горд.
Вдруг слышу: «Хоть вы носом и клевали,
Хочу я, чтобы вы поцеловали!
Но только, я прошу не через горн!»

ПОЭТ И СОВЕТ

*Погладь ладонью подорожник.
Погладь, погладь, не прекословь –
Он первой степени помощник,
Когда течет людская кровь!*
Олег Дмитриев

Поэт порою то погладит,
Что для другого трын-трава,
И тотчас же внесет в тетради
Проникновенные слова.

Не прекословь, поэт, послушай:
Бери, выдумывай, твори,
Погладь листок, сорви, покушай,
Но никому не говори!

Но если же, прошу заметить,
Те строки в книгу занесет,
То можно так тебе ответить –
И подорожник не спасет!

ГРЕХ И СМЕХ

*И показалось мне, что Пушкин
С улыбкой на меня взглянул.*

Варвара Константинова

Пришла я к Пушкину с докладом.
Мол, так и так, и я грешу.
Грешу, быть может, как не надо:
И днем и ночью все пишу.

Но я пишу с прицелом дальним.
Желаю я ценой любой
Числом прижизненных изданий
Хотя бы равной быть с тобой.

И вот сейчас близка к успеху...
Тут Пушкин острый взгляд метнул
И с легким благородным смехом
Рукою на меня махнул!

РОКОВОЕ СЛОВО

*В косматой шкуре – он глядел сурово.
Однажды он единственное слово
Почти членораздельно произнес...
Пустой с охоты он пришел тогда.*

Александр Халдеев

Однажды повстречал я троглодита.
Меня он за рубашку потянул
И, промывав невнятное сердито,
В глаза мне с интересом заглянул.

Тут я ему:
– Мычи членораздельно!
Пусть это дело будет непростым!
Начни со слова и работай сдельно –
Тогда уж точно не придешишь пустым!

На низком лбу тотчас надулись вены.
Он слово заорал, что было сил!
И тут же мне, от радости наверно,
На голову дубину опустил!

КОГДА Я – ПОЭТ

*Нет, не могу не опьяниться
Твоей походкой, взглядом, робостью.
И опьяненный влагой глаз...
И понял я – как трезвость гибнет
И как рождается поэт.*

Вячеслав Зайцев

В тот день опять я был поэтом...
Сначала около двери
Был опьянен твоим портретом,
Что интересно, изнутри.

Ты подошла ко мне, вздохнула,
А я в ответ тебе, мол, что?
И так ты взглядом полыхнула –
Я опьянился. Грамм на сто.

Потом не раз, идя до дому,
В глаза твои смотрел до дна
И набирал упорно норму.
Осталась рюмочка одна.
Но вот мы двинулись дуэтом,

Твою походку повело,
И в тот момент я стал поэтом!
Но отключился... Как назло!

ПРОСЧЕТ

*Месяц, как ишак ушастый,
Тащит ночи звездный воз...
Я искал в тебе участия –
Сердце не отозвалось.*

Сергей Поликарпов

Я искал в тебе участия,
Не сдавалась ты во тьме.
Чтобы все ж сложилось счастье,
Я сложил стихи в уме.

– Месяц, как ишак ушастый, –
Так я начал свою речь.
Но услышал вдруг:
– Ужасно!
Уберите руки с плеч!

ЛЕСТЬ И МЕСТЬ

*Какой я художник?
Не надо, не лги.
Я – просто сапожник,
Я шью сапоги.*

Владимир Кафаров

– Сапожник! – кричали,
А кто-то свистел,
Когда в кинозале
Я скромно сидел.

Не стал я лениться
И, славу кланя,
Привстал поклониться
Узнавшим меня.

Но кто-то из мести
Сказал:
– Гражданин!
Сидите на месте,
Ведь вы не один!

НА ПОВЕРХНОСТИ ЛЮБВИ

*Мы сидели визави,
Наши души спавили.
На поверхности любви
Поцелуи плавали.*

Сергей Курганов

Как остались тет-а-тет,
Воспылал охотно я!
Я, поверхностно, эстет,
Но в душе – животное!

По поверхности любви
Страсти наши спавили...
Ну и сели визави,
Как постель заправили.

Андрей Борисович Рискин – исконно русский офицер, из той еще оставшейся (местами) когорты, которая свято хранит традиции, которой небезразлична честь мундира равно как и своя собственная честь, кто верен слову и долгу и исключительно галантен с женщинами. Все это не мешает Андрею быть своим в доску флотским парнем, оптимистом и балагуром, которому рады в любой компании и с которым хоть в кабаке, хоть в разведку: не подведет. По образованию Андрей Борисович офицер артиллерийского вооружения и журналист (он закончил Калининградское высшее военно-морское училище и факультет журналистики Латвийского госуниверситета). 22 года прослужил на кораблях и в частях Балтийского Флота, так что флотскую жизнь он знает не понаслышке: предлагаемые вам сегодня истории – результат его многолетнего общения с командами сторожевого корабля «Туман», морских тральщиков «Марсовый» и «Дмитрий Лысов», гидрографического судна «Линза», на которых он бороздил просторы Балтийского, Северного, Средиземного морей и Атлантического океана. Насмотревшись на очертания заграничных берегов на экране радиолокатора, уволился в запас в звании капитана второго ранга. В 1995 году он с семьей приехал в Новгород, работал политическим обозревателем в областной газете «Новгородские Ведомости», в настоящее время является собственным корреспондентом «Независимой газеты» по Новгородской и Псковской областям.

Татьяна ШИПАНОВА

Андрей РИСКИН

ЛЮБИШЬ МОРЕ — СМОТРИ С БЕРЕГА

По ночам мне по-прежнему снится служба. Причем, как ни странно, корабельная. Странно это не только потому, что я давно уже военный пенсионер, но и потому, что после семи лет корабельной службы не один год «табанил» на берегу. Пусть и не в штабе.

И снятся мне корабли. Доблестный наш «полтинник» «Туман», давно уже пущенный на иголки на липайской судорезке, мой первый тральщик «Марсовый», проданный в далеком 81-м другу Муаммару Каддафи, нежно любимая «Линза», затонувшая от старости у стенки в Балтийске, наконец, морской тральщик «Дмитрий Лысов», и поныне, вроде бы, бороздящий просторы Финского залива.

Говорят, фронтовики «снова просыпаются на войне». А я во сне продолжаю служить. Все снится мне пожар вспомогательного котла на уже упомянутом сторожевике «Туман» в одну из новогодних ночей. Просыпаюсь, взмокнув от страха, когда снится мне отходящий от стенки «Лысов» - мы тогда с командиром, дав «шестерку», забыли отдать носовой швартов. Или зайдется ходуном сердце от сна, в котором «Марсовый», как это уже было в той жизни, чуть не впаялся из-за тумана в стоящий на якоре сухогруз водоизмещением эдак тонн тысяч на 40...

Мне уже за сорок. И службу днем я вспоминаю только во время застолья о друзьями, тоже офицерами флота. И только о юмором.

Если все истории, происходящие на флоте, записывать, получится собрание сочинений подстать ленинскому. Но полным оно не будет, так как флот жив и живет до тех пор, пока на нем есть люди, не потерявшие чувства юмора. Не случайно же столь популярна среди военных моряков поговорка: «Не слу-

жил бы я на флоте, если б не было смешно!»

Тем более что смешно всегда. Причем за примерами далеко ходить не надо. Каждый, прослуживший на флоте хотя бы месяц, расскажет их вам с добрый десяток. И что самое удивительное: какими бы невероятными ни показались вам флотские байки, они все основаны на подлинных фактах. Ну, может быть, малость приукрашенных ради большей стройности сюжета. Как, например, вот эта...

ИМИТАТОРЫ

Случилось сие событие в тысяча девятьсот за-тертом году. На острове Русский, входящем в зону ответственности Тихоокеанского флота и расположенном, надо заметить, довольно-таки далеко от Большой земли. Так далеко, что различные комиссии и инспекции вышестоящих штабов посещали этот забытый Богом и начальством уголок крайне редко. Так что не удивителен факт несколько халатного несения дежурно-вахтенной службы личным составом расположенного на острове дивизиона кораблей.

А тут на флоте ЧП очередное произошло. Что-то где-то там то ли рвануло, то ли просто медленно сгорело. Естественно, волна пошла. И, как водится, тут же: «В соседней деревне сломалась телега, всем сменить оси...» Комиссии по взрывопожаробезопасности заработали, до самых низов снизошли.

А группа очень серьезных и ответственных товарищей направились на упомянутый остров. Ясное дело, раз на остров, то на катере. Шли полным ходом и к утру тихонечко так, без лишнего ажиотажа, пришвартовались к ближайшему борту - среднему десантному кораблю. Вахта, как водится, прохлопала

прибытие высокого начальства, так что на палубе ни души не появилось.

Тогда проверяющие, несмотря на солидность званий и некую грузность фигур, взобрались на борт СДК и установили на палубе обрез (тазик по-сухопутному) с солярой. Соляру, естественно, подожгли. Вот, мол, вам, ребята. Полнейшая имитация пожара - давайте действуйте. И такая в итоге получилась картинка: соляра горит, шлейф дыма низко стелется в предрассветном воздухе, и проверяющие на катере, притулившемся у борта корабля, поеживаясь от утренней прохлады, ждут от экипажа героических действий по борьбе с пожаром.

Ждать пришлось недолго. Минут эдак через десять вышел на палубу заспанный моряк, несколько секунд очумело смотрел на «очаг пожара», спокойно и без суеты пхнул обрез за борт и пошел досматривать очередной сон.

И все бы хорошо, да только обрез точнехонько накрыл катер и проверяющих. Соляра, конечно же, разлилась не только по членам высокой комиссии, но и, по причине высокой текучести, добралась до машинного отделения. Вот тут-то и началась настоящая борьба с пожаром...

Говорят, правда, что катер спасти удалось. Но это уже, впрочем, совершенно другая история.

ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ

Командующий Тихоокеанским флотом прибыл в Тимофеевку - тьму-тараканый гарнизон в полутысяче километров от Владивостока. «Тимоха» в простонародье. Тут женсовет на него налетел. Мол, так и так, начальник тыла, супостат такой, ни черта не делает, в доме за номером таким-то полный подвал, простите, дерьма, в доме и окрестностях дышать нечем.

Командующий, молча выслушав офицерских женок, стремительным шагом направился к злополучному зданию. От него действительно воняло. Поблудневший от предчувствия скорой вздрючки комбриг услужливо открыл перед командующим дверь подвала.

В подвале стояла вода. Выше колен. В воде плавало это самое, нехорошо пахнущее. Адмирал поморщился. И шагнул в воду. Прошел несколько метров и обернулся:

- А вы чего ждете, товарищи офицеры? Почему не сопровождаете командующего?

И все дружно шагнули в дерьмо.

Не спеша и обстоятельно командующий обошел весь подвал и выдал соответствующие замечания присутствующим. Как ни странно, в весьма мягкой форме. А потом, когда он, в сопровождении почетного эскорта штабников и политотдельцев, вышел на белый свет, у входа в подвал его уже ждал каплей-адъютант.

На одной руке у него висели чистенькие и отутюженные адмиральские брюки, а в другой он держал новые же ботинки. С чистыми носками, кстати.

На глазах изумленной публики командующий переоделся. И потом полдня водил всю свою придворную камарилью по гарнизону. Отлучиться для того, чтобы переодеться, никто не решился.

Наутро подвал был уже сухим.

ОТЛИВ

Стоим на рейде. «Яшку» (то есть якорь) броси-ли и балдеем. Вахтенный Вася Приютов на солнышке совсем расплылся, ждет конца вахты, об ужине мечтает.

Тут радио с берега. Мол, встречайте командира дивизии. Встречайте так встречайте. Вася доложил командиру, подсуетился, дал команду трап спустить. Спустили. Как раз к появлению на горизонте комдивовского катерка.

Катерок подошел, Вася в свисточек посвистел, все, кому положено, встали к борту. Катерок прилепился к трапу, адмирал поднял ножку, чтобы на нижнюю площадку трапа подняться.

Не получается. Адмирал уже не мальчик, у него животик, званию соответствующий, а трап, так его растак, высоко слишком. Он уж и так, и эдак, но «нэ лзет, батьку», хоть убей.

Хорошо, рулевой на катерке сориентировался, подтолкнул комдива в, простите, крепкую адмиральскую корму. Поднялся комдив, кряхтит, старый пень. Злой, как сто чертей. А тут и Вася с докладом подлетает:

- Товарищ адмирал! - орет, как и положено, докладывает, что, мол, все на борту в порядке.

Адмирал не слушает:

- Вольно.

И сходу Васе:

- Лейтенант, почему трап так высоко?

И Вася в ответ тоже сходу, не задумываясь:

- Так ведь отлив, товарищ адмирал...

- А-а-а, понятно.

Прошел метров десять по роstrам. Остановился. Доперло:

- Отлив, говоришь? Десять суток ареста!

ДРУЖБА!

На востоке нашей необъятной державы морские рубежи Родины, как известно, охраняет Тихоокеанский флот. Короче, ТОФ. В общем, тот еще флот. И служат там те еще мореманы.

Капитан третьего ранга Коля Булгаков командовал морским тральщиком 254-го проекта. Бороздили тогда просторы морские такие корабли. Командиром Коля был лихим, даже чересчур. За что получил прозвище «адмирал Дрейк». Помни-

те, наверное, что был в давние времена такой пират, ставший впоследствии то ли пэрром, то ли сэром Англии. И, как это порой случается при выполнении служебных обязанностей вдали от начальства и семьи, был Коля не без маленького греха, известного всем как страсть к зеленому змию.

В один из чудных погожих дней тралец выгнали в море. На охрану уже упомянутых рубежей. Ибо было это в дни, которые в некоей стране, где, как утверждают ее аборигены, восходит солнце, справляли в очередной раз «дни северных территорий». Страну я не называю, чтобы не вызвать непредвиденных дипломатических отношений. Умный догадается, а дураку и знать незачем.

Так вот, эти самые гнусные самураи, считая часть исконно русских камней своими, выходили в это время на утлых своих суденышках, именуемых джонками, в море. И картинка получалась такая вот: наш героический морской тральщик курсирует в морском пространстве, а вокруг него - десятки, сотни джонок, порхающих тут и сям, словно бабочки над полем. Столпотворение почти вавилонское. Того и гляди, кого-то утопишь, если дашь чуть больший ход. И в дрейф лечь невозможно, потому что косоглазые друзья так и норовят взобраться на борт тральца.

Коля-Дрейк, видя такое дело, все-таки ход дал. На «шестерки» перешел и оборотиков добавил. А так как 254-й ход набирает быстро и незаметно, маневр получился весьма удачным. Пара джонок увернуться от форштевня успела, а одна была распорота пополам, как скорлупка яичная. Рыбачки, еще минуточку назад мечтавшие вернуть «стране восходящего солнца» Кунашир и Шикотан, начали уже мечтать о том, как бы им не утонуть. Потому что как не хвататься за плакатики с яркими иероглифами, а плавучести они не прибавляют.

Коля-Дрейк, отдадим ему должное, несмотря на некоторое подпитие, не растерялся. Сыграл «Человек за бортом!» и вытащил на палубу полуутопленников. Собратья по оружию им, кстати, помочь не спешили. Когда борцов за ридну землю вытащили на борт колиного корвета, Дрейк задумался. Потому что получилось, понятное дело, ЧП с оттенком международного скандала. А скандалы Коля не любил. Так что пришлось дать радио на базу. Там от сюрприза, естественно, несколько обалдели, а так как главное на флоте вовремя доложить и прояснить ситуацию, выслали катерок в район инцидента с высоким штабным начальством.

А пока катерок шел в точку встречи, Дрейк решил выяснить отношения с хозяином джонки. Который, понятное дело, по-русски говорить не умел. К тому же уже начал подозрительно почихивать и кашлять. И Коле пришлось самурая подлечить, для чего из сейфа был извлечен командирский запас.

...Через пару часов катер с комиссией пришвартовался к тральщику. Не слушая сбивчивый доклад вахтенного

офицера, председатель комиссии - худощавый энергичный каприз - стремительно зашагал в каюту командира. Остальные проверяющие не отставали от шефа. Каприз на мгновение замер у двери каюты и резко толкнул дверь. Последняя открылась, и взору комиссии предстала незабываемая картина.

Дрейк, обняв иноземца за худенькие плечи, привычно распевал «В этот день решили самураи...» Капитан джонки старательно ему подпевал. На столе высилась здоровенная бутылка спирта. Командирский сейф был раскрыт на полную катушку. Из его чрева торчала рукоятка «Макарова» и виднелись корешки каких-то документов.

Дрейк поднял ослепленные глаза на прибывших и, с трудом ворочая языком, произнес единственное иностранное олово, выученное за долгие годы школы и дальнейшей жизни: «Фройндшафт...»

Через месяц капитан-лейтенант Николай Булгаков командовал уже базовым тральщиком типа «Машка». В тьму-таракани Тихоокеанского флота под названием Тимофеевка.

Правда, и там он продержался недолго. Обладая поистине лошадиным здоровьем (Коля купался в море с апреля по ноябрь - это на ТОФе-то!), Дрейк считал, что таковыми должны быть и его подчиненные. Посему подданные его корабельного царства ходили вечно полураздетыми и полуобутыми, с дырявыми «гадами» (ботинками) и в рванье под стать пиратским одеяниям.

Как-то на «Машку» нагрянула очередная комиссия. Устроили, как принято, строевой смотр. Дрейк вывел своих, построил. Вид у морячков, конечно же, был ужасающий. Зато какой моральный настрой! Высочайшего уровня!

Обалдевшие проверяющие, переходя в строю от матросика к матросику, слышали от оборванцев в погонах только молодецки-бодрое: «Матрос Пупкин. Сыт, обут, служба на флоте нравится. Готов остаться на сверхсрочную!»

Терпение высокого начальства лопнуло. Колю дембельнули. Теперь он лоцман где-то на Днестре.

КОРОТКО

Раннее утро. Десять минут до подъема флага. В вагончике на стенке комдив (тот еще придурок!) проводит разбор субботне-воскресных «полетов». В воздухе сладко-приторный дух перегара - командиры в выходные «оттянулись» на славу. Комдив, глядя на собравшихся столь же мутными глазами:

- Мавзолевский, в субботу было оповещение. К вам два раза посылали оповестителя. Вас не было...

Михалыч, приподнимаясь над столиком и задевая головой плафон:

- Так я, товарищ комдив, в лес ходил, по грибы.

- Какие грибы, Мавзолевский, на дворе декабрь месяц!?

- А я дурак, товарищ комдив, я не знаю!

Комдив Вася Красиков по прозвищу «Рыба» (за выпученные, как у вытасченного на поверхность морского окуня, глаза) зашел к помощнику командира морского тральщика «Марсовый» Эрику Корженевскому перед обедом. Тралец уже готовился исполнить «цепочку в основную».

- Ну-с, старпом, - сказал Красиков, - давай для поднятия тонуса.

Эрик достал из сейфа канистру. И два стакана из шкафчика. Знаете, были тогда в моде такие стаканчики, с пояском у доннышка - мы этот поясик «марьиным» называли. Налил себе, как положено, по поясик чистого спирту - как раз грамм на 50. И комдиву стал лить.

Горлышко у канистры узкое, «шильцо» льется медленно. Вот уже выше «марьиного пояса», вот уже полстакана, вот...

- Товарищ командир, - заволновался Эрик, - вам сколько лить-то?

- Ты что, старпом, краев не видишь?

Лейтенант Мокроусов не пил. Хотя служил на корабле уже месяца три. Был такой «белой вороной». И на тех, кто пил, то есть на всех остальных офицеров, смотрел с презрением.

Командиру, ясное дело, это не нравилось. На второй неделе боевой службы, будучи в состоянии алкогольного токсикоза, он вызвал лейтенанта к себе.

- Мокроусов, итти твою маковку, до меня доходят слухи, что ты непьющий. Это правда?

- Так точно, товарищ командир.

- А мы счас проверим...

Кэп полез в сейф и достал бутылку со спиртом. Налил полстакана. Пододвинул лейтенанту.

- Не, товарищ командир, - заартачился Мокроусов, - не буду. Хоть убейте.

- А что, - сказал кэп, - мысль хорошая.

Опять полез в сейф, достал «Макаров», засадил в него обойму и передернул затвор.

- Пей, лейтенант!

- Не буду!

Ствол пистолета медленно поднялся к лейтенантскому виску:

- Пей, раз командир приказывает!

Лейтенант выпил. Залпом. Без воды и закуски.

- Свободен, - сказал кэп, разряжая пистолет.

После прихода в базу свободны оказались оба. Кэпа сняли за пьянство, лейтенанта - за стукачество.

Валерий Аномаевич Стопка, любимый наш замполит тыла в рижской бригаде. Подпольная кличка - «Гладиатор». За исключительную любовь гладить женщин. За все, что попадетс под руку. Разговор с проверяющим во времена злостного «горбачевизма»:

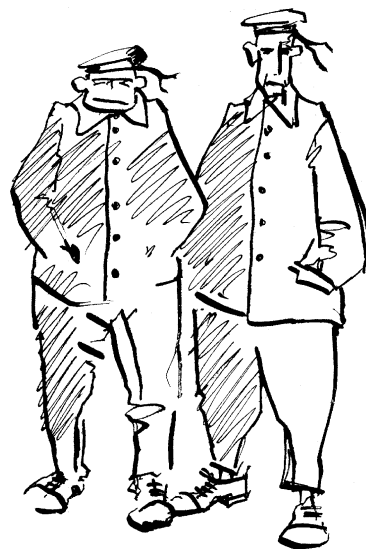
- Валерий Аномаевич, вы пьете?

- Если вы спрашиваете, то нет. Если предлагаете, то да.

В море на боевой службе. Командир, охреневший от тоски, решил заполнить представление на лейтенанта, которому пора бы уже старлея получить. Заполнил, вспоминая недобрым словом начальство - командир уже полгода переживал звание, давно пора бы и капдва дать. Ну да ладно.

Расписался. Шмякнул секретной печатью... Тут стук в дверь. Радист:

- Радиограмма.

Читает. Мать моя родная! Капдва дали! Выскочил на палубу, вне себя от радости! Скинул китель и за борт его:

- Новые погоны на новый китель!

В кармане старого кителя за борт улетела секретная печать...

РАЗМЫШЛИЗМЫ О СЛУЖБЕ И НЕ ТОЛЬКО

На флот мы приходим романтиками. Пару лет воюем с флотской придурью, переходящей в полный идиотизм. Потом медленно до тебя начинает доходить, что это бесполезно. Нет результата.

В конечном итоге начинаешь относиться к происходящему с юмором. Если чувства юмора нет, можешь смело списываться на гражданку. Если получится.

Хорошо быть каменщиком. Строишь дом. Вот один этаж, второй... Все как на ладони. То есть виден результат. Можно смело сказать: «Вот дом, который построил я. В доме живут люди. Эти красные кирпичики, ладно пригнанные друг к другу, я держал в своих руках...»

А как оценить труд офицера? Как его увидеть? Служить-то не легче, чем дом построить. А где конкретный результат? Прописал матрос Пупкин или нет? Так разве это показатель?

Офицер штаба, «флажок» какой-нибудь, отвечает только за себя. Посему уверен в себе и своей карьере. Служба его не зависит от Пупкиных. Впрочем, и штабные улавливают результаты своего ратного подвига с трудом. Разве что по количеству звездочек на погонах.

Что делать корабельным офицерам? Карьера его зависит от многих факторов, а факторы эти от него, как правило, совершенно не зависят.

Чего только не делали с флотом. И разгоняли, и сокращали... Успешно добились того, что престиж офицерской службы упал ниже канализации. И если раньше родители гордились зятем-офицером, то теперь, готовя дочку к замужеству, говорят скорбно: «Ну, что делать, в крайнем случае выдадим за офицера...»

Раньше флот славился кастовостью и чистоплотностью. Времена изменились. С кастовостью стали бороться, чтобы победить протекционизм. Кастовость победили, протекционизм остался...

У каждого человека пять органов чувств. Осязание, обоняние, зрение и так далее. У советского офицера - шесть. Шестое - это чувство высокой ответственности за порученное дело...

А что делать? Менталитет у нас такой. Правда, к стыду своему, до перестройки, я слова-то такого не знал. Только в Латвии, во времена «Атмоды», то бишь возрождения, услышал впервые. Заглянул в Большую советскую энциклопедию, а там о менталитете ни слова. Вот, думаю, чудеса! А потом понял, что слово сие означает. Жизнь подсказала.

Собрались как-то в компании. Конечно, без алкогольного, скажем так, токсикоза, не обошлось. Когда все уже основательно разогрелись, начался треп. Еврей Лева пошел «сыпать» анекдотами про Абрама и Сару, хохол Петро перебивал его байками, суть которых заключалась в том, что «там, где хохол прошел, еврею делать нечего». Ваш покорный слуга, естественно, вспомнил все мыслимые и немыслимые флотские байки, главными героями которых были русские офицеры - от поручика Ржевского до мичмана Луки Пустошкина. Латыш Янка портил все настроение рассказом об оккупации 1940 года.

И до меня дошло, наконец, что же такое менталитет. После этого я перестал обижаться на латышей за то, что меня называют «оккупантом», выселяют из квартиры, построенной мне министерством обороны и буквально вылизанной собственными руками, заставляют уехать, бросив здесь родных и близких, могилу отца...

Некоторые из моих товарищей по несчастью, говоря откровенно, затаили злобу на Латвию и латышей. Мол, говорят, каждой нации Бог чего-нибудь да не дал: русским не хватило собранности, австрийцам не досталось чувства юмора, а вот латышам Господь совести не дал.

Неправда, говорю, не в совести дело, просто есть такое слово - менталитет...

За что искренне благодарен перестройке, так это за то, что она показала истинный характер всех нас, как бы мы ни маскировались в годы благословенного застоя. Наверное, все мы почувствовали это: друзей стало гораздо меньше, но зато это

настоящие друзья! Врагов стало больше, но зато это настоящие, ставшие более чем заметными, враги!

Уже перед отъездом из Латвии встретил товарища по службе. Раньше несколько лет в одной части служили. Спрашиваю, будет ли еще служить или, как я, уволится в запас? Отвечает с улыбкой: «Если дадут должность, где воровать можно будет, тогда послужу чуток. А нет, так и уволиться не грех. Старость я себе уже обеспечил...»

А у меня, не пойму, то ли злость, то ли зависть на сердце скребет. Потом в разные стороны разошлись, а я его же слова вспомнил, сказанные еще пару лет назад: «Андрюха, ты не воруюсь лишь потому, что тебе украсть нечего. А будь ты на моем месте...»

Интересно, это он так свою совесть успокаивал или мою?

Когда из Даугавпилса вывозили танк «Т-34», до этого стоявший на постаменте, ранние прохожие могли заметить написанную на башне легендарной машины белой краской надпись: «До скорого свидания!»

Да и большинство из моих друзей по службе убеждены, что если не они, то их дети еще вернутся на латвийскую землю. Ибо все в этом мире повторяется. Единожды открытое, «окно в Европу» не может быть захлопнуто никем и ничем, оно может лишь временно оказаться чуть прикрытым под влиянием резкого порыва ветра.

Наверное, так и будет. Но через сколько лет? Для истории два-три десятка лет - ничто. А для человека?

Перед самым отъездом на квартиру мою зачастила латышская семья. Они будут жить здесь после отъезда моей «оккупантской» семьи. Квартирка моя новым жильцам понравилась. И не мудрено - у меня чисто, потолочки белые, сантехника в порядке. «Что ж вы, - удивляется новая жиличка, - с такой хорошей квартиры съезжаете?» Поясняю: «Оккупанты мы...» На лице у гостя сочувствие: «Сейчас и русским, и латышам плохо жить стало.»

Не спорю. Жить хуже стало всем. Но все-таки это вы вселяетесь в мою квартиру, а не наоборот...

В этой жизни все справедливо и неслучайно. Даже воспоминания. Они такие, какой ты. Хороший человек забывает гнусности, которых, что уж скрывать, на флоте было с избытком. И о службе, какой бы она ни была, вспоминает с юмором. Плохой - только паршивое и помнит...

Иллюстрации Геннадия СЕНЕЧКО

ДЕЗЕРТИР

Кони ржут — к добру.

Народная примета

Продираясь сквозь березовую чащину, на приречный угор выбрел, сильно припадая на задние ноги, корноухий чубарый коняга. Он был весь в запекшихся кровавых ссадинах, которые сплошь облепили жирные, брюхатые слепни, зажившиеся в лете и потому вконец озверевшие. По коротко стриженному хвосту и гриве можно было догадаться, что это — солдатский конь.

Почувяв знакомые речные запахи, шибанувшие ему в храп, чубарый вздрогнул. Вскинул понурую морду, воззрился на реку и, поставив уши-корноки топориками, радостно заржал: узнал родную поскотину.

Когда-то на первой своей траве он здесь резвился жеребенком-несмысленным, доверчиво тыкаясь мягкими губами в теплый и так вкусно пахнувший молоком материнский пах.

Несколькими неделями назад, в самую межень лета, его увели отсюда вместе почти со всеми колхозными лошадьми на большую человеческую бойню...

Из подгорья вместе с людской колготней доносилось напористое бречание ботал.

«КУДА ЭТО ТАК СПЕШНО ГОНЯТ РОГАТЫХ?» — озадаченно подумал чубарый, потому как помнил: речное подгорье никогда не было прогоном.

Прихрамав к самому урезу кряжа, он вперился взглядом вниз, а там и в помине не было коров. По всей излучке реки — до самой деревни и дальше — копошились, будто мураши, люди: бабы, девки да мальчишки-подростки.

Кроме новинских, как отметил про себя чубарый, тут много было и пришлых. И все они, свои и чужие, с каким-то нечеловеческим упорством заступами кромсали отвесно — до самого испода — и без того крутой, неподатливый берег реки, будто бы подпоясывая его широким солдатским ремнем из красно-желтой кожи. И вот их заступы-то, натываясь на камень в песчаных суглинках, и бречали многоязыко боталами большого коровьего стада.

Люди, занятые непостижимым для понимания лошади делом, долго не замечали прихода чубарого. Тогда он сам дал знать о себе. Кормясь по-над кряжем, стал громко фыркать.

— Бабы, гляди-кось! — первой вскричала сухопарая женщина с высоко подоткнутым за пояс подолом, чтобы тот не мешал в работе. — Бабы-ы... — и у нее словно бы отняло язык. Побледнев и исказившись в лице, она стала торопко креститься, суеверно шепча: — Свят, свят... — Можно было подумать, что напротив, на кряжу, не лошадь кормилась, а стоял в саване покойник, воротившийся с погоста.

— Кто пришел-то к нам, бабы! — так же не веря своим глазам, удивилась, но без испуга, молодайка в красной косынке, повязанной «домиком» над загорелым до черноты лицом. — Да неужто наш Архирей?!

И новинские, кто был поблизости, побросав заступы и хватаясь за траву, спешно покарабкались наверх по еще не взрытому взлобку. Обступили вкруговую нежданного гостя и, зная его прежние повадки и норы завязтого шленды, стали весело потешаться над ним:

— Ну и ну!..

— Учудил дак учудил!

— Эт надо ж — и с войны убер!

— Выходит, что ты, чубарушка, как есть дезертир!

— А что, бабы, поди, на деревню-то еще и черное пятно ляжет через прохиндея?

— Дивуйтесь, бабы! Она и номер-то ему достался — кубысь, сам черт его крестил: тринадцать! —

И верно, на крупе и передней ляжке

стояли еще не совсем зажившие, выжженные жигалом знаки:

«13 в/ч».

— Да ить бог шельму метит, ха-ха-ха!

По веселой колготне новинских чубарый догадывался, что его тут помнят. На радостях он поднял хвост и, как гостинец, щедро, от души сыпанул на луговину целую шапку яблок, и приветно проржал: «ЗДОРОВО... МОИ ОДНО-ДЕРЕВЕНЦЫ!»

— Мое вам с кисточкой, жулик! — послышался в ответ звонкий голос. Сквозь толпу выгребал локтями мальчуган лет двенадцати в одних трусиках. Загорелый, как головешка, вихрастый и с озорным взглядом. В руке он держал обкусанный ломоть хлеба, видно, оставшийся от обеда. — Помнишь, как ты не имался? И мы тебя, шатуна несчастного, потом взяли в плен в логах Березуги? Забыл, поди?

Нет, ничего не забыл чубарый, потому и к хлебу, всхрапнув, потянулся смело. Колченого шагнул навстречу мальчишке, и все насмешки — как ветром сдуло.

— Ох, тошненко, бабы!.. Да он ить ранен...

— Сердешный еле ноги волочит, а мы тут комедь ломаем над ним.

И новинские только сейчас разглядели на чубаром ссадины, раздвоенные до мяса слепнями.

— Бабы, а не с того ли свету он прихотел к нам? — предположила опять та же сухопарая женщина. И тут же, испугавшись

своих слов, она прикрыла ладошкой щербатый рот, дабы не сболтнуть чего лишнего.

Женщины озадаченно переглянулись. И, как куры перед грозой, заполошенно раскудахтались:

— Лукерья!

— Матюшиха!

— Живо беги, баба, к берегу.

— Вестник от мужа твою дожидается тут тебя...

Из единственного письма Матвея Сидоркина в деревне все знали, что в войну он «заступил при своих разномастных однодеревенцах — саврасом и чубаром». Он, колхозный конюх, по предписанию военкомата отгонял мобилизованных лошадей к месту их назначения. А сдав их там, и сам был мобилизован — зачислен в ездовые при боевой части. И новинские кумушки в открытую завидовали его жене:

— Нашей Матюшихе теперь што?.. Мужик непременно останется в живых.

— Понятное дело, не по самой же передовой будет разъезжать ее Тюха-Матюха.

— И обитать-то, поди, будет — при кухне. При каше с маслом! Помяните мое слово: к Лушке своей зайвится с наеденной ряхой.

— Не говори, кума. Оно в жисти-то так и бывает: кому — война, а кому чистый прибыток.

По окатой некошеной межине грузной утицей, переваливаясь с боку на бок, торопко семенила рыхлотелая баба, посверкивая на солнце серпом в руке. Оказывается, новинские не только кромили заступами речной кряж, возводя противотанковую преграду, они и страду правили: за ольховым частиком на Горбатых нивах жали рожь.

Когда перед запыхавшейся жницей толпа молча расступилась, чубарый бодро мотнул головой, словно поклонившись, и вновь приветно заржал: «ЗДРАВСТВУЙ МАТЬ-РАДЕТЕЛЬНИЦА!»

— Гляди-кось, узнал-таки! — умилились до слез новинские.

Да и как ему, чубарому, было не признать Лукерью. Бывало в престол, в зимнюю Николу, ее непутевый муженек напьется всмятку (а без этого для него и праздник не праздник), она всякий раз приходила на конюшню задавать корм лошадям. Да она и пахла-то своим Матюхой.

Лукерья с маху припала лицом к лошадиной морде и в голос одышисто взвыла подстреленной волчицей:

— Пошто один-то пришел?.. Где хозяина-то свою потерял?.. Што я седни скажу дома? Поди, ить сам знаешь — шестеро меня спросят... и сёмый на подходе. Ох, тошно мне! — Женщина в отчаянии заломила руки над головой, выпятив перед собой округлый живот.

Чубарый, словно бы желая как-то утешить свою радетельницу, стал тереться мордой о трясущиеся Лукерьины плечи. От такой «жалости» женщине еще горше стало. Еще круче зашлась она в плаче в предчувствии своей неизбывной черной печали. Да так, что и лошадь проняла своими холодящими душу воплями: чубарый вскинул высоко морду и тоже с какой-то пронзительной тоской проржал на всю округу. Кто знает, может, лошади сейчас хотелось дозваться до кого-то из своих сородичей. Дозваться и рассказать о том, чего она не могла поведать людям.

Округа же оглушенно молчала. Только слышно было, как за дальним лесом, у Синего моста, бухали пушки. Но вот лошадиное эхо истаяло в заречном звонком березняке — утонуло, улеглось там в немятых подушках кукушкиного льна.

— Не старайся, чубарушка, не старайся, — жалеючи вздохнула старая жница (она подошла следом за Матюшихой). — Третьеводни девки на последних колченогих лошаденках — кои не гожи для войны — угнали в тыл коров. Дак с ними и все жеребятя уплелись. Так што теперь побаять тебе тутотка по-своему решительно не с кем.

Давая роздых натруженной за день-то-деньской пояснице, немного помолчав, она вновь заговорила. Но уже как бы сама с собой, высказывая накатившуюся мысль провидицы:

— Вот и с человеком может ить так-от стать... Люди до того довраждуют промеж себя, што днесь останется кто-то один-оди-нешенек на всем белом свете. Потом — кричи, не кричи...

Вечером, как только опустел от людей берег, чубарый со стоном рухнул наземь. Теперь он был дома и не боялся, что не встанет. Вытянул уставшие изувеченные ноги, длинно выпластал по земле исхудавшую шею. И закатился глаз чубарого, став мутно-фиолетовым, как ягода-ежевика, которой тмище зрело в приречных кустах.

С верхней поперечины «креста» могучей ели, что возвышалась здесь на зеленом угоре, как часовня, слетела сорока. Белобокая сплетница, трескуче сокоца на все побережье, понесла на хвосте вечернюю новость: «СДОХ-СДОХ-СДОХ!»

Нет, кума, ты кашку-то вари, только и ложкой никого не обноси. Как бы не так — чубарый пришел домой...

Так и лежала лошадь недвижно в перестойной некоей, пока не разбудили ее первые петухи. Многоголосье их отчетливо доносилось из деревни по утренней чуткой реке. Чубарый приподнял с земли полегчавшую за ночь голову. Прядя своими корноками, вслушался в петушиную зоревую и радостно заржал: «СВОИ!»

Это уж верно, новинских петухов не спутаешь, до того голосистые! Как примутся поутру драть глотки друг перед дружкой по кругу деревни, ну, право, будто пьяные новинские мужики буянисто горланят в престольный яблочный Спас. Только в отличие от мужиков, у новинских петухов — каждое утро праздник.

Светало.

По песчаной отмели, хранящей еще вечернее тепло, веселым козелком — скок, скок! — прыгал белогривый дуралей. А напротив, стоя по колено в воде, пила его мать Сорока. По деревенской насмехательской кличке — Попадья (бывшая поповская кобыла, реквизируемая на разжитье в пользу колхоза).

Из-за темного леса вполглаза выглянуло лохматое со сна солнце, и гладь плеса обдало мелкой дрожью. Это проснулась река, и молочный туман ключьями отлетел в небытие. Пегашка-мать, гулко роняя воду с вздрагивающих губ, борзо вскинула маленькую белую голову на длинной черной шее и призывно залилась в веселом реготе. На ее зов со стороны деревни, с конюшни тут же в ответ донесся раскатистый голос племянника Буяна.

От родительской переключки белогривому дуралею сделалось до того радостно, что он чуть было не перекинулся через голову, когда взбрыкнул высоко задом. И тут же, испугавшись своей длинной тени, шархнулся в сторону, потом в другую. И без единой помарки поставил себя вкопанно около самой воды на песчаной плотной мокредине новеньким широко разведенным циркулем. Потом победным султаном задрал кучерявый хвост в репьях, вытянулся весь в струнку и залиvisto прозвенел на гулкой заре

благословенному миру: «ИГО-ГО-ГО-ГО... Я ТОЖЕ ВЫРАСТУ БОЛЬШИМ И СИЛЬНЫМ!»

Дуралей-попрыгун словно и на самом деле верил в свое высокое предназначение. Он был первым колхозным жеребенком. Может, поэтому новоиспеченные колхозники на своем тоже первом весеннем сходе начертали ему радужную судьбу: белогривому быть — производителем!

И кличку дали всем новинским миром — лучше не придумаешь по тем временам: «Ударник»!

В колхозе «Новь» был производитель — силач и красавец Буян. Круп — шире печки, грудь — хоть полозья для дровней гни на ней. И дело свое — в единоличное время — правил знатно. Племя плодилось от него под стать папаше, могучее. Но за ним значилась одна заковыка. Из «бывших» был Буян. Мельников выкормыш. Короче — кулацкий! А мужикам из «Нови» хотелось поскорее вывести особую породу лошадей — колхозную.

Как один красный денек промелькнули три травы белогривого чубарого. На четвертую пришло время и Ударника выпрягать в свое дело — выводить из стригунов в производители да давать отставку кулацкому выкормышу Буяну.

Но так уж вышло, что всеобщий любимец не оправдал надежд селян. По всем статьям уродился в свою мать, пегашку Попадью — узкогрудым, и ноги жидковаты. В промашке предвидения первым сознался председатель колхоза Иван Грачев, прозванный заглазно односельчанами за компаную скороговорку «обченаш» («вообще знаешь») Грачом-Отченаш. Не скрывая своего разочарования, он открыто сказал:

— Обченаш, гора родила мышь. Не-не... не для пашни лошады! Почту возить куда еще ни шло, но только не в сеятели нашего Ударника.

— С виду-то жеребчик — красовитый! — заступился за чубарого неудачника его пестун-дядька, конюх Матвей Сидоркин.

— Никчёмное и бесполезное не может, обченаш, быть красовитым! — как топором сердито отрубил председатель.

И тут известный новинский насмехатель кудрявый Данька Веснин, по-деревенски — Причужажный, возьми да и брякни, вторя председателевым словечком:

— Обченаш, выпестовали из Ударника — архиерея!

Тут двояко надо было понимать. То ли был сделан намек на родословную чубарого (припомнили ему его мать Попадью), то ли устами пересмешника деревня вынесла приговор первому колхозному жеребенку: Ударник, мол, хренов!

С того дня в Новинах чубарого уже больше не называли по «пачпорту» — Ударником. Только — Архиерей!

Но как бы там ни было, чубарого оставили в племенниках, в должности помощника производителя. Новинские, видимо, свыклись с мыслью, что их белогривый красавчик непременно должен ходить в лошадином начальстве. Или, как теперь бы сказали: «Товарищ попал в номенклатуру».

Его, как всамделишного жеребца, выводил на свидание к кобыле сам завко-нефермой Иван Ильин, и тут Архиерей нередко получал копытами по зубам, что означало на лошадином любовном признании решительное кобылье —

«нет»! Конюх Матюха, державший под уздцы кобылу, всякий раз простодушно подтрунивал ему вслед:

— Не обижайся, Архиерей... было не было, зато, маткин берег — батькин край, повидался, милоч!

И вот чубарого запирают обратно в денник, а к гривастой раскрасавице сразу же выводят богатыря Буяна. И тот, еще при выходе из ворот конюшни, как только завидит на зеленом лужке свою суженую, ликующе загорочет перекатым громом: «ИГО-ГО-ГО-ГО!» Потом вскинется, да так с приплясом и идет к ней на дыбах. Своей золотисто-рыжей чистой мастью и густой вращающейся гривой Буян в эти минуты походил на огромный, раздутый ветром бездымный костер. Даже оторопь брала глядеть на него со стороны. Казалось, что своей вздыбленной огнистой челкой дьявол вот-вот подожжет небо. И тут как-то само собой забывалось, что Буян — кулацкий выкормыш. Зато — до мурашек по коже — сразу чувствовалась порода: прямо-таки Прометей в лошадином обличии! Куда до него было неудачнику Архиерею.

На помощника производителя в Новинах даже родилась притча. Как не заладится у мужика что-то в своей судьбине, он непременно с горечью вернет:

— Эх-ма, жизнь... пошла-поехала как у нашего Архиерея: все по зубам да по зубам.

Казалось, что так и будет для чубарого до скончания его века. Но в жизни, даже лошадиной, все изменяется.

Однажды, в начале новой травы, его снова вывел из конюшни сам завко-нефермой Иван Ильин. Предугадывая свидание с кобылой, помощник производителя, как всегда, с легкостью выплясывая гоголем из ворот конюшни, заржал голосом завязатого любовника. И вдруг осекся. На конюшенном лужке вместо кобылы толпились мужики с веревками в руках. Среди них, выделяясь своим налитым заливком, толкался и коновал Артюха. У чубарого от какого-то черного предчувствия даже екнула гулко селезенка в утробе.

Екнет, если у тебя на глазах коновал Артюха с закатанными по локоть рукавами острит об оселок ножик. Появление Артюхи для молодых жеребцов означало что-то страшное. Их поодиночке выводили к нему, как к палачу. Чубарый у себя в деннике слышал, как они зывали к пощаде, но где там...

Артюху боялись и все деревенские мальчишки. Стоило карпузу издали завидеть его, краснорожего, как он тут же хватался за штанишки и сломя голову пускался наутек к дому. А Артюха, корча рожи на своем всегда небритом, щетинистом лице, гогочет ему вслед: «Гы-гы-гы!» И будто бежит вдогон, затопает на месте ногами, аж земля дрожит. Захлопает волосатыми ручищами по карманам — ищет ножик! Потом подставит к губатому рту ладони-лопаты трубой и громко, и грубо заулюлюкает: «Улюлюлю, держите, держите его — щас выложу молодца!»

Мужики докурили сигарки. Не торопясь, втоптали окурки в молодую траву и молча стеной двинулись на дрожавшего чубарого. Вмиг обратили его веревками, и — оп-па!

Помощник производителя подрезанно грохнулся на бок, на подстилку из соломы. А веревки, знай, все сильнее и сильнее, словно бы железными обручами, об-

жимали его туловище. Задние ноги подтянули к передним и накрепко связали сыромятным чересседельником на узел. Попробуй рыпнись! А тут еще и Артюха, багровея загривком, торопит мужиков:

— Чего, раззявы, ворон-то ловите? А ну, навались на него куча мала!

Как другие молодые жеребцы до него, запросил пощады к себе и чубарый — зашелся в жалобном реготе, чем только ввел в матюги коновала Артюху:

— Ух, безрукие, мать вашу так... За сопатку хватай, за сопатку! Да завертку-то на губу клади круче!

Чубарый почувствовал, как за верхнюю губу кто-то ухватился, будто бы кузнечными клещами, и стал скручивать жгутом.

— Потерпи, Архиерей... так надо, брат. — По табачному духу и голосу с хрипом чубарый сразу узнал жоака новинского людского табуна — председателя. — Год, обчешаш, вышел тяжким. От бескормицы пало много тягла. Да и другого скота — как обчешаш, Архиерей, не от баской жизни надеваем на тебя хомут.

Под невеселое увещание председателя чубарый ощутил, как кто-то стал бесстыдно шарить у него в задних пахах. Он чуть было не заржал от щекотки, но тут так садануло его чем-то холодным и острым, что застило свет в глазах-яблоках...

Так, в трудную для колхоза годину, чубарый подпал под сокращение штатов. Колхозное начальство мудро решило: вместо двух племенных единиц на конюшне управится один Буян. У мельника, мол, сызмальства ел вволю овес, поэтому пусть теперечка попотеет малым числом да умением на общественной животворной ниве. Так бывший помощник производителя стал меринком для общего колхозного пользования.

Чубарый сразу сделался как бы ничейным. Кому только не лень, тот и стал на нем ездить. Ниоткуда и ни от кого — ни любви, ни ласки не было ему. К лету его так обкатали, так изъездили, что стало не узнать недавнего баловня деревни: моклоки обострились, холка сбита, плечи все в кровавых намятинах, на боках обозначились струпчатые следы удалого кнута. Только и была одна отрада у работных лошадей — ночное. Но утром мальчишки-злодеи такую снимут с них стружку (с дальней поскотины и до самой околицы — вскачь во весь дух), конягу вводят в оглобли, а у нее и микитки судорожно дрожат от усталости.

И потянулась перед чубарым тягучая череда беспросветных дней. Что ни день, то — лошадиная голгофа.

Перед сенокосом работным лошадям дали двухнедельный роздых. И тут чубарый выгодно отличился среди своих сородичей. Казалось, табунились на одной поскотине, щипали одну и ту же траву, а он, поди ж ты, обскакал всех: закрутился в боках, зажали и ссадины на плечах и холке. Снова проявились и блестящие в его крапчатой шерсти — темно-серой с рыжиной. А на боках и ляжках — на выстеганых кнута — пробилась седина белыми полосками, словно нашивки ранений у бывалого солдата.

А когда дело дошло снова до запряга, он и вовсе удивил деревню. Не дался изловить себя — и баста! Мало того, нашел себе тайное ухотбище. И до самого яблочного Спаса чубарый, отлынивая от хомута, был в бегах. Видно, понял человеческую мудрость: чем больше везешь, тем больше навалят. А награда — применительно к лошадям — известная: кнут!

В конце концов завсегдаги ночного, вездесущие мальчишки, как-то прознали, где бьет баклуши их ушелец. На самых резвых лошадях они загнали его в угол сенокосной засеки, опутали жож-

жами и на чубарого-вольнлюбца накиннули узду. А когда пленника привели в деревню, председатель Грач-Отчешаш вместо того, чтобы разразиться грозой, весело захохотал:

— Обчешаш, узнаю колхозную бестию: где на нее сядешь, там и слезешь!

В тот день после работы («до мыла!» — такой был наказ председателя) провинившегося чубарого выпустили пастись в ночное — в «кандалах»: к подборюшнику привязали валец от плуга.

— Ежели упырь вздумает снова пуститься в бега, далече, обчешаш, не убежит, — сказал председатель.

И в первое же ночное чубарый опять запропастился. Мальчишки прошныряли все глухоманные углы, а лошадь как в воду канула.

— Не иначе как нашему ушляге волки кишки разматывали где-то по сосенкам, — горевал конюх Матвей Сидоркин.

А недели через три к новинскому табуну прибилась чужак. И что за чудеса — тоже чубарый! Шерстинка в шерстинку, как и сгинувший Архиерей. Такая же была и белая звездочка на лбу. Только и разнился тем, что хвост и грива были черные и короче подстрижены. И уши обкорнаны на добрую треть. Незваного корноухого гостя конюх Матюха тут же турнул за ворота поскотины, крикнув ему вдогон:

— Ступай к себе домой, Митрофан Празднишний! Поди, разыскивают тебя дома для работы, а ты, маткин берег, тут вытаптываешь зря чужую траву.

Наутро новинские мальчишки снова увидели чубарого пришельца в своем табуне. И опять вышло сходство с их сгинувшим Архиереем-Ударником. Когда тот ходил еще в стригунах, то бывало любую огорожу перемахнет, чтобы ворваться на зеленя.

Тогда за настырного гостя взялся коновал Артюха. Запер чужака в пустой сарай, то бишь поставил под арест, пока не объявится хозяин с выкупом. Но старому магарычнику спутала карты районная газета, дав розыск:

«Потерялся корноухий чубарый мерин. Хвост и грива — черные, коротко стриженные. Мерин был недавно выменян...»

Это-то объявление и надоумило Матвея Сидоркина вымыть чужаку хвост и гриву: сперва керосином, а потом и теплой водой с мылом. И то, что было черным, стало белым. Разглядел он, что и стружья-то на обкорнанных ушах у мерина еще не успели зажить как следует. Надо было быть круглым дураком, чтобы не догадаться: чьих дело рук? Это прокудливые конокрады подогнали физиономию новинского чубарого под свой липовый «пачпорт».

Ох и поохотили на радостях новинские. И больше всех ликовал конюх Матюха, что сыскался его подопечный любимец. И он при всех пообещал ему исправить изъян, сотворенный лихоимцами:

— Ну, Архиерей, коли помнишь свой дом, так и быть, маткин берег, наращу тебе уши! Пришью сыромятью к ним кожины от старого гуза, и любо-дорого будет глядеть!... ///

Чихая последними понюшками бензина, у обочин дорог сдыхали автобусы, грузовики, танки, а пара разномастных — чубарый с саврасым — где галопом, где рысью, где шагом все везли и везли тяжелую казенную фуру, приспособленную под санитарную карету. И ее возница, боец Матвей Сидоркин, вот уже несколько недель не знал, где его часть с походной кухней и полевым лазаретом.

Дважды он выезжал лесными дорогами из окружения. То за-

тор на дороге — стой жди. То мост разбомблен — ищи объезд. Прикатит в город или большое село, где по его разумению должен был находиться медсанбат или лазарет, тычется в двери, как муха в стекло, в поисках, куда бы сдать своих раненых на лечение, а там уже свернулись и отбыли. И отовсюду его гнали чуть ли не взащей:

— Поторапливайся, солдат, раз на ходу. — И машут рукой в одну и ту же сторону — на восход солнца.

— Што, маткин берег, в той стороне конца и края не будет земле? — пробовал было возмутиться затурканный боец. Но понимал: надо поспешать, если не хочешь оказаться под неприятелем.

Так и катила себе дальше на восход солнца многострадальная матюхинская карета с ранеными. А следом за ней, наступая на запятки, всесметающей волной грохотала передовая, грозясь захлестнуть ее вместе с возницей и его разномастными однодеревенцами.

Матюха, как мог, сам лечил раненых: у ручьев менял холодные компрессы, к гноившимся ранам прикладывал подорожник, благо стояло лето. Сам и провиант добывал: выпрашивал у добросердечных солдаток. И на том спасибо, хоть в этом нигде ему отказа не было.

Но однажды через свое доброхотство к раненым он нахлебался и стыдобы. Проезжая через покинутую жителями деревеньку, Сидоркин решил побаловать их чем-то мясным. И ведро для варева было — висело на дышле позади повозки. Дело оставалось за малым: на чьем-то бесхозном подворье изловить курицу или петуха. И тут, как нарочно, с одного заулка овечка подала голос: дядя, не проезжай, мол, мимо! И вот, зная, что через час-другой все тут достанется неприятелю, боец, долго не раздумывая, придержал своих разномастных в подоконии под березами и воровски шастнул в скрипучую калитку.

Овечка хотя и сама напросилась на мародерство, но при виде чужого во дворе перепуганно шархнула в угол пристроя-дровяника. Там-то и обратал ее в охалку злоумышленник. И только было крутнулся, чтобы задать стрелача с заулка, как был приперт к тыну большим печным рогачем. Его держала, как ружье, наперевес худущая старушонка с распущенными сивыми космами. Пуча от натуги немигающие выпцветшие от времени глазки, грозная воительница напирала на вересовый чернь всем своим тщедушным телом, трепыхавшим под свободной грубой станухой.

— Эть, как красиво стражишь ты свою землю от супостатов? Тать не тать, да на ту же стать. .. Бесстыжие твои зенки! — кудахтала она. И, видимо, для большего устрашения притоптывала босыми ногами по выбитому скотиной лужку.

Заполосенный голос старухи прогремел для Сидоркина громом среди ясного неба. И вот, то ли от бабкиных «зенок», выпущенных в праведном гневе, то ли померещилось ему, что приперт к тыну — не мирным ухватом, а солдатским штыком (да прохвачен-то насквозь!), он враз весь обмяк. Незадачливый грабитель выпустил из рук трофей и стал грузно заваливаться на безобидный ухват, который, как в дружеских объятиях, удерживал своими закопченными рогулями его слабеющее тело.

Такой оборот перепугал и старуху. Она бросила свою кухонную рогатину и, ходко семеня сухонькими ножками, скрылась в сенях, причитая за затворенными на все запоры дверью:

— Свое ить порешила-то!

А «жертва» тем временем немного отдохнула, сидя на корточках, привалившись спиной к тыну, очухалась и скорей тягу с заул-

ка, проклиная все на свете:

— Маткин берег, страм-то какой вышел...

Далеко не для каждого раненого матюхинская карета была отдохновением от ран. Без лекарского ухода и от постоянной маеты и тряски, случалось, некоторые находили в ней и свой вечный покой.

— Легше десятерых живых обиходить, чем похоронить одного, — сокрушался боец, кляня все на свете. — Да за какие грехи вышло мне такое наказание? Согласен бы кажин день ходить в штыковую на неприятеля, чем такой извоз...

Покойников Сидоркин хоронил хотя и в придорожье, но место выбирал покруше — то ли веселый взлобок, то ли березовый колок. Всегда, насколько позволяло время, и могилу выкапывал, не столько соблюдая христианский обряд, сколько упрятывая их от воронья, неотступно кружившегося над каретой с надсадным граем.

У умерших он брал документы, складывая их в цинковый патронный ящик (ох, невеселая копилась картотека у солдата Матвея). Фотокарточки же — матерей, жен, детей, невест — он оставлял при мертвых с мыслью: «Все веселее будет лежать в сырой земле вдали от родной сторонушки».

На освободившиеся места в повозке сразу же находились новые раненые — один другого тяжелее. И особенно после очередных бомбежек на дорожных заторах или переправах. Помогая страдальцу улечься в своей карете, возница всякий раз тяжело вздыхал:

— Вот уж воистину, свято место пусто не бывает.

И все-таки, при всем сострадании к ближнему, Сидоркин не мог пожалеть всех раненых, которые попадались ему на пути. Телега (хотя он и дважды перекресливал на расширение) есть телега, а не санитарный поезд. Так, завидит где в придорожье раненого, подающего знаки, чтобы его подобрали, Матвей напускал на себя дрему: ничего, мол, не вижу, не слышу, не знаю. Уткнется лицом себе в колени, а сам тихо плачет от собственного бессилия. И ложно успокаивает себя: «Сердята подобрют последние... Не может быть такого, штоб не подобрали...»

Над дорогой, запруженной бредущими беженцами с узлами, из-за облаков нахально вынырнули два гукающих «мессера». Застигнутые врасплох измученные люди горюхом скатились в придорожные канавы. И только одна молодая женщина осталась разметанной поперек дороги. А рядом с ней, стоя на коленях, ревмя-ревел исхудалый мальчик лет шести-семи:

— Мама, вставай!.. Мама, не бойсь... улетели! — буравил небо его пронзительный голос.

А мама его уже никого и ничего не боялась. Она бездыханно лежала навзничь в глубокой столченной пыли. С подвернутой головы, из-под спутанных русых волос, через всю щеку алой змейкой уползала в землю человеческая жизнь.

И надо было в такой недобрый час подкатить матюхинской карете. Возница, как ни старался перехитрить себя (прикинуться слепым, глухим, немым), на этот раз у него ничего не вышло. Хорошо зная, что карета и без того переполнена, боец соскочил с фуры, с силой оторвал от мертвой матери ревущего мальчишку и, усадив его подле себя на доску передка, вызверился на своих разномастных:

— Но-о! Убью, маткин берег..

И повозка с ранеными, на этот раз ускользнув от явной погибели (передовая прямо-таки внахлест накатывала на них), снова попылила дальше — на восход солнца.

Когда у возницы прошла злость на ни в чем не повинных лошадей и они снова поплелись шагом, он спросил мальчишку:

— Звать-то тебя, малец, как прикажешь?

— Ви-итя, — всхлипнул мальчик, продолжая безутешно реветь в голос. — Ма-ма-а... — А сам косил глазами на обочину, соображая, как бы вывернуться из-под дядькиной руки, стрекануть с фуры и побежать туда, где осталась лежать мать.

— Стало быть, Виташка! — обрадованно уточнил Сидоркин, переиначивая имя седока на семейный лад — по старшему сыну. — Папка-то, поди, воюет?

Мальчик согласно покивал головой.

— Понятно, — продолжал боец, стараясь быть тверже в голове. — Такое уж время щас, Виташка. Все папки щас воюют.

А что еще сказать, какими словами утешить мальчонку, убей, не знал Матвей. И тут его осенила догадка: передать ему вожжи.

— Поправь-ка лошадьми, Виташка. Дядька Матюха хоть закурит. Очумел дядька Матюха без роздыху!

Мальчик охотно взял в руки вожжи. Тараша глаза, которые ему забивали горячие слезы, он похвастал:

— Править-то я, дядя, умею.

— Похвально! — одобрительно отозвался боец, радуясь в душе, что нашел отмычку к своему неожиданному седоку. — Малец и должен уметь взнуздать коня... Теперь, Виташка, будешь у меня за помощника. А то совсем зачухался дядька Матюха. Он — и возница, и лекарь, и интендант, и сам себе воинский начальник!

— А я, дядя, и верхом умею кататься на лошадях, — веселее уже продолжал мальчик, все еще вздрагивая от внутренних рыданий. — На Синице катался... А у нее жеребенок был Селезень. Хоро-оший такой, с белой лыской на мордочке!

— Где ж это ты, малец, катался? — для поддержания разговора спросил Сидоркин с преувеличенной заинтересованностью. — Поди, небось, у деда в деревне?

Витя-Виташка крутнул шеей:

— Не-е... У папки на заставе. Он командиром там был.

— Выходит, што ты, Виташка, топаешь от самой границы?! — ужаснулся боец.

— Ага... Только сперва мы с мамой ехали на машине, потом ее разбомбили на мосту.

— Да, малец, — сокрушенно качал головой Сидоркин, — што и говорить, хлебнул, хлебнул ты лиха.

Но, памятуя, что надо как-то отвлечь мальчишку от думы об убитой матери, боец с наигранной веселинкой в голосе продол-

жил начатый разговор о лошадях:

— А у меня, Виташка, два мерина вот. Однодеревенцы мы! С правой руки саврасого кличут — Кобчиком, миляга безответная, а не лошадь. А корноухого чубарого величают — Ударником. По пачпорту. А по-деревенски — Архиерей. Прохиндей из прохиндеев, за которым глаз да и глаз надоть держать востро.

Мальчишку боец решил при первой возможности определить вместе с ранеными в медсанбат. «А там, — думал он, — знают, как и куда переправить бедолагу подальше от войны...»

Знойным душным августовским полднем карета вкатил в дымный город, который был хорошо знаком — как вознице, так и его однодеревенцам. Еще совсем недавно они доставляли сюда на базар новинских мужиков и баб. Санным первопутком — с березовыми метлами и дровами-швырком, летом — с банными вениками и огородным овощем. А когда чубарый ходил еще в помощниках производителя, то часто привозил сюда и колхозное начальство. И как бы в тот день ни напились в дороге возница и седоки, будь хоть ночь-заполночь, привозил их к себе в деревню, и каждого в свое подоконие...

— Чубарые, саврасые, не подведите, родимые! — осипшим голосом вопил боец, зачумленно гоня лошадей по булыжной мостовой горящего города. — Щас, маткин берег, проскочим мост — считайте, все живы!

Последние слова относились уже к стонущим раненым под брезентовым пологом. Чтобы те, через все свои страдания, превозмогли эту бешеную гонку.

Разномастные, словно бы понимая тревогу своего возницы, выкладывались из последних сил. У чубарого с передней ноги слетела хлябавшая подкова. Описав высокую дугу в чадном воздухе, она канула в жаркое кострище догорающего деревянного дома. Через раскованное копыто булыжная мостовая, видно, обухом жახала ему между ушей, но он продолжал скакать в мах с саврасым. Лошади дико всхрапывали, роняя из оскаленных морд горючую пену, которая желтыми ключьями потом еще долго летела следом за матюхинской каретой. Не выдержать бы им такой гонки — в конце концов запаленно рухнули бы на мостовую, не попади они в затор при въезде на площадь перед крепостной зубчатой стеной.

Исконный российский тракт, ведущий на мост под большую сводчатую арку, был запружен автобусами, грузовиками, повозками, в которых ехали дети и тяжелораненые бойцы. И как бурливая вода заполняет пустоты между бревен во время заломов на реке, остановившийся транспорт вплотную обтекала гомозившая лавина беженцев.

Перед храпевшими в страшном оскале мордами разгоряченных лошадей встал телеграфный столбом боец-верзила с запекшейся от крови марлевой повязкой на голове. На такой же марлевой помочке у него безжизненно висела перед грудью левая рука, забинтованная выше локтя. На здоровом плече висела на ремне винтовка.

— Куда прешь, дубовая твоя башка? — басил он гневно на возницу. — Мост взорван, а ты, холера тебя возьми, прешь на людей! — И как бы стал, возмущаясь, жаловаться ему: — Свои ж взорвали... Да ведь это ж — измена! Расстреливать надо таких торопыг! — И его голос захлебнулся в нарастающем невообразимом шуме и гомоне площади.

Не в силах перекрыть матерные выкрики шоферов, издерганных суматошной неразберихой, взывали в перегазовках моторы, гудели в надрыве сигнальные рожки, сажая аккумуляторы.

Дико ржали взбесившиеся лошади. Трубно ревели истомившиеся от жажды коровы, навьюченные через спины домашним скарбом. На разные голоса проклинали, причитали, плакали — старики, женщины, дети.

— Содом и гоморра да и только, Виташка, — потерянно бормотал возница, как бы спрашивая своего седока-помощника: как быть им теперь?

Мальчик только крутил исхудалой шеей, будто испуганный петушок. Он даже не решился заплакать, ведь все равно никто не услышал бы его голоса.

— Чего стоим, земляк? — донесся немощный голос раненого из-под брезентового полога повозки.

— Приехали, братушки, — все так же потерянно бормотал возница. — Дороженька наша долго вилась, да только к черту на рога явилась.

Впереди — широченная река с рухнувшим мостом. А позади тракт-улица, как поляя вешняя река, ярьась от буйства и собственного бессилия что-то изменить, отдавшись стихии, на глазах вспухала от напивавших новых и новых машин, повозок и обезумевших от страха и усталости людей.

По беспорядочной лавинной автоматной трескотне, перебившей нечастые хлопки гранат и винтовочные выстрелы, было слышно, как неприятель уже рвался с окраинных улиц к Старому Граду.

В небе послышался нарастающий самолетный гул. Разномастных сразу забила дрожь, засвербило в сопатках, будто им сейчас шибануло в храпы смрадом паленины. В день, когда их таврили каленым железом, бомбили формировочный лагерь — вот и запомнился им самолетный гул.

Из-за белых облаков, плывших над голубыми куполами заречного монастыря, стали выныривать юркие «мессеры», с которых не спускал глаз мальчик.

— Дядя, гляди, гляди... летят! — будто по большому секрету зашептал он вознице.

— Вижу, Виташка, вижу, — тоже, как «по секрету», тихо ответил боец, зачем-то нахлобучивая глубже на голову побелевшую от соли пилотку, будто она могла защитить от пули или осколка.

— Возду-ух! — зычно гаркнул все тот же, весь перебинтованный, боец-верзила. Он сорвал с плеча винтовку и, зажав ее между колен, передвинул затвор. И с одной руки прицельно пальнул в промахнувшийся над головой гукающий «мессер». — Язви вашу душу! .. — негодовал он, перезаряжая винтовку.

Укрыться было негде, и люди тут же повалились плашмя на мостовую. Выскакивавшие из автобусов и грузовиков подлезали под их днища.

За первой волной пронесшихся низко над площадью гукающих «мессеров» этажом выше летели «юнкеры», по-шмелиному натруженно гудя. Боец снова уставился в небо, и все так же, как последнюю молитву, шепча:

— Щас, Виташка, щас... Ежель те быстрые птахи только поплевались огненными семечками на головы живой ромоде, то эти, обожравшиеся вороны, щас какнут громы в людское сонмище.

— Дядя, дядя... уже и кашки летят! — подхватывая слова возницы, зачистил мальчишка, видя, как от тяжелых самолетов стали отделяться черными поленьями бомбы.

Под остужающий душу насадный вой на площади, устланной людской плотью, грохнули первые разрывы.

— Дядя, дядя, — наконец заплакал мальчик, тормоша возницу. — Дядя, гляди: чей-то папка-то упал. — Перед всхрипывающими мордами лошадей лежал на мостовой огромным крестом боец-верзила (раненая рука его была по-боевому откинута наотмашь, в другой — навсегда зажата винтовка).

Люди, кто уцелел, еще сильнее прижались к земле.

Лошади же, наоборот, как по общей команде, все разом вздыбились. Им, лошадям, не в пример людям, сейчас хотелось стать журавлями — взмыть в небо и лететь, лететь в свободной выси, пока не отыщется новая земная твердь, где не ступала бы нога человека.

И они, лошади, улетели бы журавлями в небо, но их удерживали пенные постромки.

И тут с возницей что-то стряслось. Он со всего плеча жажнул кнутом по спинам шалеющих разномастных (чтобы не дурили; а то ишь что надумали: улететь с грешной земли без своего заботника).

— Не выйдет, маткин берег, не выйдет! — заорал боец своим голосом — то ли на рвавшихся из упряжи лошадей, то ли на родное небо, ставшее ему перевертышем. Нахлестывая неуловимыми движениями на левую руку петли вожжей, он крикнул мальчишке:

— Виташка, держись за дядьку Матюху, как за папку!

Чубарый вдруг почувствовал, как ему опалило губы. Будто их кто прижег раскаленным жигалом. Поэтому-то он и не узнал матюхинской руки, обычно мягкой к вожже. Словно кто-то другой — коновал Артюха! — немилосердно сворачивал ему шею в бараний рог... И только от повторного удара кнута он пришел в себя: разглядел перед собой образовавшийся каким-то чудом неширокий прогал в людском повале. В него-то, а затем между шапками деревьев, через шпалеру низкорослого кустовья и рванула подхлестнутая пара разномастных.

Повозку с ранеными сперва вынесло на парковый газон. Застланный сизым дымом, он казался полноводным озерком, и повозка как бы катила по его дну. Потом, спрямляя путь, промахнулись по благоуханной клумбе, на которой только чудом не опрокинулись. А лошади, уже совсем ошалев, подмяли невысокую прихотливую деревянную городьбу и, как на каменную стену, с храпом налетели на большой фанерный щит. С хрястом повалили его, и колеса фуры прокатили по бравым лицам стахановцев. Среди них был и новинский завконефермой Иван Ильин. Только навряд ли разномастные и их возница разглядели своего знатного одноподвешенца...

И вот уже повозка с ранеными, подпрыгивая на колдобинах, катила по пустынной улице приречной Слободы, где искони жил мастеровой люд Старого Града. Покинутые жителями осанистые, рубленные навек пятистенки с мезонинами-теремками и, все как один, с затейливым голубым кружевом на окнах, провожали матюхинскую карету какими-то пустыми выстуженными взглядами. Совсем недолго осталось им вот так зябко глядеть на мир своими синеокими ледышками. Последний час их был предрешен. Железные ястребы, меченные черными крестами на недвижных крыльях, уже хищно кружили над их тесовыми крышами с деревянными конями и петухами на шеломах...

За околицей Слободы колеса повозки мягко покатались по луговому проселку по-над рекой. Перестали стонать и раненые под брезентовым пологом. Вскоре, почуввав освежающую благодать реки, они дружно заканючили силпыми голосами:

— Пи-ить...

— Воды-ы, земляк.

— Потерпите, братушки... совсем недолго осталось маяться вам, — отвечал им возница, дергая за вожжи и понукая разномастных. — Шевелись, родимые, шевелись! — А у самого в мыслях одно: «Только бы перевоз работал...»

Паромная переправа была в верстах десяти ниже по реке.

«Знай наперед, што втюришься в расставленную на людей мышеловку, незачем было бы и заезжать в Град, — стал корить себя боец за то, что не вспомнил про перевоз еще на подъезде к Граду. — Да и ближе б вышло».

До последней минуты Сидоркин тешил себя надеждой:

— Коли Батый споткнулся на своем коне у стен Града, то и эта вражина обломает себе роги, — говорил он раненым еще вчера на одной переправе во время бомбежки.

Там же он окончательно решил для себя и как поступить с мальчишкой после того, как сдаст раненых в медсанбат. А решил Матвей так: Витю-Виташку подсыпать под милосердное крыло своей Лукерьи, благо от Града до их деревни было рукой подать. И этой задумкой, не утерпев, поделился тогда со своими однодеревенцами: «Там, где за столом сидят шестеро, и сёмому найдутся — место и ложка».

«Эх, если бы да кабы... — вздохнул возница, подгоняя лошадей. — А на деле-то вона как вышло: едва ноги унесли из Града. Теперь надо безотлагательно решать участь не только мальчишки, но и раненых... А с ними труднее. Это тебе не поддюжины винтовок закопать у себя в подполье».

И не было сейчас над ним такого генерала, который отдал бы толковый приказ рядовому Сидоркину, как спасти раненых. Зато он, рядовой, ясно отдавал себе отчет: всякое промедление с излечением — конец для них. И теперь, как он, новинский Матвей, поступит с ранеными, согласуясь со своей совестью и воинской присягой, так и будет.

А как будет?

Он еще не знал, кроме одного: «Ни за понюх табаку пропадут мужики». И тут на него накатило прозрение. Да такое, аж под пилоткой волосы зашевелились. И он снова, только уже мысленно, обратился за «советом» к своим верным однодеревенцам:

«Остается для них одно спасение — наши Новины. Ваша радетьница, незабвенная моя Лукерья Митревна, глядишь, и выходила б страдальцев. К тому ж большая порука правому делу — теща, ворожея на целебные травы. Какая-то, да была б надежда для мужиков... Потом, как встали б на ноги, и из окружения вышли б к своим. Ну а насчет рыска, тут свой резон: в нашу лесную глушь да болотные топи — не больно-то сунется неприятель...»

Матвей шумно перевел дух и, не замечая, стал уже вслух излагать свои планы, чего не хотел бы:

— Сколь еще придется пятиться фронтом, ведь этого, поди, не знают и еналы — ни свои, ни чужие. А с мужиками уже сегодня, однако ж, надо што-то делать. И то правда, эту поклажу — не свалишь с кряжу...

— Земляк, — настороженно прервал «конфиденциальную» беседу возницы с его однодеревенцами один из раненых под брезентовым пологом, — уж не фрицам ли ты задумал нас сдать всех оптом? Отвечай, Иуда?

— Да уж лучше плен, чем сдохнуть последней собакой в этой вонючей телеге, — заспорил с ним другой раненый. — Жить хочу!

Под пологом послышались матерные выкрики и сдавленное пыхтение:

— Ах, ты, гад ползучий! Жить он хочет!.. Да я тебя прежде

задушью своими руками, а потом уж катись на все четыре стороны!

Возница постучал кнутовищем по брезенту и строго прикрикнул:

— Эй, вы! Петухи! Глядите... у меня не у Кондрашки! Щас обоих стащу в канаву — и цапайтесь там!

Под брезентовым пологом тут же утихомирились. Но ненадолго:

— Деревня... ты куда дел мою винтовку?

— Где надо, там и лежит твоя винтовка! — оскорбленно огрызнулся возница. И тут же, как можно миролюбивее, понимая, что раненый в полубреду от жара: — Успокойся и не трать попусту силы, браток.

Личное стрелковое оружие раненых Матвей забирал с собой. Для этого даже и место приспособил под дном фуры между дышлом. Тут скорее правил им не воинский долг, а брала верх крестьянская скарденность: «Не пропадать же добру... поди, денег немалых стоит».

— Нет, ты мне положи мою верную подругу рядом со мной, тогда и успокоюсь, — стоял на своем раненый, но его голос заглушили опять стоны:

— Пи-ить...

— Воды-ы, земляк.

— Терпите, братушки, до паромы. Там у нас будет время и вода. А бормочу я про то, што скоро заявимся к Лукерье моей. Обрядит вас, страдальцев, моя хозяйка и — дальше покатым, — схитрил возница.

Но хитри не хитри, а другого выхода рядовой Матвей после того, что пережил на площади у разрушенного моста, сейчас не видел. Как ни крути, а вся «надежда» для раненых были — Лукерья да теща-ворожея с ее целебными травами.

И чем теперь с каждым шагом было ближе к дому, тем больше у него закрадывалось сомнений в правильности своего «рыска».

«Как-то еще обернется на деле? — думал он сумятично. — А вдруг везу домой беду? Случись завтра деревне оказаться под неприятелем? Да за такое дело — укрывательство раненых бойцов — изверги не поглядят, што баба с пузом... Нет, не поглядят, маткин берег».

И все-таки он окончательно решил:

— Бог не выдаст, свинья не съест.

Боец стянул с головы пилотку и с какой-то умиротворенностью утер ею свое уже давно не бритое, простецкое лицо. Видимо, радуясь тому, как ловко улизнули из уготованной «мышеловки» в Граде, и уже воображая скорое свидание с семьей, он стал громко трунить над собой с таким видом, будто хотел позабавить мальчишку, а сам надеялся хоть как-то развеселить этим раненых позади спиной:

— Виташка, а дядька-то Матвей каков, а? — начал он. — Тюха-Матюха, а в Граде, как только жареный петух долбанул в енто самое место, живо смикитил, почем снетки!

И тут же стал искренне казнить:

— Да и промашку мы с тобой, Виташка, дали. Ух, какую! Как это могло статься, што мы запомнили крикнуть людям про перевоз-то, а? Страшно ить подумать, што их там ждет? Верно в народе говорится: свинье не до поросят, коли самое на огонь тащат.

Чубарый, кося своим плутоватым глазом на забывшегося в разговоре возницу, тут же ослабил постромки. Благо, что простак-саврасый не догадывался о его прокудстве. И прохиндей тут же был посрамлен:

— Ударник хренов, тебе только отлизнуть бы от хомута! — Возница пригрозил чубарому сложенным в руке кнутом. — Гляди у меня! Схлопочешь себе на орехи... Да не стриги, не стриги глазом-то!

— Дядя, а он что, понимает, как мы говорим? — на полном серьезе спросил мальчик. Его уже не первый день удивляли такие вот накоротке отношения человека с лошастью.

— Это ён-то, из гусей гусь, да и не понимает?! — насмешливо переспросил боец. — Еще и как, Виташка, кумекает он по-нашему! Она, плут... слышит, што мы с тобой баем о нем, ишь, как запрядал своими корноками... А ты. знал бы, как он памятлив на обиду к себе. Ужась! — Матвея прямо-таки распирали нахлынувшая словоохотливость: — Однажды умыкали его у нас конокрады. И как потом сказывала людская молва, сбывая с рук, сотворили над ним, чубарым, злую шутку. Задрали морду и за щеку, в глотку — для резвости — залили ему бутылку водки. Дак он потом так прокатил одного смельчака! Закусил удила и, как необъезженный неук, на полном скаку влетел в открытые ворота конюшни с седоком на хребтине. И чуть было тому не снес башку об верхний косяк. Ужась! Да и мне, своему заботнику, отчубучил шутку не чище. Прошлой осенью поехал я на нем в Град на ярмонку с заколотым боровом. Опосля, с барыша, понятное дело, не без этого уж... Словом, в тот день — хорош был гусь! Другой бы на моем месте завалился бы в телегу — и дрыхай. Умная лошадь всегда помнит дорогу домой. Но новинский Матвей не из тех, кто выпил и спать. Не для того, маткин берег, тратились! Ужась, што вытворял. Сразу же от базарной коновязи загорланил срамные песни про сударушку. А голос у самого — сущая дратва! В любой честной компании сведу песню на пшик. Мужиками не раз говорено мне в глаза: «Матюха, твоим голосом — валенки подшивать бы. Подошвам-то, поди, не было бы и износу». И вот уже при выезде из Града вдруг втемяшилось в куражную башку: надо спроведать куму. За вожжу поворачиваю чубарого вспять, а он — заупрямился. Навострился домой. Я, понятное дело, осердился и в сердцах перетянул кнутом вдоль хребтины!

— Дядя, зачем стегнул чубарого? — заступился за лошадь мальчик. — Сам сказал, ему хотелось домой.

— Для порядка, Виташка, для порядка. Штоб прохиндей не забывал, што я, Матюха, для него — царь природы! А какой же царь без кнута?... Да ты далее-то слухай!

Сидоркин, пересаживаясь поудобнее, осуждающе покачал головой. Видно, явственно представил перед глазами в живых картинках весь калейдоскоп того базарного дня.

— Дак вот... Несусь этак вскачь на другой конец Града, а мне встречу едет золотарь. Сидит при кожаном переднике на своей бесценной бочке и за обе щеки уминает булку, аж от довольства прядает ушами. Ну, как мне было стерпеть, штобы не выкинуть фортель позаковырестее? И перед золотарем-то возьми да и подними руку под козырек, будто перед енералом. А чубарый за то, што отворотили его от дома, из моей чудины конфуз подстроил. С маху взял да и зацепился осью телеги за дроги золотаря. А краснокожая каналья и рад потехе. Поддел черпаком из бочки «золота» — и хлысть мне на голову. Ужась! — Возница пожегил-ся, видно, представил, как было.

— Ай да чубарый, невестке на отместку, отмочил-таки злодею! — посмеялся кто-то из раненых.

— Да уж, маткин берег, отчубучил дак отчубучил! — согласился возница, радуясь тому, что позабавил своих страдальцев, и в том же простодушно-приподнятом настрое продолжал: — Зато

далее чубарый поступил по-людски. Лошадь, а ить хватило ума, штоб не везти своего заботника к куме в таком непотребном виде. Пока я чухался от шутки золотаря, он, не будь дураком, развернул оглобли к дому. И уже к полуночи, честь по чести, доставил меня в Новины. Остановился в подоконии и дал знать хозяйке, заждавшейся хозяина с ярмонки с покупками. Да проржал-то плут с таким насмеханием, што, даже не зная по-лошадному, и то можно понять: «ЛУШКА ЕДРЕНА МАТЬ ЗАБИРАЙ СВОВО ПОРОСЕНКА!»

— Это лошади умеют, — опять посмеялся тот же голос под пологом. На этом боец словно бы выдохся в своих байках. Уставившись на мальчишку, он по-отцовски вздохнул над его жалким видом:

— Потерпи немного, малец. К утру, еще по потемкам, в Нови-нах будем. Тетка Луша протопит байню, намост тебя, бедолагу, и завоссияешь ты, Виташка, как христово яичко!

Мальчик доверительно прижался баннным листом к боку бойца. Потом запрокинул к нему, как подсолнух к солнцу, свое исхудалое и до черноты загорелое лицо и в упор спросил:

— Дядя, а ты больше не поедешь на войну?

— Как это «не поедешь»? — уязвленно переспросил Сидоркин. Ему подумалось, что мальчишка заподозрил: дядя навестрился в кусты от войны. И громко вывернул свою изнанку перед ранеными, чтобы их успокоить на этот счет. — Кто ж будет воевать за дядьку Матюху, ежели он станет отсиживаться у себя на печке? Сам спытал, какая катит на нас беда. Поперву-то как думалось: шапками закидаем! На уря возьмем! Пока картошка цветет, мужики, мол, пошабашат с войной. А вышло вона как: бабы, поди, и копать ее не собираются, а мужики прохлопали половину своего царства-государства. Так што делов, Виташка, еще будет!

Боец склонился над головой мальчишки и зашептал:

— Вот сдам бедолаг на попечение тетке Луше, а сам — обратно на войну По-другому мне, Виташка, никак не можно.

— А я? — так же шепотом растерянно спросил мальчик, хлопая выгоревшими ресницами. И его беспокойство можно было понять. Теперь в этом развороченном мире у него ближе никого не было, кроме дядьки Матюхи.

— Ты?! — поперхнулся Сидоркин. — Ты, Виташка, останешься погостить у тетки Луши. Будешь с моим санапалом Гринькой, твоим погодком, купаться. А река у нас дивная! На любой глуби — пересчитывай камушки-ракушки. В замоинах натоки разная плотва-густера водится для царской ухи. Так что удить будете вмести. А про лес наш — и говорить нечего. Маковками достает облака, во, какой у нас лес! А грибов этих — косой коси! Так што тебе, малец, в самый раз будет погостить у тетки Луши. А как только вражину отгоним восвояси, тут и папка твой объявится. Героем объявится! То-то будет у вас радости.

Мальчик весь как-то сжался и тихо сказал:

— Дядя... папку убило в первый день войны.

Сидоркин вытащил из кармана пустой кисет, понюхал внутри и снова спрятал в карман, тяжело вздыхая, заговорил громко, чтоб слышали раненые:

— Сдается мне, Виташка, што это кровавая катавасия — последняя на земле. Быть того не может, штоб люди не образумились. Разве и без войны люди мало вытворяют в жизни разных несуразностей?... Иногда вспоминаю, как в наших Нови-нах мы раскулачивали Назара Неверова, аж так и опалит всего огнем от стыдобы... Это на наших-то белых подзолах да лесных супесях и — кулак? Ежели и жил Назар посправнее других, дак оттого, что

хозяин был не лежебока. В страдное время мужик вставал и ложился с солнцем. Даже на байне берег время — обходился рекой. Ужась, каким был зверюгой до работы! И как теперь иногда подумаю, а задним-то умом мы все крепки, как подумаю с прикидкой на жисть: по-доброму надлежало б нам поступить с Назаром. Што из того, што мужик попервоначалу заартачился вступить в колхоз? На то он и был — Неверов! Стало быть, его время тогда не пришло. А мы ничего лучшего не придумали, как этакую-то таланту к земле, будто сорную траву, с поля вон! А у Назара четыре сына, три дочки росли — все к делу сызмальства приученные. И этакой-то распушившийся куст выкорчевывали с корнем. А сама ужась-то в том, что опосля никому не приходило в голову хотя б перед собой повиниться за содеянное. Делали вид, будто бы Назара Неверова никогда и на земле не было. Ужась!

И возница вдруг всхлинул, как иногда случается с пьяным от переизбытка чувств или с человеком, стоящим перед своей последней чертой:

— Помню, сидит Назар уже в телеге. Мокнет сердяга под дождем со своей оравой и немногими узлишками — все, што осталось от нашего шарапа, и грит: «Мужики, ежель жернова-то кто возьмет, дак они наострены». Отбиты жернова-то, грит. А наш предкомбед Арся-Чертополох, будто гадом ужаленный, матерно кричит ему в ответ: «Не будя о тебе, контра, никакой памяти тутати!» Хватает хозяйский колун на заулке и опрометью бежит на повети. И слышим: бух! бух! Мазурик — это щас говорю «мазурик», а тогда-то «Арсений Митрич!» — со всего плеча саданул по жерновам. Сперва по верхнему ахнул, метясь на жабку, а опосля и по исподнему. И дедовские камни-кормильцы разъехались надвое — ни нам, ни вам! А это были единственные, штоб всегда в аккурате, жернова, на которых молола вся деревня.

Сидоркин отер кулаком выступившие слезы и как-то дурашливо хохотнул:

— В ту пору мне тоже было не занимать лютости к Назару Неверову. Как и Арся-Чертополох, уж больно шибко я бахвалился своими заплатными портами. И вот, штоб не отстать от своего коновода, к тому же тестем мне доводился, хватаю топор и давай тятать Назаров колодезный журавль. И тоже тигрой рычу на мужика: «Маткин берег, не будя о тебе тут никакой памяти, контра!»

Да хорошо хоть нашлась одна путевая баба, для вразумления хряснула мне по плечам коромыслом — раз, да и другой! И грит: «Облизыня ты срамная, ты ж сам пьешь воду из этой кладези!» И подело-ом! Сдуру-то, ей-богу, свалил бы журавль. Ломать ить не делать — не устанешь и голова не заболит. Охо-хо-хо, грехи наши тяжкие... Ежель бы можно было начать все сызнова, да разве наделали б столько глупостей?

Он было замолчал, но, видно, так растеребил себя, что не остановиться:

— Или взять другой пример. Того ж Арсю-Чертополоха, тестя мово. Жил расхристаннее самого распоследнего бобыля-стряпчего. А все ить из-за своей лени. Это про таких в народе сказывается: рыбка да грибки — потеряешь красные деньки... И мы по своей-то темноте его бедность в заслугу поставили перед деревней. Такого-то запечного сверчка-пустомелю выдвинули в предкомбеды — себе на беду. Да и в народе не зря грится: ленивому да глупому — што грамота, што деньги, што власть — все во вред! Так оно и у нас вышло с Арсей. Где б ему самому подтянуться до маломальского мужика — раз стоит на земле, а он давай давить всех нас властью, нами же и даденной ему. Стал подгонять мужиков маковками под свое ленивое плечо. Бывало, идет по деревне с

форсом в реквизированных широченных штанах из чертовой кожи — только мотня туды-суды качается, завидит мужика, который обновляет крыльчину или голубит налишник, и будто обухом по голове: «Пошто выпяливаешь напоказ пузо-то свое кулацкое?» А то и с придыхом рыкнет: «На Соловки захотел, контра?»

По-арсиному выходило так: чем беднее мужик, тем вернее будет социализма! Да хорошо мужики потом опаматовались и дали отставку рушителю.

Матвей потряс головой, как бы отмахиваясь от наседавших воспоминаний, грустно посмеялся:

— Однако ж, маткин берег, на земле все чудно замешано. Война грохочет — пожарища, убийства кругом, а чуток приоткрылся душник над головой человека, он уже думает о жисти. Вот, вижу, што травы-то стоят некошеными, болит душа.

— Ты, деревня, лучше скажи: о своей полоске болит у тебя душа, — злобно выкрикнул раненый. — Вот слушаю тебя, а контра-то это — ты! Предкомбеда топчешь в грязь, а кулака в пример нам ставишь. Все рассчитал, Иуда! Нас, с потрохами, сдать, а взамен у новых хозяев получить разномастных для единоличной жизни. Так или не так?

— Угомонись, сатанид, коль ума, маткин берег, как у курицы! — гаркнул возница, видимо, и сам удивился: каков он, Тюха-Матюха! — Щас возьму и хлопну — из твоей же «благочестивой», штоб не мутит тут воду! Не то время для таких баек!.. Но-о! Шевелись, родимые. Архиерей, я вот тебе побалую!

Под брезентовым пологом — ни гу-гу. Лишь спустя какое-то время там опять дружно заканючили:

— Земляк, пи-ить...

— В нутрях печет — мочи нет, земляк.

— Дядя, и я хочу пить, — попросил Витя-Виташка, размазывая чумазой ладошкой капельки пота на лбу.

Возница вздохнул и сдался. Съехал с накатанной колеи, направляя лошадей к развесистой ветле, что разрослась по-над самым кряжем окладистым зеленым стогом. Рысившие разномастные, догадываясь о долгожданном роздыхе в спасительной тени, радостно всхрапывали.

— Щас и вас, сердяг, напою, — пообещал им возница и сделал наставление седоку: — Виташка, пока я тут валандаюсь, ты искупнись. Только в воду-то, гляди, далеко не забредай. Вдоволь будешь купаться в Гринькиной реке.

Мальчик не шевельнулся. Его отрешенный взор обеспокоил Матвея.

— Ты чо такой кислый? Как за столом сидишь на Ивана постного.

Мальчишка, насупив белесые бровки, шмыгнул носом и захныкал:

— Дядя... дядя, может, мамка-то была живая?.. Мы уехали, а она там ищет меня.

— Вот тебе на-а! — опешил возница, еле переведя дух. — Ты што гришь-то, Виташка? Как это «была живая»? Ты ить, Виташка, большой. Понимать должен: как и што...

И вот, чтобы не наделать мешанины в мальчишеской голове, боец, не торопясь, стал толковать ему:

— Понятно... с одной стороны, ты — маленький. С другой же — не скажи. Вспомни-ка, как в Граде ты вцепился руками в доску. Думал, щас весь передок у телеги вывернешь! Другой бы на твоём месте сразу скатился кубарем к едрене фене. А ты, маткин берег, как дубок врос в телегу. И выходит, што ты, Виташка, как есть — большой!

Боец по-отцовски сухо чмокнул в маковку мальчишку и то-ропливо зашептал под шуршание высокостойной травы о ступи-цы колес:

— Штоб не запомнать... В деревне-то, ежели кто будет до-пытываться: «Зачем заезжал домой дядька Матюха?» — гри: «Заво-зил меня, сироту». А про раненых — помалкивай. И Гриньке мое-му подсказывай, ежели санапал забудется. Так надо, Виташка... Война, брат. Тут не до шуток. Вона, как все обернулось. Вроде бы и огромная наша земля-матушка, а податься некуда. Вся Раса сошлась для нас клином на наших Новинах... Дак ты все понял, Виташка?

Мальчишка согласно покивал головой.

— Вот и хорошо, что понял, — одобрительно сказал боец, прижав к боку мальчишку. — Большой ты у меня, сынок, ух, боль-шой!

Не доезжая ветлы, возница резко потянул на себя вожжи.

— Тпррру! — Ему почудилось, будто бы стрельба в Граде рез-ко шла на убыль.

Боец с беспокойством заерзал на натертой штанами до вос-кового блеска доске передка. И вот, не зная, что предпринять — толи напоить раненых, то ли погонять лошадей дальше, — он высунулся из-за полога повозки. Глянул назад — и замер. Перед новинским Матвеем рушился мир: вся приречная Слобода — от краям до края — полыхала огромным кострищем. А за ним, засти-лая солнце, закручивался в небо аспидно-жирными свивами Ста-рый Град...

Пытаясь избавиться от наваждения, Сидоркин тряс головой, жмурился, но новые Помпеи так и не стинули с его глаз. Наобо-рот, только разрастались.

— Виташка, нету более нашего Града Великого, — нутряно рыдая, зашептал боец. — Нету...

И он принялся бить кулаком себе в тощую грудь:

— Попомни мои слова, Виташка... И дай срок... будя им за весь разбой на земле новое Ледовое побоище! Будя, маткин берег, будя!...

Со стороны Слободы послышался рыкающий гул. Вслушива-ясь, боец закрутил своей худой и задубевшей, будто наспех сле-пенной из глины, шеей в большом засушенном вороте гимна-стерки. И не в силах понять, что бы это значило, он снова высу-нулся из-за полога. И его всегда помигивающие простотой глазки вытаращились, да так и остановились, как бы остекленев.

— Виташка, маткин берег, никак танки катят?!

— Наши, дядя?! — обрадованно спросил мальчик, вскакивая на ноги. Он не раз видел в кино: когда нашим становилось туго, всегда приходила откуда-то подмога.

— Эх, Виташка, кабы да, если бы Чапай на белом коне... — с горьким сожалением шептал боец, не в силах оторвать оторопе-лого взгляда от пришедшего в движение луга.

Нет, не привиделось. Вона, как шпарят ходко. Будто на манев-рах. Красиво шпарят, хотя и неприятельские (уже были отчетли-во видны черные кресты на башнях, разрисованных в лягуша-чий шелк). А сколько их катило, поди, пересчитай, если в глазах начало двоиться, троиться. Да и какая разница — пять, десять или двадцать? Хватит и одного.

— А шпандорят-то, сукины сыны, ить к перевозу, — наконец догадался Сидоркин.

Боец убрался за полог и снова принял позу каменного исту-кана. По своему, все еще неотрешенному крестьянскому просто-душию, видимо, надеялся, что катившаяся беда обойдет их сторо-ной, а он, новинский Матвей, отсидится на телеге за ветлой с

мыслью: «Лежачих — не бьют, с ранеными — не воюют... Это ить и коню понятно».

Но беда не захотела обходить их стороной. Когда все танки уже проскочили мимо ветлы, крайний к реке рывком свернул на тележный след, только что проложенный в высокой перестой-ной траве. Лишь на извороте, неуклюже дернувшись, отбил по-клон пушкой. Словно послал привет: ага, не ждали, а вот и я!

— Дядя... дядя, одна танка идет! — доложил скороговоркой мальчик как с наблюдательного пункта. Он стоял на доске перед-ка, высунувшись головой поверх полога повозки.

— Куда идет? — обеспокоился возница.

— На на-ас, — докладывал обстановку на лугу мальчик, а сам пускал фонтан, стараясь дотянуться тугой струйкой до огромного лопуха.

— Как на нас?!

Возница дернулся было в сторону, чтобы снова выглянуть из-за полога, но его что-то удержало.

Из оцепенения Сидоркина вывел хрипчатый голос раненого из-под брезентового полога:

— Земляк... в бога, царицу-мать, ты, наконец, дашь воды?

— Щас, братушки, напойт нас — мокро будя! — огрызнулся возница, рывком за рубаху усаживая на доску передка мальчишку. — Но-о!

В замешательстве боец обронил на землю кнут: остался обе-зоруженным перед вконец пристальными разномастными. А те, обрадовавшись, что дорвались до травы, на все потуги расшеве-лить их дерганием за вожжи только устало отфыркивались да, отбиваясь от разбойных слепней, яростно хвостали себя по ляж-кам коротко стриженными махалками. Всем своим равнодуш-ным видом они как бы выказывали, что затеянная разумными мурашами-человеками кровавая буча им изрядно надоела: пора бы, мол, и образумиться.

— Но-о! — сипато от натуги шипел возница. — Убью, душегу-бы клятые!

Разномастные дружно дернулись, хотя навряд ли устроили их окрик возницы. А может, на этот раз они сами «смикнути, почем снетки», только на свой лошадиный лад: «НЕТ, НЕ МЫТЬСЯ СЕГОДНЯ НАШЕМУ ТЮХЕ-МАТЮХЕ В ЭТОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ БАЙ-НЕ».

Недавним колхозным конягам так и погляделся танк — же-лезной «байней», когда они увидели его впервые вблизи. И эта «байня» им, прямо скажем, не приглянулась — чадит вонюче и рыкает по-звериному. То ли дело — деревенские, бревенчатые! Бывало, затопят их бабы и сразу потянет мальчишскими кострами ночного. И не носятся очумело туда-сюда. Стоят себе смирен-хонько на зеленом угоре и оконцами смотрят в реку... красота!

И вот, перед тем как шарахнуться от греха подальше (желез-ная «байня» была уж совсем близко), разномастные успели на-последок хапнуть впрок по полной пасти травы, вырвав ее из луговины с корнями вместе. И так, с зелеными спутанными бо-родами, и понеслись они во весь опор по лугу.

Возница уже не управлял ими, да и навряд ли он сейчас смог совладать бы со своими однопородными, даже если хотел бы этого. Он только знай охаживал вожжами по их тавренным кру-пам в мыльной пене, взывая и моля:

— Не подведите, родимые...

Кружившему в небе ворону эта дикая погоня на лугу с высоты казалась игрой сытой кошки с перепутанной до смерти мышью. И он уже догадывался, чем это закончится. В предвкушении пожи-

вы на чужом пиру он по-ястребиному встал на круги и на радостях принялся, надсаживаясь, драть глотку: «КРА... КРА!»

Чубарый все время тянул недотепу-саврасого в свою сторону, прижимаясь к лесу, где нутром чуял свое спасение. Кося назад шальным огненным глазом-яблоком, в котором отражался пожар приречной Слободы, он видел, как высунувшиеся из окон железной «байни» белобрысые человеки размахивали руками, с закатанными по локоть рукавами, и, весело скалясь, улюлюкали на непонятном ему языке.

Железная «байня» то, устрашающе рыкая, насадала сзади на повозку с ранеными, то, как бы понарошке, чуть отставала. Но вот ей, видно, надоело играть в кошки-мышки. Дыхнув вонючим чадом, она напододала ходу... И для чубарого все разом — хряст дерева, пронзительный вопль мальчишки, знакомый матерок возницы «маткин берег», крики раненых, ржание саврасового — все разом захлебнулось в прожорливом железном рыке... А самого чубарого сперва впечатало в землю, потом, как пушинку, подбросило в небо, будто, наконец-то, лошадь обрела так желанные с недавнего времени журавлиные крылья и — поскакала-полетела в плавном, замедленном галопе искать за облаками лучшей доли.

Но бесконечный летящий галоп лошади вдруг прервало прохватывающее до самой селезенки ржание саврасого. И чубарый, повинаясь зову своего собрата с одной поскотины, камнем сверзился с звенящих небес опять на опостылевшую землю...

Потом чубарый долго еще лежал в беспамятстве на зеленом лугу среди живых колокольчиков. А рядом, отчаянно брыкаясь в разорванной упряжке, храпел саврасый Кобчик и медленно задирал окостенело спрямленные ноги, целясь копытами в небо, как спаренная, четырехствольная скорострельная установка...

Очнувшись чубарый от дурмана свежей крови и мерзкого духа вывернутой человеческой утробы. Почувствовав слабинку повода (узды была сорвана с головы вместе с лоскутом кожи на челке), он хотел было вскочить на ноги и умчаться прочь от этого гибельного места. Но все, что мог осилить, это, опираясь на передние ноги, сесть по-собачьи. Задних ног вовсе не чувствовал.

Чубарый с трудом поднял тяжелую окровавленную морду. Железная «байня» уже укатила куда-то. Но о ней все еще напоминала керосиновая вонь. Не было больше и матюхинской кареты. Среди ее обломков чубарый насилу разглядел лицо своего, теперь уже бывшего, заботника с вытаращенными и вперенными в небо, как копыта саврасого, пустыми бельмами. Криво разинутый рот (словно бы новинский Матвей силился в последний раз матюгнуться своим тверезым матерком: «Маткин берег, эва, какая вышла заковычка!») уже успели обжечь жирные с лиловым отливом мухи. Влетали в него, как в дупло. Чубарый даже брезгливо фыркнул: «ОТКУДА ТОЛЬКО БЕРУТСЯ ЭТИ ПОГАННЫЕ ТВАРИ».

Почуввав, что за ним кто-то зорко доглядывает, чубарый (вместе с туловом — шея его плохо слушалась) медленно повернул голову в сторону от расплюсченной телеги и тут же от испуга, как мотыгой, тяпнул зубами в луговину: хорошо хоть не в камень. На него хищно смотрел разморенный на жаре огромный ворон с раскрытым клювом. Он сидел неподалеку от него на ступице откатившегося колеса.

Ворон, тяжело дыша, расслабил крылья, по-куриному опуская их вниз. Потом, крутнув шей, грозно сверкнул очами, взгляд которых откровенно говорил: «НЕ ТЯНИ ПРИЯТЕЛЬ... ЛОЖИСЬ ДА ОТКИДЫВАЙ КОПЫТА КАК ЭТО СДЕЛАЛ ТВОЙ ДРУЖОК ПО УПРЯГЕ... САМ ЗНАЕШЬ ПРИ ЖИВЫХ Я НЕ СЛУЖУ СВОИ ПАНИХИДЫ».

Чубарый замотал мордой и, всхрипывая, огрызнулся: «ИГО-ГО-ГО... ПОЦЕЛУЙ МОЕ КОПЫТО!»

Навряд ли лошади сейчас хотелось жить, просто мучила жажда. И река своей близостью манила к себе. Она-то, река, и помогла бедняге собраться с силами. И вот в одну из, казалось уже безнадежных, попыток пересилил свою немочь, поднялся-таки на ноги чубарый!

Взмыл в небо заждавшийся ворон. Потом с устрашающим карканьем камнем ринулся вниз и закружил-завьюжил черной метелицей над пониклой мордой измученной лошади, все время изловчаясь долбануть клювом ей в окровавленную челку, а расщеперенными и согнутыми крючьями-когтями корябнуть по глазам.

Отбиваясь от остервеневшего чернеца, лошадь затравленно мотала на стороны оскаленной мордой, а из ее потухших глаз крупными горошинами скатывались слезы в перестойную траву, оглашенную мириадами чиликанием неутомимых чиркунов. От боли ли (ломило все тулово), от страха ли (если сейчас рухнет наземь, то уже больше никогда не стоять на ногах), от радости ли (что осталась в живых) плакала лошадь посреди луга...

После второго своего рождения и прогулки на вольных небесных выпасах крылатым конем чубарому не так-то просто было решиться на первый шаг...

Долго ль, скоро ль, наконец-то лошадь выбрела к срезу кряжа. А дальше что? Как дотянуться до воды?.. Выручило ее же несчастье. Шатнуло непослушный зад в сторону реки, и лошадь, не устояв на трясущихся в мелкой дрожи ногах, загремела под крутик. И прямо в воду — бу-ух! Только каскад сверкучих брызг с шумом плеснулся на реку. Хорошо хоть не глубоко было под берегом. Теперь пей, лошадь, — не хочу! И она с жадностью припала вздрагивающими от жажды губами к бегучей живой воде.

Лежать в парной реке чубарому было отраднее. Боль в ушибленном тулове мало-помалу утихомиривалась. Да и устрашающая стрельба в округе сошла на нет.

И все было бы ничего, если бы со стороны Града не проплывали утопленники: мужики в матюхинском облачении и все перебранные бинтами; бабы, цепляясь за траву раскосмаченными текучей водой волосами, и много плыло ребятин в коротких платицах и штанишках на помочах. С остановившимися, вытаращенными глазами утопленники казались чубарому огромными живыми лягухами-растопырами, одетыми в человеческие попоны. Он каждый раз пугливо фыркал, но, чтобы выпрыгнуть из воды на берег, у него не было мочи.

И вот, гоня от себя страх, лошадь залиvisto проржала на все побережье. Может, она зывала о помощи, чтобы вызволили ее из западни.

Теплая, без сполохов августовская ночь заботливой клухой укрыла притихшее приречье. Но вот на небе, которое лошадь видела опрокинутым перед собой в реку, раздвинулись черные завесы. И тут же на прояснившиеся неоглядные дали высыпали откуда-то в несметном множестве божьи овцы. Их гнал на водопой молодой пастух-апостол в белом рубище с закинутым за спину рогом. Он чинно вышагивал по перевернутым вниз шишкам дальнего заречного ельника.

Всегда так ночью во Вселенной: на земле скотину — в огорожу, на небе — на выпас...

И тут чубарый почувствовал, что вода принесла ему заметное облегчение. Теперь ему захотелось и жить, то есть кормиться.

Пересиливая свою немочь, он поднялся на ноги и неспешно двинулся по заводу, пугая шумом воды спящую рыбу в ряске и сторожких дергачей в береговых колониях осоки. И с первых же шагов лошадь почувствовала, что брести в реке было намного легче, чем посуху. Вода как бы поддерживала с боков, а течение подталкивало сзади. В омуте с обрывистым берегом ей пришлось пуститься вплавь. И ничего, поплыла! И это придало ей храбрости.

Плывет лошадь по опрокинутому небу среди несчитанных божьих отар, а ей навстречу все шагает и шагает по прямой тропке, высланной отбеленным рядом, молодой пастух-апостол в грубом рубище и с острым перевернутым рогом за спиной. Он-то, добрый молодец, и не дал несчастной лошади сбиться с пути. И даже тогда, когда над водой стал собираться предутренний туман, заволакивая берега.

Чубарый уже выкладывался из последних сил и вдруг почувствовал, как в его бок толкнулось что-то живое и цепко ухватилось за обрывок шлеи. Хорошо, что это случилось под самым берегом. Иначе, ей-ей, пустил бы пузыри из раздутых фыркалок. А как только его ноги коснулись дна, из-под бока вынырнул с большим шумом страшила, весь опутанный ряской. От неожиданности чубарый даже вздрогнул с храпом.

— Да ты, друг ситный, не бойсь меня, — не очень внятно бормотал страшила, извергая изо рта фонтаны воды. — Я... я — водяной! Это человека надо бояться... от него, паразита, жди всего... А водяной покусит и отступится.

По незлобливой интонации в голосе чубарый догадывался, что перед ним все-таки был большой мураш-человек. И речь его ему была понятна, особенно, когда он приправлял ее складным матерком. Да и одет он был точь-в-точь как и его бывший заботник, боец Матюха. На этом чубарый и успокоился, дружелюбно проржав: «СВОЙ ВОДЯНОЙ?»

А Водяной, прокашлявшись, уже внятнее заговорил:

— Премногое спасибо тебе, друг ситный!.. Не ты — хана бы мне. Как пить дать, женили бы меня русалки. Ну, насили отбрыкался! А так, гляди, еще и женушку свою законную сохранил. — Он потянул за ремень и рывком выхватил из воды винтовку. — Гляди!

Чубарый чуть было не заржал матюхинским матерком:

«МАТКИН БЕРЕГ И ВОДЯНЫЕ С РУЖЬЯМИ!.. ОХ УЖ ЭТИ ЧЕЛОВЕКИ... ТОЛЬКО СТАЛИ ЛЯГУХАМИ — И ЗАБУРЛИЛА ВОДА!..»

— Друг ситный, долго мы будем вот так стоять в воде? — спросил Водяной и по-дружески ткнул его кулаком в бок. — Вот сейчас туман разойдется и, неровен час, приметят нас, что мы тут телимся, и — айн момент! Живо прицельно приласкают. А ну, шагом марш, на берег — сушить свои ризы!

Чубарый взбучил передними ногами воду — и ни с места: река вымотала его вконец.

— Ты чего? — неодобрительно присвистнул Водяной. — А я-то грешным делом подумал: по пути нам с тобой... Не вешай носа, друг ситный!

Водяной, обходя вкруговую лошадь, стал ощупывать ей в воде ноги. Не обнаружив переломов, он ободрился:

— Вроде бы целы твои ходули... А ну, друг ситный, попробуй смелее! Ать, два!

Чубарый жалобно и совсем по-человечьи устало фыркнул: «НЕ МОГУ БРАТ». И понуро утупился взглядом в воду, чем рассердил Водяного:

— Это ты брось! — строго прикрикнул он. — Знай, в беде я тебя не оставлю... Долг платежом красен! — Он подставил грудь

под хилившийся номерованный круп и снова скомандовал: — Только вперед, друг ситный! Пшо-ол!..

Светало уже вовсю, когда Водяной и лошадь наконец-то одолели невысокий пологий угор берега. А им вослед кулик-перевозчик, дергаясь длинным хвостом-балансиром и печатая стежками-крестиками кромку илистой мокредины, радостно выкрикивал: «ПЕРЕВЕЗ! ПЕРЕВЕЗ!..»

Не меньше пичужки радовался и Водяной.

— Вот и квиты мы с тобой, друг ситный!.. — говорил он лошади, как только они укрылись в ложбине за густой стеной ивняка. — Одно только худо — табак подмок! Да и обувку утопил. — Он показал взглядом на свои босые ноги и, пошевелив пальцами, заговорщически подмигнул: — Зато для тебя, друг ситный, у меня... что-то есть! Айн момент, айн момент...

Водяной запустил руку в карман брюк, пошарил старательно и, ничего не найдя, вывернул его. Показал: пусто в кармане. Но он этому ничуть не опечалился. Напротив, весело посмеялся:

— И в этом-то нас, друг ситный, уравнило! Табак — подмок; сахар — растаял... Только ты не горюй — перебьемся! Русалки-то вона тоже красивые, да только девки-то все ж милее! Они теплом живы! А русалки — что? Одна холодная блазнь, брррр!

Не зная, чем бы занять себя, Водяной пропустил через обе пясти несколько лоснившихся сиреневых метелок луговой овсяницы — забавы деревенских мальчишек в лугах. Зажал кулаки и на полном серьезе, будто человека, спросил лошадь:

— Друг ситный, отгадай: курица или петух?

Чубарый будто и впрямь сообразил, чего хотят от него. Он доверительно ткнулся губами в кулак, который был ближе к нему. Видно, хотел прознать по запаху: какой Водяной — добрый или злой? И радостно проржал: «ДОБРЫЙ!»

По-мальчишьи задорно вскричал и Водяной:

— Петух!.. Загадал-то я, друг ситный, долго ль нам придется отходить на «исходные позиции»? Если «курица» — драпбितте, товарищ Бубенцов. «Петух» — ша, умри, боец Пашка: стопбитте!.. Я ведь Водяной-то тутешний! Так что драпбитте мне уже некуда, друг ситный.

В сиренево-розовой размытости высокого неба заполосенно закаркал ворон:

«КРРА... УРРА... ВОТ ТЫ ГДЕ!..» Чернец с утра пораньше уже рыскал над уберечьем — выискивал приговоренную им еще вчера несчастную лошадь.

— Проваливай, монах: поминки отменяются! Ничего тебе здесь не обломится! — озлясь, прокричал чернецу Водяной-Бубенцов. Он погрозились винтовкой в небо и с горечью посетовал: — Жалко, что остался один-разъединственный патрон... А то я каркнул бы тебе. Так каркнул — пух полетел бы с тебя, падальника!

Он даже не поленился открыть затвор у винтовки — то ли чтобы показать лошади, что у него действительно остался «один-разъединственный» патрон, то ли хотел убедиться: есть ли он еще у него. Да, патрон был. И находился на месте. Там, где и надлежало ему, «разъединственному», быть — в патроннике ствола.

Наступившее утро возвестил обвальным лающим грохотом. Водяной-Бубенцов встрепенулся, вслушиваясь и определяясь на местности.

— Слышь, друг ситный... а ведь молотят-то... слышь, у Синего моста молотят! И надо думать: не по пустому месту молотят-то! Стало быть... обозначилась черта «стопбитте»!

И он, весь как-то подобранный, засобирался:

— Ну, будь здоров, чубарый! — оглаживая ладонью вдоль хребтины, он задержал взгляд на тавреном крупе. — Теперь твое «тринадцатое» для меня будет самое счастливое число. Живи, друг ситный! А я, значит, потопал... Мне, значит, некогда... Я ведь тутшний... понизовский, из Доброй Воды... А это значит, для меня будет последней и «исходная позиция»... Ша, умри, Пашка!.. — словно заклинение, шептал понизовский Пашка Бубенцов, нервно подергивая плечами. Будто не словами окатывал себя, а ошпаривал крутым кипятком.

А огненная «молотба» шла и в самом деле уже у Синего моста, где закипал новый бой — длиною почти в три года. Это принаторевший в разбое враг укладывал по науке (шахматным порядком) мины, вспарывая вековую предельменскую пожню. Там в высоких ее травах ночью залегли ополченцы-добровольцы. Семнадцатилетние мальчишки из окрестных деревень. К приходу сибириков, которые засядут тут в надежную оборону, все они захопнут за собой тяжелую дверь в Вечность. И очень скоро — как только на небе народится новый месяц. Похороны же на них пойдут в их деревни, до которых рукой подать, каким-то неведомым кружным путем. Матери их получат только после войны. Видно, чья-то разумная голова рассудила: пусть мертвые мальчишки немного подрастут хотя б во Времени. Все не так будет больно их матерям...

Но это все будет потом, а пока Пашка Бубенцов торопился к Синему мосту. Как знать, может, там как раз и недоставало сейчас его «разъединственного» патрона, а может, и его разъединственной жизни... И когда он босой, но с винтовкой в руках канул в дымном уреме, чубарый щипнул травинку-другую и не заметил, как тоже пустился в путь. Только в отличие от своего спасителя Водяного он забирал в сторону от грохота, памятуя, что там — за лесами, за долами — родная поскотина...

Матюшиха в это утро пришла на берег со всем своим выводком мал мала меньше. Лицо ее опухло от слез. Видно, баба всю ночь проплакала в подушку (вот тебе и позавидовали кумушки: «Кому война, а кому — чистый прибыток»). В одной руке она держала серп, в другой — большую скройку хлеба, круто посыпанную ядреной солью. Задабривая чубарого гостя подношением, она, как и вчера, принялась слезно пытаться своими расспросами:

— Лошадка, будь хорошей... Скажи тетке Луше: где хозяина-то свою потеряла? Ить не с ярмонки ж ехали, шток все-то запомнить?.. Не тайся, чубарка...

Снизойди сейчас на лошадь дар человеческий речи, она ни-

чего не утаила бы от своей радетельницы. При этом возгордилась бы своим заботником, который, каждый день трудясь в поте лица ради хлеба насущного, никогда не просил для себя лишку — ни у бога, ни у жизни, ни у власти. Жил в деревне вроде бы — Тюхой-Матюхой, а на поверку вышло — первостатейный мужик! И жалко, что теперь об его исподней изнанке никогда не узнают в Новинах. И Лукерье его никто не укажет место, где остался лежать, вперившись пустыми бельмами в небо, ее заступа и опора, разлюбезный Матвей Елизарович Сидоркин. Нет, никто и никогда.

До убережья, вздыбленного бабьими руками, то и дело докатывались орудийные громы. Теперь они постоянно — днем и ночью — напоминали новинским, что за дальним лесом (а это было совсем близко), у Синего моста идет смертный бой. Только поди разберись: чьи там бухают пушки? Чьи там сейчас валяются наземь замертво солдаты? Хорошо — вражки... а если — свои? И как отринуть от себя эту мысль, если за лесом, ты знаешь, и твой сын, доброволец-ополченец, Виташка Сидоркин бьется там? Вот потому-то сейчас при каждом земном громе так испуганно вздрагивала новинская Матюшиха, будто каждый зазубренный осколок попадал ей в грудь.

И что бы теперь Лукерья ни делала, а в мыслях одно:

«Птицей бы туда слетать да посмотреть, што там счас деется?..»

И над свежестрытым противотанковым рвом, как с крепостной стены, повис плач матери и жены:

— Где ты счас, моя кровинушка ненаглядная, Виташка?.. Што случилось с тобой, сердешный ты мой, Матюша?.. Живы ли оба?..

Но, гоня прочь от себя черные мысли, Лукерья в который уже раз принялась упрашивать израненную лошадь:

— Ты только не молчи, чубарушка. Ты хошь по-своему побай с теткой Лушой. В народе ить не даром грится: кони ржут — к добру.

И чубарый, словно бы и впрямь вняв горю своей радетельницы, залиvisto зашелся на всю округу. Может, и ему было одиноко на земле без голосов сородичей.

А где-то в вышине неба, уже с утра пораньше развезженного железными ястребами на дымные дороги, плакал чибис. Птица выпрашивала у реки воды: «Пи-ить! Пи-ить!..» Значит, и завтра быть ведру. А истомившаяся за лето от огненной страды земля жаждала грозы, чтобы потушить пожарища, чад которых дополз — от границ западных до далеких лесных Новин.

Стояли душные и горькие последние дни августа сорок первого...

Иллюстрации Геннадия СЕНЕЧКО

ФОРУМ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

(Из коллекций Н. А. Козырева)*

Одним из самых значительных туристских пастбищ Новгорода Великого является сегодня территория Ярославова Дворища и древнего Торга. Да и в прежние времена новгородский Торг (давший название половине города) и расположенное южнее Ярославово Дворище (предмет наследственных притязаний великих князей московских) были во всех отношениях центром правобережной части Новгорода. Когда-то здесь стоял роскошный дворец князя Ярослава, в ту пору еще не Мудрого, – дворец, своим великолепием превосходивший, согласно легенде, дворцы всех других государей Северной Европы. По всей видимости именно здесь гремел вечевой колокол и бушевало знаменитое Вече Новгородское. А вокруг каменных храмов, многие из которых не дожили до наших дней, в окружении иноземных и русских торговых дворов много веков подряд шумел новгородский Торг: более полутора тысяч лавок, около сорока торговых рядов, бесчисленные суда у вымоллов, торгующие торговцы, покупающие покупатели, юродствующие юродивые... Со временем, однако, Великий Новгород терял свое бывшее значение, а вместе с ним и его буйный Торг. В XVII столетии по проекту зодчего Семёна Ефимова строится комплекс Гостиного двора, в лавки которого постепенно перемещается новгородская коммерция, а территория Торга и Дворища постепенно застраивается, кроме торговых точек, еще и новыми официальными учреждениями.

Вот она – частично и по сей день сохранившаяся западная аркада Гостиного двора; только тогда это были не просто прозрачные арки, как сейчас, а крытые помещения, и не только с западной стороны, а по всему четырехугольному периметру. Кирпичное здание слева – водоподъемная башня, а за ней, под углом к аркаде, виднеется часть здания Городской Думы.

Торговая площадь начала XX века, когда снимались эти кадры, напоминает уже скорее не крупнейшее русское торжище средневековья, а, в лучшем случае, центральный рынок провинциального городка. И все же мощные укрепления Кремля на противоположном берегу придают некий эпический тон даже этой непритязательной жанровой картинке. Слева видна часть водоподъемной башни, а впереди, перед мостом – часовня Александра Невского. Таким образом, на страже Волховского моста с обеих сторон стояли часовни: с Софийской – часовня Чудного Креста, с Торговой – св. Александра Невского.

* Начало см. в №12, 13, 14.

Та же торговая площадь, только без торгующих (очевидно, не базарный день). И та же шатровая часовенка святого благоверного князя Александра Невского, поставленная в память чудесного спасения в 1866 году императора Александра II (4-го апреля 1866 года прогремел выстрел Дмитрия Каракозова, открывший настоящую охоту на царя-освободителя). В древности в районе этой площади стояла каменная церковь Бориса и Глеба на Торгу; в XVI веке, во всяком случае, она еще существовала. А причудливое одноэтажное деревянное строение в правой части открытки – символ уже нового времени: синематограф (кинотеатр иными словами) под названием «Модерн».

Снова торговая площадь, но уже в совершенно ином ракурсе. Из всего, что показано на открытке, сохранились сегодня только два сооружения – церкви Иоанна Предтечи и св. Георгия. Знаменитый храм Иоанна «на Опоках» (или «на Петрятине дворе»), многократно горевший и перестраиваемый, был весьма почитаем в городе, его даже называли «Иваном Великим»; а когда в 1820 году местные власти собрались было закрыть

его «по ветхости», новгородцы заступились за любимую церковь, и «усердие новгородских граждан спасло ее от упразднения». В свое время храм был центром богатейшего «Иваньского ста» со всеми вытекающими отсюда привилегиями, а также являлся соборным (аж до середины XVIII века). Основанный князем Всеволодом Мстиславичем, героем известных событий 1136 года, храм Иоанна Предтечи в показанное на открытке время имел теплый придел, освященный в честь этого же князя Всеволода, некогда изгнанного из Новгорода. Придел этот находился между колокольной и основным объемом храма, и на открытке почти не виден. И теплая церковь, и колокольня построены в 1825 году, и обе не сохранились, как не сохранились и торговые заведения по Знаменской улице (показанные на открытке до Георгиевской церкви), и двухэтажный домик справа от колокольни. В домике этом, во 2-м этаже, жил священник церкви Иоанна Предтечи, а 1-й этаж сда-

вался в аренду под торговые лавки. Кстати, одним из прихожан церкви Иоанна на Опоках был и живший неподалеку новгородский губернатор. А 1903 году при храме стараниями священника А.Н. Ваучского было открыто Иоанно-Предтеченское общество трезвости.

Церковь св. Георгия – во всяком случае, видимая часть ее – выглядит на открытке точно так же, как и сегодня (разумеется, без окружающих строений). Поставленная в 1133 году деревянной, она сгорела через 48 лет, после чего вновь была отстроена, опять-таки в дереве, и спустя еще 48 лет сгорела снова. Так бы, наверное, до сих пор и горела она каждые 48 лет, если бы в 1356 году ее не поставили, наконец, в камне. От той постройки XIV столетия сохранилась нынче только нижняя часть, верхняя (видимая на открытке) – результат перестройки конца XVII века. Чуть впереди церкви и значительно ниже ее купола хорошо различим другой купол – сферический, широкий в основании и низкий. Это – часовня блаженного Феодора, Христа ради юродивого, жившего в XIV веке, юродствовавшего преимущественно на Торгу и на Торгу же, по его завещанию, похороненного. Над гробом была сооружена часовня, которая впоследствии часто перестраивалась.

Последняя часовня, изображенная на открытке, построена в 1820-х годах.

Это здание нам всем хорошо знакомо (правда, без балкончика): губернаторский дом. В древности на этом месте (или где-то совсем рядом) стояла церковь Димитрия на Торгу, известная с XIV века, возле которой располагалась Таможенная палата и шла бойкая торговля хлебом (место за алтарем церкви так и называлось – «Хлебная горка»). Но в 1770-х годах церковь эту разобрали, тогда же был построен и губернаторский дворец, в котором жили и трудились господа губернаторы новгородские – от Якова Ефимовича Сиверса, инициатора этой постройки, до последнего, Михаила Владимировича Иславина. Здание неоднократно ремонтировалось и перестраивалось, меняя свой облик, но всегда оставалось губернаторским домом. После революции здесь расположился Губернский отдел народного образования, потом – реставрационные мастерские и музей древнего и нового искусства, а после Великой

Отечественной почти на полвека – исполком.

На этих открытках губернаторский дом снят в разных ракурсах: со стороны Путевого дворца и с Большой Московской. На первом снимке видна часть Большой Московской: утраченный ныне дом с широкими проездами во двор, и, частично закрытый деревом, «дом Берга», один из самых дорогих домов Торговой стороны, в нижнем этаже которого располагалась аптека. А за 10 лет до и в течение 15 лет после войны этим зданием владело ГПУ – НКВД – МГБ. На другом снимке справа от губернаторского дома можно увидеть магазин компании «Зингер», а слева, в конце квартала – дом начала прошлого века, в котором теперь размещается главпочтамт.

Путевой дворец, изначально задуманный как помещение для отдыха членов императорской семьи, приди им охота путешествовать, нечасто использовался по назначению. Выстроенный в районе бывшего Тверского торгового двора в 20-х годах XVIII века, он был сперва деревянным, а в 1770-х годах его на прежнем месте построили в камне. Кто был автором проекта – вопрос этот по сей день интригует исследователей, грешили даже на Баженова. Дворец этот, хоть и не деревянный, тоже горел, а также терпел и от противоположной стихии – от наводнений. В результате всех этих несчастий он пришел в такое плачевное состояние, что городские власти, не имея средств на ремонт, продали его в 1820-х годах какому-то г-ну Мильгунову. Но уже в 1824 году здание было выкуплено Департаментом военных поселений, перестроено по проекту В. Стасова и обрело тот вид, в котором пребывает и доныне. С 1828 года начинается «штабная» история Путевого дворца: сперва это штаб Гренадерского корпуса военных поселений, в 1850-х годах – штаб Резервной дивизии 1-го Артиллерийского корпуса, перед революцией – штаб 22-й пехотной дивизии (что можно прочесть и на открытке); после революции – военкомат и опять-таки штаб дивизии. Потом, в 1930-е годы, на непродолжительное время он становится клубом Красной Армии (все-таки армии!), а с началом войны – снова штаб, теперь уже Северо-Западного фронта. В войну Путевой дворец сильно пострадал, но был восстановлен, и в 1950-х стал дворцом культуры им. Васильева (Героя Советского Союза партизана Н.Г. Васильева, бывшего в свое время директором вышеупомянутого клуба Красной Армии).

Изв. Ф. Кохл. Новгород.

врага, приняли новгородцы. Сентиментальный француз до такой степени расчувствовался, что даже принял русское подданство и остался жить в Новгороде. Мало того, он привез из Парижа большие часы, купленные им на собственные 2000 франков, и преподнес их в знак благодарности полюбившемуся городу. Часы эти, в 1841 году установленные в аттике Городской Думы, хорошо видны на одной из этих открыток. А вот на другой открытке их почему-то нет. Все то же самое: и здание, и аттик, и башенка для «часового звона», а вот самих часов нет – вместо них просматривается изображение новгородского герба. Может быть, в момент съемки часы были на ремонте?..

К названию церкви Успения Божьей Матери иногда добавляют: «на Козьей бородке». Потому скорее всего, что рядом с ней когда-то, в былинные времена, торговали скотом (а кстати и территория чуть северо-восточнее ее алтаря называлась «Коневова площадкой»). Церковь сохранилась, но на открытке ее сразу не узнаешь – слишком много утрачено: главки, колокольня, северная паперть с приделом великомученицы Екатерины. Сохранились из того, что есть на открытке, только главный храм,

южная паперть, в которой помещался придел Алексея Человека Божия, да центральный купол. Но и на открытке от древней постройки мало что осталось – слишком часто церковь горела и перестраивалась. Основана она была все тем же князем Всеволодом по весьма печальному поводу. Однажды в 1134 году к нему, тогда еще князю новгородскому, приехал брат Изяслав, изгой (то есть князь без княжества), и стал подбивать его пойти войною на дядю Юрия, дабы отвоевать для него, Изяслава, какую-нибудь область. Среди новгородцев единого мнения по этому поводу не было: они долго бушевали на Вече и решили все же идти на дядю Юрия; потом, уже во время похода, собрали свое небольшое вече и вернулись, потом городское Вече снова отправило их в поход... Пока они митинговали, Юрий Долгорукий, чуждый демократическим принципам правления, просто выслал им на встречу войско и вздул как следует зарвавшихся племянников «на Ждане горе», а заодно перебил и многих новгородцев. Вот в память о них-то, о новгородцах, убиенных «на Ждане горе», и была в 1135 году заложена каменная церковь Успения Божьей Матери.

Все, что показано на этой открытке, существует и сегодня, кроме участка строений Гостиного двора слева от колокольни Никольского собора. Колокольня эта построена в конце XVII века и находится прямо перед входом в собор (часть его видна справа). А вот башенка на заднем плане породила в свое время много всевозможных догадок и версий. Ее называли и «Ярославовой» (имея в виду принадлежность к комплексу княжеских построек), и «Вечевой» (предполагая, что на ней висел вечевой колокол), и «Гридничей» (связывая ее со словом «гриди», то есть княжеские дружинники). На самом же деле это была воротная башня Гостиного

В 1770-х годах, при кардинальной реконструкции комплекса Гостиного двора, в линии торговых рядов появилось это здание. Сначала оно называлось Городскими присутственными местами, затем – Городской Думой. Дважды оно перестраивалось, и наконец стало выглядеть так, как мы видим на этих открытках. Думе повезло меньше, чем ее ровесникам – Путевому дворцу и губернаторскому дому: после немецких бомбежек она не была восстановлена, и теперь на том месте, где она стояла, можно наблюдать лишь асфальт да газоны.

После Отечественной войны 1812 года бывший часовщик по имени Шарль Луи Бернар, попав в Новгород в качестве военнопленного, был до глубины души потрясен тем радушием и обходительностью, с которыми его,

плененного

Новгород. - Городская дума.

плененного

Ярославово Дворище.

Новгород.

двора, сооруженного в конце XVII столетия по указу государей Иоанна и Петра Алексеевичей. Использовали это помещение очень разнообразно. С последней четверти XVIII века и далее там размещались и магистрат, и приказная палата, и сиротский суд, и городское правление. Планировали устроить там школу для купеческих детей, то губернский архив, то детский приют. Какое-то время там была даже богадельня. С 1857 года в Воротной башне открыли приходское училище, приспособив для него и донные сохранившуюся постройку между башней и колокольней, перестроенную надлежащим образом. Последнее, что там располагалось до революции – Городское училище.

Древнейшие из сохранившихся сооружений не только Ярославова Дворища, но и всей Торговой стороны города – Николь-

ский собор. Заложен он был князем Мстиславом Великим в 1113-м, а освящен владыкой Нифонтом только в 1136 году. С его строительством связано красивое церковное предание о чудесном исцелении князя Мстислава и об обретении чудотворной иконы св. Николая. Собор построен был князем, на княжеской территории, и претендовал на роль некоего княжеского противовеса главному храму вольного Новгорода – собору св. Софии. Даже причт собора послушен был скорее воле князя, нежели владыки новгородского.

Так же, как и на этой открытке, собор выглядел совсем еще недавно – менее десятка лет назад. Но теперь, когда наконец с него сняли казавшиеся вечными леса, Николо-Дворищенский собор стараниями реставраторов, наших и не наших, засиял в своей первоначальной красе почти 900-летней давности. Впечат-

ления не портят даже пристроенные в прошлом веке галереи, ибо взгляд устремляется не на подножие храма, а на строгие его стены, нарядные закомары и мощное пятиглавие.

А это уже не Ярославово Дворище и не древний Торг. И все же, как мы видим, торг. На месте этом, в конце Буяны улицы, у самой реки, по соседству с подворьями Хутынского и Деревяницкого монастырей, располагался рыбный рынок, который так и называли: Рыбаки. У пристани стояли рыбацьи лодки с уловом, в больших чанах (хорошо на открытке различимых) плескалась живая рыба, кругом царил оживление, всякому рынку присущее, и над всем этим стоял сильный, соответствующий товару, запах. Купив рыбу, все остальное, к ней полагающееся, можно было приобрести рядом: от Рыбаков до торговой площади – рукой подать.

Дворище и Торг прожили вместе с великим городом бурную и замечательную жизнь, и каждая эпоха, буквально каждое столетие, оставили здесь свое свидетельство. Даже сейчас, когда после войны многое предпочли не восстанавливать, а просто разобрать – даже сейчас можно увидеть и потрогать руками практически любое время, от Никольского храма начала XII-го до маленького Ленина (напротив губернаторского дома) середины XX века. Еще до войны эта территория была густо застроена, сейчас же здесь открытая площадь с семью храмами, небольшими фрагментами Гостиного двора да несколькими историческими зданиями и церквями на периферии, – площадь с широкими аллеями и газонами, по которой так удобно маневрировать экскурсионным группам. Может быть, с точки зрения градостроительной это и верно. И все-таки жаль, что нельзя уже ни услышать звона курантов над Думой, ни увидеть Александро-Невскую часовню, фонтан на площади, домики прошлого века да нескончаемые торговые ряды – все то, что еще своими глазами видели современники этих открыток.

Иван МУЛЛОНЕН

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ НА НОВГОРОДЧИНЕ

(1944–1950-е годы)

9-й класс валдайской средней школы, апрель 1947 г.
Второй справа в верхнем ряду – И. Муллонен

ванных ингерманландских финнов. Фактически прибыло 3172 семьи в количестве 11060 человек, которые были размещены в шести районах области, в основном в сельской местности. Среди них был автор этих воспоминаний Иван Адамович Муллонен, родившийся в 1928 года в деревне Тойворово Красногвардейского (Гатчинского) района Ленинградской области. С конца 1944 по июнь 1947 года он вместе с семьей в качестве репатрианта проживал в деревне Подберезье (Налески) Валдайского района. С 1949 года он живет в Карелии, где работал в лесной промышленности. Был секретарем Карельского областного совета профсоюзов. С 1989 года является председателем Ингерманландского Союза финнов Карелии.

РЕПАТРИАЦИЯ

После выхода Финляндии из войны политическая жизнь страны находилась под жестким контролем союзнической контрольной комиссии, руководимой А.А. Ждановым, которая имела внутри страны 16 представительств и офицерств, в основном на местном уровне занимающихся вопросами репатриации (в том числе военнопленных и других интернированных союзнических граждан). В последние дни октября 1944 года они начали в финских газетах и радио массированную идеологическую обработку советских граждан, убеждая их вернуться на Родину. Люди приглашались на организуемые в разных местах собрания, где на русском языке рассказывалось о победоносном наступлении Советской Армии, об изменениях в стране, в частности о свободе вероисповедания, намекали об изменениях в колхозах. Это психологическое давление не могло не влиять на умонастроения, и если учесть, что жизнь «на чужбине» была не сладкой (в глазах местных жителей мы были представителями вражеской страны), то поток желающих выехать домой с каждым днем увеличивался. Были и другие причины. У многих моих земляков в СССР остава-

Ингерманландские финны — финское население Ижорской земли (Ингерманландии), входившей в Вотскую пятину Новгородских земель. После того, как по условиям Столбовского договора 1617 года ее территории отошли к Швеции, оттуда начался массовый исход православного населения в Россию. Опустевшие земли были заселены переселенцами из Финляндии, которая тогда входила в состав Шведского государства.

Во время Великой Отечественной войны ингерманландские финны, оказавшиеся на оккупированных территориях, были эвакуированы в Финляндию. После окончания войны около 55000 ингерманландских финнов были возвращены в СССР, но на родину они не попали. Их расселили в Новгородской, Калининской, Ярославской и Псковской областях. Секретным постановлением Государственного Комитета обороны СССР за № 6973 от 19 ноября 1944 года новгородские областные власти обязывались «принять и разместить в порядке доприселения» 2800 семей репатрииро-

лись родные и близкие, призванные в ряды Красной Армии, а также эвакуированные в тыл. Надежда встретиться с ними после долгих лет разлуки довела над всем остальным. Откуда им было знать, что их мужья, братья, сыновья в середине лета 1942 года «отфильтрованы» из действующей армии и направлены в так называемые трудовые колонны НКВД на строительство челябинского металлургического комбината и в шахты Кузбасса, Воркуты. Там, в режиме концентрационных лагерей они погибали от недоедания и болезней. Это узнали потом. Не менее значимым был и страх принудительного возвращения, думаю, сознательно распускавшийся заинтересованными лицами (офицерами контрольной комиссии). В представлении народа если отправят принудительно — то в Сибирь, а туда никому не хотелось. Вот и возникали очереди в представительства контрольной комиссии, и подавшие заявления 55773 человека через двадцать сборных пунктов в Финляндии в период с 5.12.1944 по 13.01.45 года возвратились в Советский Союз. В течение 1945 года это число увеличилось еще на 7512 человек. В 81 эшелоне они привезли с собой 6487 коров, 77 лошадей, 1151 овцу, 50 свиней. Финские власти снабдили возвращающихся недельным продовольствен-

ным набором из расчета 3000 калорий на день, каждому четвертому оказали помощь в приобретении одежды и обуви.

В одном из таких эшелонов, сформированном в городе Ювяскюля, и наша семья переехала государственную границу в Вайниккала. Первая остановка — на советской территории, в городе Выборге. Этот бывший финский город в сумрачный декабрьский день произвел угнетающее впечатление. Везде были заметны следы войны, много разрушений, выбитые стекла и рамы в домах, улицы завалены снегом, и везде военнотруженики в погонах. Хотя мы в Финляндии уже встречали щегольски одетых офицеров-«золотопогонников», все равно непривычно было видеть и солдата в погонах. Видимо слишком глубоко засел в голове стереотип: золотые погоны — это у царских офицеров, классовых врагов и эксплуататоров. Нас привезли в какой-то зал, недалеко от места остановки эшелона в предместьях Выборга, угостили вкусной пшенной кашей с хлебом и чаем, показали кинохронику боевых действий на фронтах, и в конце объявили, что наш эшелон последует в Новгородскую область, где люди будут размещены в деревнях. Почему не на малую родину? На это последовал ответ — через ваши места прошла война и деревни разрушены, поэтому зимовать будет негде. Конечно, это был очередной обман. В это же время из этих же областей по решению ЦК ВКП(б) партийными органами отбирались «благонадежные» трудолюбивые колхозники для заселения пустующих домов ингерманландских финнов.

Вспоминаю, что в тот зимний декабрьский вечер люди возвращались к своим вагонам со слезами на глазах, рушились все их надежды на встречу с родными (в Финляндии мы были расселены по всей стране), родным домом, соседями и знакомыми. На следующий день мы с грустью следили за остающимися на севере пригородами Ленинграда. Поезд шел на юг, и на следующий день утром из Бологого направился на запад. Места эти были незнакомыми, и после остановок наш эшелон все уменьшался. Наконец пришла и наша очередь. В декабрьский полдень на разъезде Долматово, недалеко от Валдая, было отцеплено несколько вагонов. Впереди была неизвестность.

ПРИВЫКАНИЕ

На станции нас встречали. К вагону подошел пожилой, небольшого роста мужичок с бородкой, в полушубке и валенках и приветливо пригласил выйти из вагона членов нашей семьи. В списке у него были еще две небольших семьи. Все мы были определены в колхоз Подбережье, где он был председателем. Видимо, люди еще в Выборге распределялись по колхозам. Нам, прямо скажем, повезло. Деревня находилась километрах в пяти от полустанка, да и никакой проверки вещей не проводилось. Позднее мы узнали, что привезенные на соседнюю станцию Любница подверглись тщательной проверке, у них была изъята все финская литература, финские ножи, патефоны и пластинки, и даже фотокарточки. Многие семьи, поселенные в Демянском районе, днями ждали транспорта, чтобы попасть на место поселения.

Не стоило большого труда погрузить вещи на подводы, сложнее было вывести из вагона коров. Мужчины с председателем соорудили из подручных материалов некое подобие эстакады, и с большим трудом вызволили их. На двух выделенных колхозом подводах, в которые были запряжены бычки, мы еще засветло мы добрались до деревни Налески, расположенной на высоком (северном) берегу речки Хоронятки. Через мост поднялись в деревню. По обеим сторонам деревенской улицы стояли довольно «справные» бревенчатые дома, покрытые дранкой. Нас поселили в большом, добротно построенном доме с окнами на южную сторону. Под одной крышей с домом находились и надворные постройки — хлев, дровяной сарай, уборная, что очень напоминало отеческий дом на родине. Из окон открывался красивый вид на поле, протекающую в овраге речку с заросшими ольшаником берегами. Избу натопили, тепло исходило из стоящей в углу боль-

шой русской печи. В доме проживали два человека средних лет, как оказалось, брат с сестрой — оба инвалиды. Мы с ними прожили под одной крышей около года. Жили дружно, без конфликтов. Моя мать сколько могла помогала им, поскольку у них ничего своего не было, а на те мизерные пособия, которые они получали от государства, прожить было невозможно.

В деревне было хозяйств двадцать, в основном Соловьевых и Смирновых. Мужчин, как мне помнится, было трое: непригодные к службе в армии по возрасту — вышеупомянутый Евгений Соловьев (дядя Енька, как все его называли) и Арсений (дядя Арех) Смирнов — бригадир. Третий — полуслепой кладовщик Маврикий.

Наш приезд был встречен жителями деревни с большим любопытством и определенным недоверием. Ведь в обыденном сознании еще со времен советско-финской «зимней» войны 1939–40 годов у людей сложился стереотип: финны — люди жестокие, с финскими ножами на боку, безжалостно убивавшие раненых и попавших в плен. Местным жителям было не понять, кто мы и почему нас поселили у них. Но скоро эта отчужденность прошла и они к нам привыкли. Мои два младших брата стали ходить в школу, находившуюся в соседней деревне Луговенка. Вначале им было нелегко из-за незнания русского языка, но общение с деревенскими погодками помогло, и к концу учебного года оба они перешли в следующие классы. Я сдружился с учеником 7-го класса Яковом Смирновым. У него было две старших сестры, и у Смирновых по воскресеньям обычно собиралась молодежь и подростки. Играли в домино, карты, слушали патефонные пластинки. Иногда девушки танцевали кадрили, которая была самым популярным танцем на вечеринках в зимнее время. На них собирались, например, в Налесках, у молодой вдовы Груни. Вначале приходили девушки с рукодельем, потом парни с гармошкой. Парней было мало, в основном демобилизованные после ранений.

Яша Смирнов привел меня в сельскую библиотеку при Луговенском клубе, и я стал частым ее посетителем. Библиотека получала центральные газеты и журналы, а из них можно было получать информацию о ходе военных действий, о событиях внутри страны. В Налески газеты не приходили, за исключением скромной, на одном листке, «районки». Я всегда любил читать, а в библиотеке был богатый выбор как русской, так и зарубежной классики. Свободного времени в зимние месяцы было достаточно. В мои обязанности с братом входила заготовка дров. Это было несложно. На берегу речки вырубалось несколько деревьев, которые распиливались на куски и на санках доставлялись домой. Так делали и многие местные жители, которые не запасли летом дров на зиму. Конечно, от таких дров тепла меньше, но в русской печке за ночь они подсыхали и давали вполне достаточно тепла.

Так проходила первая зима на новом месте. Юридически мы являлись гражданами СССР, политических прав не были лишены. До сих пор неясно, были мы поднадзорными органам государственной безопасности или нет. Во всяком случае, доказательства нашего проживания в Валдайском районе по справке Новгородского областного архива нашлись «в документах КГБ Валдайского райисполкома» (ГАНО, Р-974, оп. 4. д. 16 л. 76). Удостоверений личности (как и у местных колхозников) у нас не было. Мои родители вступили в колхоз. В зимнее время работы в хозяйстве было немного, и трудоспособных в основном отправляли на лесозаготовки. Отец получил задание восстанавливать колхозную кузницу. В довоенные годы он на родине работал кузнецом, и на этой работе получил производственную травму и инвалидность. Но с годами здоровье восстанавливалось, и в Налесках его профессия пригодилась. Ближе к весне он начал ремонт сельхозинвентаря, я ему помогал в качестве молотобойца. Не было ни угля, ни металла. Если уголь заменяли дровами, то за металлом ездили на станцию Любница, где находилась площадка отгрузки металлолома (сбитых самолетов, поломанных автомашин, различной другой военной техники), свозимой сюда со стороны Демянска. Чаше всего охрана смотрела на это сквозь паль-

цы, но однажды мы с Яковом попались. За «мародерство» нас задержали, под конвоем доставили на поезде до станции Едрово, а оттуда в Выползово, где находился военный аэродром, видимо, имевший какое-то отношение к Любницкой площадке. Какой-то офицер, допросив нас и выругав, отпустил домой. Можно себе представить, как волновались дома, когда мальчишки не пришли домой к вечеру. Домой мы попали не сразу, так как поезд ходил раз в сутки.

Привезенных из Финляндии продуктов хватило ненадолго, и вскоре в наши двери постучала нужда. Кроме семи ртов, надо было еще кормить и корову. Обещанной в постановлении ГКО помощи мы не получали. Помнится, за всю зиму единственный раз выдали через Луговенское сельпо по 15 кг овса на человека. Оставался единственный выход — обмен вещей, преимущественно на картофель. Бартерные операции, как называли бы их сегодня. Обменяли велосипед, кое-какую одежку, постельное белье. Отец и мать стали ходить к поезду на станцию Любница и продавать пассажирам топленое молоко, творог. На вырученные деньги покупали сено для коровы. Отец, мастер на все руки, стал чинить кастрюли, ведра и даже часы (ходики), делать кадки, какую-то примитивную мебель. За это люди расплачивались картофелем, капустой, солеными огурцами. Денег у колхозников не водилось, также как и хлеба. Откуда ему взяться, если все, что вырастало, нужно было отдавать государству? Я не помню, сколько граммов зерна на трудодень получали налесские колхозники. Думаю, что не больше, чем в колхозе «Красный Гудок» Санталовского сельсовета Крестецкого района, где, по воспоминаниям бывшего счетовода этого хозяйства Л.И. Кузьминой (Капанен), в 1947–1951 годах трудодень «весил» 150–250 г зерна. Если вспомнить, что колхозник со своего приусадебного хозяйства должен был отдавать государству налоги — молоко, шерсть и т.п., — то станет понятным его нищенское существование и всяческое стремление уйти из колхоза. Такая перспектива не могла устраивать моих земляков. Многие из них уже в середине зимы 1945 года, выменяв свои пожитки, оказались на пороге голодной смерти. Начались массовые нелегальные выезды, преимущественно в Эстонию. Здесь за кусок хлеба можно было найти работу и кров у зажиточных крестьян, пока не загнанных в колхозы. Это бегство приобрело массовый характер и продолжалось все последующие годы. В марте 1946 года начальник переселенческого отдела Новгородского областного Совета докладывал зам. председателя этого же Совета Шарову: «Надо отметить, что, несмотря на проводимую политико-массовую работу по вопросу хозяйственного устройства семей ингерманландцев, последние кредита на строительство и приобретение скота из отпущенных сумм не берут, а сидят на своих чемоданах в ожидании, когда их отпустят на родину». Мой отец летом 1945 года ездил в Новгород просить в переселенческом отделе облсовета разрешения на выезд, в чем ему было без объяснения причин отказано. Разрешение выдавали только членам семей участников войны, имевших правительственные награды, а таких было очень мало, так как в «трудовых колоннах НКВД» наград не выдавали.

Весна 1945 года выдалась ранней и дружной. Еще в конце апреля начались весенне-полевые работы. Они выполнялись в Налесках своими силами и средствами. Не помню, чтобы в этом году на полях появился трактор, хотя МТС была недалеко, в селе Гостевщина. Пахали на лошадях в паре с бычками, даже на коровах. Мне бригадир доверил старую клячу и ленивого бычка, показал, как надо пахать, и на этой паре надо было за день вспахать 0,25 га. Работа начиналась с 6–7 утра и с двумя перерывами продолжалась до позднего вечера. Обычно я эту норму выполнял. День Победы также встретил на пашне. На поле прибежал мой брат-школьник и принес из Луговенки весть об окончании войны. В этот день с обеда уже никто не работал. В нашей деревне никаких мероприятий не проводилось, люди радовались, поздравляли друг друга. В Луговенке состоялся митинг, где присутствовали и наши деревенские, но я оставался дома. На следующий день

продолжалась обычная будничная работа в поле. Особенно тяжело было женщинам. Они копали землю лопатами, запрягались в соху или плуг для нарезки борозд на картофельном поле. Для заделки семян яровых или льна тащили борону. Кроме колхозного поля надо было возделывать и свой огород. Ведь от него зависело будущее: вырастут картофель и овощи — будет корм и себе и поросенку, которого держали в каждой семье. Мы также раскопали участок целины около дома, посадили картофель, капусту, другие овощи. Погоды в то лето были благоприятные, и все уродилось на славу. До сих пор в памяти запечатлелось волнующееся под порывами ветра синее цветущее льняное поле. Никогда после этого я не видел подобного зрелища. Подоспел сенокос. Отец в кузнице наладил конную косилку, и ровные, без камней, пожни выкашивались ею. В основном же косили вручную. Утром косьба, днем ворошение и метание стога. Обычно бригадир наверху, а мы ему подаем. Школьники подвозят уложенные на срубленные ольшины кучи сена к стогу. Обычная работа спорилась, и бригадир разрешал нам в порядке поощрения уходить иногда с полдня на «престольный» праздник. Такие праздники отмечались в летнее время в «красные» дни церковного календаря. Почти каждая деревня имела свой праздник, и молодежь принимала в нем самое активное участие. К тому времени религиозное содержание праздников было утеряно, что не удивительно. В округе, да и в Валдае, не было ни одной действующей церкви или часовни, правда, в домах образа сохранились, и старые люди, войдя в дом, крестились на них. Обычным в обращении оставалось пожелание: «Бог в помощь», когда проходили мимо работающего. Но вернемся к праздникам. Как они проводились? Обычно шли босиком, берегли обувь. В лаптях, по крайней мере, из нашей деревни никто не шел на праздник, их носили только на сенокосе. Обувшись, присоединялись к уже гуляющей по деревенской улице молодежи. Представители какой-то крупной деревни шли своей группой во главе с гармонистом и певуньями, исполняющими частушки на мотив «Семеновны». Иногда эти частушки были непросто-душными и задевали честь другой такой же группы. Это могло не понравиться. Начинались пререкания, и какой-нибудь задира, захмелевший от бражки, слово за слово, пускал в ход кулаки. «Наших бьют» — проносится крик, и на помощь спешат односельчане, кто с колом, а кто и с железным прутиком — «тросточкой». Не всегда эти потасовки кончались бегством одной стороны и преследованием ее до околицы деревни. Бывали, и часто, пострадавшие. На следующие дни в деревне только и разговоров было об этих событиях. Поскольку среди нашей деревенской молодежи агрессивных не было, мы оставались наблюдателями со стороны. Конечно, не драки определяли праздник. В каждом доме приветливо и гостеприимно встречали родственников, просто знакомых, не жалея ничего для их угощения «что бог послал». Обязательным ассортиментом была бражка — хмельное, дурманящее зелье, водку редко кто мог покупать, хотя в сельповских лавках она и продавалась. Обычно домой гости попадали не раньше, чем к вечеру второго дня праздника. Здесь на гуляньях завязывались знакомства между парнями и девушками из разных деревень. Каких-то «региональных» междеревенских площадок (как у нас в Ингерманландии), как мне помнится, не было, танцевальных вечеров не проводили даже в сельском клубе Луговенки (возможно, в военное время они были запрещены?) На вечеринки в зимнее время обычно собиралась молодежь одной деревни у кого-то из местных жителей, как я уже писал.

Так проходило наше первое лето в Налесках. Меня все время не покидали думы о будущем. Хотелось продолжить учебу, получить специальность. Летом 1941 года, перед началом войны, я окончил на родине Вохоновскую неполную среднюю школу. Прошло четыре года, многое забылось. Общение с людьми, русскоязычная среда, увлечение чтением литературы — все это положительно сказалось на повышении уровня моего русского языка. Поблизости не было средних учебных заведений, и выбор пал на продолжение учебы в Валдайской средней школе. Этому спо-

собствовало и то, что одна женщина из Налесок, проживающая в Валдае, согласилась взять меня на «постой», если мы обеспечим ее дровами. Родители на это согласились, и привозили по грузовой машине распиленных дров в год.

ШКОЛА

В школу меня приняли сразу. Труднее было с пропиской. Паспорта, и даже метрического свидетельства, у меня не было. Единственный документ — справка об окончании НСШ. Из школы дали справку о зачислении в 8-й класс, и после двух посещений местного начальника Районного отдела милиции мне было выписано временное удостоверение, на котором был поставлен штамп о прописке. По нему же я был поставлен на военный учет как допризывник, получил продовольственные карточки. Помню, что хлеба по ним выдавали 400 граммов в день, иногда отоваривали и талоны на крупу, карамель, селедку. Все основное — картофель, мясо, масло — из дома. Школа, видимо, построена незадолго до войны, светлые классы, спортивный зал. Не помню, чтобы мерзли на уроках, автономная котельная устойчиво обеспечивала теплом. Педагогический состав квалифицированный, особенно запомнились Лидия Васильевна Гурьянова — историк, Татьяна Федоровна Афанасьева — физик, наш классный руководитель, Николай Петрович Курочкин — директор. Ученики — переростки и, казалось бы, от них можно ожидать всякого, но в классе (да и в школе) царил хорошая дисциплина. Никаких школьных buffeтов не помню, у многих с собой были взяты бутерброды, большинство же обходилось без еды. Обычно в 8-м классе было по пять уроков, все они проводились в одном и том же классе. Учебников не хватало, тетради, перья, карандаши, мел выдавались строго по норме. Но все это уже далеко не то, что было в военное время, когда школьники вместо тетрадей использовали обрывки любой бумаги. В школе иногда проводились вечера для старшеклассников, но я на них присутствовал редко, так как выезжал на воскресенье к родителям. В субботу после занятий успевал на псковский поезд, которым следовал до станции Любница (километров около 30), откуда пешком через деревни Дубровка, Милятино, Высокуша добирался до Налесок. Здесь уже ожидала нагретая баня, стоявшая на берегу речки. Воскресенье проходило быстро на маминых харчах, и поздно вечером, с котомкой за плечами — обратно по тому же маршруту к поезду. Поезд отходил со станции в два часа ночи, и было очень уютно выходить в ночь из дома. Небезопасно и в поезде. Он заполнен «мешочниками», людьми, которые везли из Эстонии продукты, обмененные на какой-то товар. За ними охотилась всякая «шантрапа», бандиты, карманники. В поезде обычно ехали и военные, которые часто спасали «мешочников» от грабителей, иногда применяя оружие. Никаких проводников в вагонах не существовало, не помню, чтобы кто-то проверял и билеты. Как только оттаивали дороги от снега, это путешествие в Валдай я совершал на велосипеде через село Яжелбицы. Шоссе Ленинград-Москва ровное, асфальтированное, но довольно пустынное. Редко когда проезжала автомашина, чаще можно было встретить конную повозку.

В Валдае я сдружился с двумя одноклассниками — Виктором Лукиным и Александром Васильевым. Нередко бывал у Лукиных, живущих в своем уютном деревянном домике недалеко от вокзала. Мать Вити — добрая, потерявшая на войне мужа женщина — всегда приглашала попить чаю, иногда и поесть. В свою очередь моя мать всегда посылала какую-нибудь выпечку, кусок мяса Лукиным. С Виктором мы были в переписке до 1956 года. Он после окончания Пушкинского сельскохозяйственного института был распределен на Сахалин, где работал в одном из совхозов агрономом. Потом его следы затерялись. Саша после окончания военного училища служил в Западной группе войск в ГДР, переписка с ним тоже в конце 60-х годов прекратилась.

В школе мне нравились гуманитарные предметы, особенно

история. Они давались сравнительно легко, а вот точные — с трудом. Это было время, когда в воздухе витал дух Победы, люди жили надеждами на лучшее. Конечно, и школьные программы были пропитаны соответственным духом патриотизма. Идеализировались те писатели, деятели науки и культуры царских времен, в которых составители программы находили бунтарский дух, и которые звали Русь «к топору». Совсем в программу литературы (8 и 9 классов) не были включены произведения сегодня почитаемых писателей — Достоевского, Есенина, Мережковского, Цветаевой, Ахматовой.

Хотя война закончилась, одним из основных предметов в школе оставалось военное дело. Лето 1945 года ребята из нашего класса провели в военно-спортивном лагере под городом Боровичи на берегу порожистой реки Мста. Жили в палатках, пищу нам готовили на полевой кухне, маршировали, ходили с картой в походы, учились приемам рукопашного боя, сдавали нормативы комплекса ГТО, купались в быстрой Мсте. Здесь я был принят в комсомол и получил в горкоме членский билет. В начале августа приехал домой. Колхозом с весны управлял другой председатель. Антон Рыжов был демобилизован из армии по инвалидности. На войне он потерял ногу и носил грубо сколоченный протез. Это не мешало ему с раннего утра носиться по деревне и буквально выгонять на работу и старых и малых. В деревню вернулось несколько мужчин, государство передало четыре или пять списанных с армии лошадей, на поле появились и трактора. Колхоз начал оживать, но люди были недовольны председательской жесткой требовательностью, роптали, писали жалобы. Это задевало самолюбие председателя, который, не жалея себя и своих сил, пытался поднять колхоз. В начале весны он хотел запретить моему отцу помогать соседним колхозам (в деревнях Житно, Селилове) отремонтировать сельхозинвентарь, выполнять другие кузнечные работы. В 1945 году отец эти работы выполнял и получал за работу оплату зерном, что нам сильно помогло выжить, да и обеспечить мою учебу. Только угроза отца переселиться в другой колхоз подействовала, и они договорились, что в первую очередь будут выполняться все кузнечные работы в Подберезье.

1947 год наша семья встречала в Подберезье. Надежды на возвращение на родину не было никакой. По доходящим оттуда сведениям власти выселяли и выселяют всех, приезжающих легально и нелегально. Лишь спустя 40 лет мы узнали, что это выселение проводилось в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР (№5211-рс от 7 мая 1947 года), подписанным И. Сталиным. В нем лицам финской национальности запрещалось проживание в городе Ленинграде и Ленинградской области, местностях I категории (крупные города, приграничные территории). В их паспорта органы МВД обязывались внести пункт, что паспорт выдан на основании ст.38 Положения о паспортной системе.

К весне 1947 года в окрестных деревнях не оставалось почти никого из наших земляков. В мае и наша семья выехала в Эстонию, где уже больше года работал у зажиточного хозяина мой младший брат. Родители с тремя детьми устроились работать в подсобном хозяйстве Раквереского промкомбината. Я оставался в Валдае до окончания 9 класса, и в середине июня также выехал к семье.

На Новгородчине мы прожили два с половиной года. Это были трудные, но вместе с тем интересные годы — годы моей молодости. С большой благодарностью я вспоминаю жителей колхоза Подберезье, с кем мы вместе выживали в трудные военные и послевоенные годы, коллектив педагогов и одноклассников Валдайской средней школы за доброжелательное отношение к нам, людям неблагонадежным и находившимся в опале у властей. Низкий вам поклон.

Людия ГЛЫЗИНА

ФОТОГРАФИЯ НАЧИНАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ

Недавно в Кирилло-Белозерский музей-заповедник поступил снимок, сделанный 80 лет назад в новгородском фотозаведении А. Глазачева. Фотография (20,5х29,5 см) наклеена на картон серого цвета, над ней – полоска бумаги с печатным текстом: «1-ое Новгородское епархиальное собрание представителей клира и мирян 1918 года», а в нижней части – рукописная надпись: «Божие благословение Леониду Ник. Церковнику. Митрополит Арсений». Этот исторический фотоснимок подарил музею житель города Кириллова Константин Сергеевич Церковник, внук одного из участников собрания, представлявших Кирилловский уезд Новгородской губернии.

«Новгородские епархиальные ведомости» за 1918 год содержат довольно подробную информацию о подготовке и проведении собрания представителей клира и мирян Новгородской епархии. В апрельском выпуске (№8) была опубликована «Программа вопросов, подлежащих обсуждению в Епархиальном собрании, имеющем быть в Новгороде с 15 июня 1918 года». Она включала 12 разделов, касающихся жизни епархии и ее учреждений в условиях отделения церкви от государства. Собранию в губернском городе предшествовали уездные собрания.

Епархиальное собрание открылось 15 июня (все даты по старому стилю) в Деревяницком монастыре. В работе собрания принимали участие митрополит новгородский Арсений, епископ тихвинский Алексей, епископ Димитрий, настоятель старорусского монастыря, и епископ кирилловский Варсонофий. 17 июня, в воскресенье, Владыка митрополит с преосвященным Варсонофием, по просьбе участников епархиального собрания, служил в Деревяницком монастыре литургию. 22 июня митрополит Арсений совершал литургию и молебен в монастыре преподобного Варлаама Хутынского. Вместе с митрополитом служили епископы Алексей, Варсонофий и Димитрий. Все они запечатлены в центре фотографии: митрополит Арсений в белом клобуке, слева от него (через человека) – епископ Кирилловский Варсонофий.

Некоторые сведения о митрополите Арсении содержатся в Полном православном богословском энциклопедическом словаре, изданном П.П. Сойкиным в 1910-е годы. Духовное образование он получил в Кишиневской семинарии и Киевской Академии. В 1895 году удостоен степени магистра и назначен инспектором Новгородской семинарии. В следующем году, по принятии монашества, определен ректором той же семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1904 году за диссертацию удостоен степени доктора церковной истории, в 1907-м возведен в сан архиепископа и в 1910-м возглавил Новгородскую епархию. Имя митрополита Арсения упоминается в письмах, отправленных в 1922-27 годах И.И. Бриллиантовым, историком Ферапонтова монастыря, к своему брату. До автора писем, жившего недалеко от Ферапонтова, дошли сведения, что митрополит Арсений после 1918 года был сослан в Холмогоры, а в конце 1920-х годов снова жил в Новгороде. Письма опубликованы в IV выпуске «Ферапонтовского сборника» (1997 г.). В «Указателе имен» этого сборника называется мирское имя и годы жизни митрополита Арсения – Стадницкий Авксентий Георгиевич (1862-1936).

Данный фотоснимок был, вероятно, последним для епископа Кирилловского Варсонофия: через два с половиной месяца со дня начала работы епархиального собрания владыка был расстрелян. В сентябре 1998 года исполнилось 80 лет со дня его трагической гибели.

Епископ Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев) родился в 1871 году в селе Старухино Боровичского уезда Новгородской губернии в многодетной семье псаломщика. В 1894 году он

закончил Новгородскую духовную семинарию и был определен помощником епархиального миссионера. 1 апреля 1895 года В.П. Лебедев был пострижен в монашество в Антониевом монастыре с именем Варсонофий. Вскоре он был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха, и стал одним из епархиальных миссионеров. За продолжительную и усердную службу на миссионерском поприще в 1909 году отец Варсонофий был возведен в сан архимандрита. Его заслуги были отмечены орденами св. Анны II степени (1912) и св. Владимира IV степени (1916).

В декабре 1916 года он был назначен викарным епископом Кирилловским и одновременно архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря. 31 января 1917 года звон «Моторы», знаменитого колокола монастыря, возвестил о прибытии нового владыки. Но недолгой оказалась его деятельность на кирилловской земле. Реставратор древнерусской живописи А.И. Анисимов 4 сентября 1918 года сообщал в письме к И.Э. Грабарю: «В эту субботу был арестован епископ Варсонофий в момент возвращения со мною в экипаже из Горы. На рассвете следующего дня он был выведен с игуменей Ферапонтова монастыря, двумя горожанами и двумя крестьянами в поле и расстрелян. Расстрел произвели присланные из Череповца красноармейцы». Далее Александр Иванович писал: «За те недели, что я здесь, я не замечал со стороны Варсонофия какого-либо вмешательства в политику: он занят был только церковными делами, хозяйством монастыря и был всегда прост, ровен и внимателен к запросам и требованиям местного совдепа».

День казни был выбран не случайно. В этот же воскресный день на Торговой площади Кириллова состоялись торжественные гражданские похороны коммуниста А.Ю. Костюничева, «предательски убитого из-за угла контрреволюционерами». Кто именно совершил убийство, до сих пор неизвестно. Но логика гражданской войны ужасна: жестокость порождает еще более страшную жестокость, убийство одного вызывает убийство многих. В сентябре 1997 года на предполагаемом месте расстрела шестерых представителей клира и мирян Кирилловского уезда, бездоказательно обвиненных в контрреволюционной деятельности, впервые состоялась панихида.

Думается, Л.Н. Церковнику было небезопасно хранить групповую фотографию с расстрелянным епископом. Но она была ему дорога, и он ее сберег на память потомкам.

Тогда, в 1918 году, из Новгорода Леонид Николаевич возвращался в Кириллов с тяжелым чувством тревоги: ведь Епархиальное Собрание было вынуждено принять печальное решение о временном закрытии, за недостатком средств, семинарий и духовных училищ. Это решение касалось его лично: ведь уже 26 лет жизни было отдано преподаванию в Кирилловском духовном училище. Получив образование в Вологодской семинарии и Московской Духовной Академии, Л.Н. Церковник преподавал в Кириллове не только греческий и латинский языки, но и историю, и русский язык, и пение. Он был членом епархиального училищного совета, членом правления и делопроизводителем училища.

Преподавание в духовном училище считалось государственной службой, и, начав ее с чина коллежского асессора (VIII класс по «Табели о рангах»), Л.Н. Церковник дослужился до звания статского советника (V класс); «за усердную и беспорочную службу» был награжден тремя орденами: святого Станислава третьей (1903) и второй (1912) степеней, святой Анны третьей степени (1905). Преподавание в училище Леонид Николаевич успешно сочетал с общественной деятельностью: он участвовал в благотворительных концертах, был членом педагогического кружка, объединявшего интеллигенцию уездного города, входил в состав Кирилловской пчеловод-

ческой артели и некоторое время даже исполнял обязанности ее председателя. В 1906 году Л.Н. Церковницкий был награжден медалью Красного Креста в память его участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904-1905 годов. Активную роль в благотворительных делах играла жена Леонида Николаевича Антонина Константиновна, урожденная Ровенская, из города Боровичи. Одним из увлечений семьи Церковницких было цветоводство и садоводство.

После закрытия Кирилловского духовного училища Л.Н. Церковницкий работал учителем в школе I степени города Кириллова. С ноября 1920-го по сентябрь 1927 года состоял на службе в Кирилловском уездном отделе народного образования. С 1 сентября 1927 года, в виду упразднения должности секретаря УОНО в связи с районированием, Церковницкий был перемещен на должность делопро-

изводителя в Кирилловскую школу II степени, но затем из-за сокращения сметы школы на 1927-28 учебный год и эта должность была упразднена. В ноябре 1927 года Леонид Николаевич стал хлопотать о назначении пенсии, и в 1930 году, после неоднократных заявлений в Череповецкий окружной исполком Ленинградской области (с 1927 по 1937 годы Кириллов входил в состав этой области), пенсия ему была назначена.

Л.Н. Церковницкому удалось пережить политические репрессии 1930-х годов. Он скончался в 1942 году в Кириллове. Многие фотографии, документы, книги и вещи из дома Церковницких стали интереснейшими экспонатами Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Возможно, кому-то из читателей журнала «Чело» фотография 1918 года знакома, и она с их помощью продолжит свой рассказ о судьбах запечатленных на ней людей.

В центре в белом клобуке — митрополит Арсений; слева от него — епископ Тихвинский Алексей (Симанский), будущий Патриарх Московский и Всея Руси; слева от Алексея — епископ Кирилловский Варсонофий. Л.Н. Церковницкий — крайний справа во втором снизу ряду

Ирина САВИНОВА

ВОЗВРАЩЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Эта фотография, присланная из города Кириллова Вологодской области, возвращает нам одно из памятных событий в истории Новгородской епархии. Надпись на фотографии зафиксировала время действия: 1918 год.

У запечатленного события имеется своя предыстория. Как известно, в ноябре 1917 года в России было восстановлено патриаршество, а в феврале 1918 года Священный собор Русской Православной Церкви вынес определение о новом по-

рядке епархиального управления. Высшим органом назначалось епархиальное собрание, при содействии которого правящий архиерей осуществлял руководство епархией. Эти собрания составлялись из клириков и мирян в равном числе и избирались на 3 года. Помимо очередных собраний могли созываться чрезвычайные — в случае надобности.

Между собраниями управление осуществлялось епархиальным советом, состоявшим из выборных членов. Постановлением Святейшего Патриарха и Высшей церковной власти от 6 марта 1918 года епархиальным архиереям было предложено «озаботиться созывом не позднее мая текущего (1918) года экстренных епархиальных собраний для обсуждения вопросов о положении Церкви при новых условиях ее жизни, о пре-

образовании епархиального управления, о духовно-учебных заведениях и др...» Рекомендовалось провести экстренные собрания не позднее 14 июля.

В Новгороде подготовка к епархиальному собранию началась 16 марта 1918 года. Консистория получила от митрополита Арсения поручение «заняться выработкой программы Епархиального собрания». Состоялось собрание 28 июня 1918 года. Было оно не столь многочисленным, как предполагалось. Объяснялось это трудностью переживаемого периода. В протоколе одного из собраний благочиннического округа так и пояснялось: «...представить от округа только двух уполномоченных – одного от клира и одного от мирян – дабы избежать больших расходов на путевые издержки и довольствие представителей».

Новгородский епархиальный совет просуществовал до сентября 1920 года, и увечеченное собрание оказалось единственным в его истории.

Наше внимание сразу же привлекает фигура в центре фотографии. Прежде всего на голове у этого священнослужителя белый клобук – головной убор митрополита. Его собственноручная подпись под фотографией придает снимку особую ценность. Митрополит Арсений (Авксентий Георгиевич Стадницкий) занял новгородскую кафедру в декабре 1910 года. Он внес значительный вклад в культуру новгородской земли, в сохранение ее исторического наследия. По его инициативе и при самом активном участии в январе 1913 года было открыто Новгородское церковно-археологическое общество, основной задачей которого было изучение и сохранение церковных памятников. При обществе было создано Древлехранилище, в котором были собраны главным образом древние новгородские иконы. В годы советской власти они были перемещены в Государственный музей и составили основу его коллекции иконописи. Епархиальный дом, построенный по инициативе митрополита Арсения в декабре 1912 года (нынешнее здание филармонии), стал центром религиозно-нравственного воспитания новгородцев. В ноябре 1917 года архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений участвовал в работе Поместного собора Православной Церкви и был избран в число трех кандидатов на патриарший престол. В том же году рукоположен в сан митрополита. В 1922 году митрополит Арсений был привлечен к судебному процессу над патриархом Тихоном, после которого был выслан в Среднюю Азию – сначала в Ашхабад, затем в Ташкент. До 1933 года владыка оставался правящим архиереем Новгородской епархии, а также членом Священного Синода. После смерти митрополита Ташкентского Никандра митрополит Арсений возглавил Среднеазиатскую кафедру. Он скончался 10 февраля 1936 года и похоронен в Ташкенте.

Слева от владыки сидит человек, имя которого навсегда вошло в историю Русской Православной Церкви: в сане епископа Тихвинского мы видим Алексия (Симанского) – будущего Патриарха Московского и Всея Руси.

В отличие от владыки Арсения, сына сельского священника, Сергей Владимирович Симанский был сыном камергера Императорского двора. Он поступил в Московскую Духовную Академию, закончив перед этим юридический факультет университета, и в 1902 году принял монашеский постриг о именем Алексия. Лучшие годы его жизни были связаны с Новгородской землей: в 1911-м он возглавил духовную семинарию, 28 апреля 1913-го в церкви Входа в Иерусалим состоялась его хиротония во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. В последующие годы он был верным помощником своему духовному наставнику – митрополиту Арсению.

После революционных событий епископ Алексей три года провел в ссылке в Усть-Каменогорске, по возвращении был временно управляющим Новгородской епархией, с 1933 по 1945 годы – митрополитом Ленинградским и Новгородским. 4 февраля 1945 года митрополит Алексей избирается Патриархом Московским и Всея Руси. Скончался Святейший Алексей 17 апреля 1970 года. Он похоронен в Троице-Сергиевой Лавре.

Самый короткий и трагический путь выпал епископу кирилловскому Варсонофию (на снимке слева от будущего Патриарха). Владыка (в миру – Лебедев) родился в 1873 году в семье мошенинского священника. Через год после окончания Новгородской духовной семинарии, в 1895-м, принял монашеский постриг. Пятнадцать лет Варсонофий прослужил епархиальным миссионером-проповедником. Его пламенные речи о Православии, о судьбе святителей русских, о ценностях христианской веры можно было слышать и в губернских залах, и в сельских церквях отдаленных приходов.

Шесть лет в сане архимандрита Варсонофий провел в Казанском Спасо-Преображенском монастыре, будучи его настоятелем. В январе 1917 года он вернулся в Новгород и на второй день Рождества Христова был хиротонисан во епископа Кирилловского. На этой фотографии запечатлен один из последних радостных моментов в жизни владыки: через два с небольшим месяца – 15 сентября 1918 года – он вместе с игуменей Ферапонтова монастыря Серафимой (Сулимовой) будет расстрелян каким-то отрядом красновардейцев. Ни суда, ни следствия по этому преступлению не проводилось.

Известно, что епископа похоронили неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. В шестидесятые годы, во время очередного натиска на Церковь, на месте могилы был построен свинарник. Дальнейшая судьба этого захоронения пока не установлена. Что касается остальных участников собрания, то их судьбу можно установить после длительного архивного поиска.

ЖИВЫЕ ПИСЬМА

Было это в 1951 году. Появился в Новгороде чуждак, который говорил, что думал, писал друзьям письма о жизни, себе, России. И самозабвенно писал акварелями храмы Новгорода. Среднего роста, плотноватый, с круглым солнцобразным лицом, неизменной тюбетейке летом и вязаной скуфейке зимой, знаемый всеми в Новгороде и ставший его неотъемлемой частью, он жил только своим делом и своим прекрасным творчеством, позволившим нам, живым, видеть святыни, запечатленные красками и акварелями на холсте. Храмы в его работах звенят тихим звоном колокольным, жалуются, как люди, на нищету и убогость, плывут в серое новгородское небо теньями из небытия.

Он оставил потрясающее количество работ, щедро, иногда безразборно дарил он свои шедевры друзьям и просто попутчикам, людям различных профессий, иногда очень далеким от искусства.

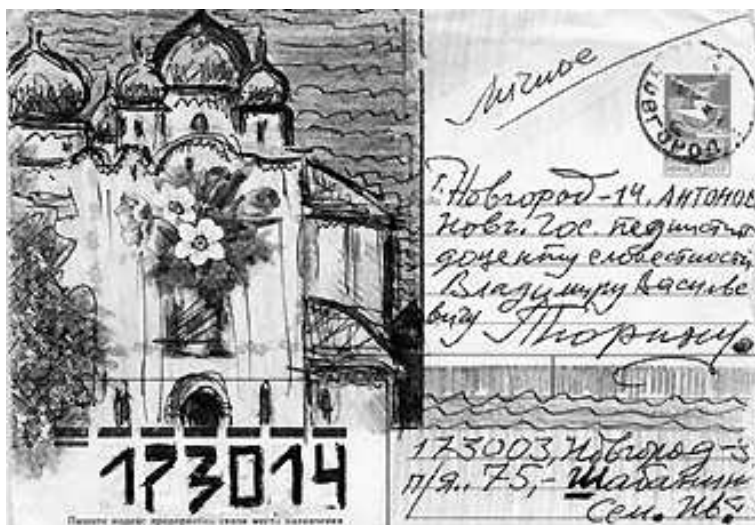
И сегодня очень трудно собрать воедино все его наследие, в которое включаются не только его чудные картины, но и письма... Послания свои он писал даже живущим рядом новгородцам, справедливо полагая, что письмо, подробное и щедрое на слово и мысль, будет намного любезнее телефонного звонка, с непременно «привет» и «ну, как?» И меня, преподавателя тогдашнего педагогического института, он одарил и письмами, и своими живописными работами. Как ценнейшую реликвию храню я прекрасную большого формата его акварель «Антоний Римлянин. XII век».

Верующие перестали быть изгоями, зазвучали колокола, не боясь преследований пошли в новгородские храмы христиане, понесли крестить детей своих, стали свободно творить молитву и присутствовать на церковных службах. Акварели Пустовойтова наконец-то стали граждански равноправными с другими произведениями живописи. Церкви, церквушки, храмы, монастыри Новгородчины зазвучали на стенах выставочных салонов, учреждений. Был создан своеобразный музей работ Семена Ивановича Пустовойтова в Центре музыкальных древностей, которым руководит Владимир Иванович Поветкин. Работы, отданные друту на хранение, беспритязательно хранятся на стенах музыкального центра. Их могут посмотреть и родственники, и друзья, и приезжие иностранцы. В музее, на постоянно действующей выставке, звучит храменная музыка, о каждой картине рассказывается. Здесь часто собираются те, кто знал художника, и часами, иногда полночь, говорят о нем, его творчестве, его непростой жизни.

Увы, Семен Иванович не дожил до времени, когда вернули

нашему городу его историческое название – Великий Новгород. Но его вклад в утверждение величия прошлого Новгорода – неоспорим и значителен.

Пик нашей переписки с Пустовойтовым падает на 74-75-й годы. Прекрасная форма обращения к адресату: «глубокоуважаемый», «дорогой», без «пока» и «привет». И сразу – о деле. Вот письмо от 15.03.74 г. «Только что встретил Алентьева и Стукова, они сказали, что Журавлев устраивает выставку их работ в пединституте и было бы кстати прихватить больше их работ... И хорошо бы каждого расположить к беседе о своем творчестве... Я принял посильное участие в организации этой выставки...» Затем в этом же письме Семен Иванович просит меня организовать серию встреч с вышеназванными художниками и «вытащить» на эти встречи «генералиссимусов искусства Гребенникова и Поветкина». «Это будет, – пишет он, – апофеоз будущего и удивление настоящего, так как они уже вторглись в космические пределы искусства». Да, он был, видимо, первым,

кто разглядел потрясающий талант Владимира Гребенникова и как живописца и как мастера деревянной скульптуры. Он был первым, кто увидел страннопрекрасный творческий мир Владимира Поветкина. Оба они были его путеводительными звездами в этом мире, трепетно называл он их «генералиссимусами искусства». Но сам Пустовойтов, несомненно отмеченный Божьей печатью, как бы в недоумении останавливался перед творчеством двух талантов – Гребенникова и Поветкина. Есть такая фраза в одном из его писем ко мне: «Они – загадка!» А вот письмо С.И. с приглашением на выставку Анатолия Васильевича Шибанова. «Это один из наиболее аналитических и цельных, совсем молодой художник, его этюды, его рисунки, его натюрморты и фигуры людей... Он не увлекается

подражанием ни богам прошлого, ни балету настоящего кривляния...» Выставки художников проходили или в кремле, или в худфонде. Семен Иванович очень хотел сделать меня «глашаемым-заступником» новгородских мастеров живописи, графики..., которых, как он мне писал, «чаще награждают презрением, а это существенный тормоз и тормозит реализовать работы художников».

Одно письмо хочу привести полностью. «Глубокоуважаемый и Дорогой Владимир Васильевич! Очень благодарен Вам за горячее участие в моей судьбе; перед Вами в долгу только я, а не Вы, а посему я буду неуклонно работать, а когда накопится много интересных работ, я Вам их покажу, а смотр будет у нас, т.к. все, что я хочу Вам показать, мне не унести... До моей персональной выставки еще 7 лет, а сейчас мне всего 53 годика».

В письме без даты (но год 1974-й) автор высказывает радость, что «реставраторы с большим блеском дореставрируют вотчину пиита (Державина) и ставят вопрос о перезахоронении Его останков в Хутины, к останкам его верной супруги...» При жизни самого Семена Ивановича произошло перенесение останков Державина и его супруги из сада перед Грановитой палатой кремля в склеп Хутынского монастыря, где поэт и завещал похоронить его. Здесь же, в письме, Семен Иванович опровергает гнусную «байку» о себе: «Пустовойтов выслан из Москвы и в Новгороде отбывает срок наказания...» Я здесь с 17 сентября 1951 года и не думаю в Одессу. На обороте конверта письма – рисунок Одесского театра оперы и балета (Семен Иванович закончил Одесское художественное училище).

Одно письмо, но уже 23 ноября 1986 года, Семен Иванович начинает восторженными стихами в мой адрес (их приводить не буду) и приглашает на свою выставку «Древний Новгород», которая шла в кремле, в здании музея уже «более месяца». «Вас ждет 17 акварелей 1980-1986 годов из коллекции Поветкина, а о нем: «Огонек», №39 – сентябрь, 1986 г., страницы 26, 27, 28 с его портретом».

Не удержался от теплых слов в адрес Владимира Ивановича Семен Пустовойтов и в другом письме (1983, 6-7 января): «5 января в числе 4-х человек мы вошли в Дом Поветкина и узнали, что он более 12 дней был в Таллине, где, как Никколо Паганини, давал концерты, привезя сотни фото, где он: то Шота Руставели, то пророк, то просто Лель и другие образы ушедших народных ритуалов».

Помню, что на концерты Поветкина в Таллине широко и по-теплому откликнулась «Новгородская правда». Тут же, в письме, Семен Иванович советует поспособствовать тому, чтобы В.И. Поветкин дал концерт и в педагогическом институте.

Открытки Семена Ивановича – менее пространны, кратки и лаконичны. В одной (1975, 19 марта), ссылаясь на разговор с главным редактором Областного радио Виктором Трояновским (ныне он корреспондент ИТАР-ТАСС по Новгородской области), просит меня «давать корреспонденции о выставках в Новгороде». И снова – речь не о себе, а о других, об их выставках, забота о художественной культуре!

Призыв писать о выставках, пропагандировать их звучит и в другой открытке (1975, 3 апр.): «Эпидемия выставок продолжается... уже висят картины Федорова (Худфонд, ул. Л. Толстого)... а за стендами выставки ждут работы Виктора (фамилию забыл)... но эти двое скромные и высшего образования не имеют, рядовые.» Следующее послание ко мне (1975, 4-5 апр.) уже принципиально концептуальное, выражающее абсолютно точную и глубокую мысль «об учебе» художников: «Выставка второго художника после Федорова – Елисеева Виктора. Он очень проникновенно углубился в натуру и стал ее... рабом. Елисеев говорил, что в Новгороде нет художников, у которых можно учиться, как будто учатся только в своем хлеву!?»

Приближалась годовщина Победы над фашизмом – тридцатилетняя. И опять – призыв посетить выставку (1975, апр.). И только вскользь Семен Иванович – о себе: «...на ней и моя одна часть триптиха «Новгород» – «Огонь воспоминаний». Солдат, участник войны, конечно же Семен Иванович не мог обойти военную тему. До конца дней в сердце, в душе художника-фронтовика горел огонь памяти о том страшном и героическом времени.

И последняя открытка (1975, 3 марта) – тоже с призывом посетить выставку: «...7-8-9 марта в помещении худфонда, ул. Л. Толстого, 11, выставка трех художников-мухинцев, непре-

менно, прошу Вас, найти время ее посетить, там они сами будут дежурить, давая пояснения».

Замалчиваемый, критикуемый «сверху», «чужаковатый» с точки зрения обывателя, нищий, в конце жизни Семен Иванович обрел статус безоговорочно уважаемого и почитаемого художника и человека. Он получил диплом и статус Почетного гражданина Великого Новгорода. Поздновато, но все-таки мы опомнились.

Я удостоился чести дружить с Семеном Ивановичем едва ли не на протяжении сорока лет. Увы, в последний, уже неземной путь, мне не удалось его проводить. Но пусть эта моя статья о нем станет скромным цветком на месте его вечного упокоения.

Рисунки на конвертах С.И. Пустовойтова

зыбка

Тамара СИГАЛОВА

МОИМ ВНУКАМ ПАВЛУ И МАТВЕЮ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Улыбнитесь мне перед сном,
 мои мальчики,
 Пусть приходит добрая ночь
 на реснички и пальчики.
 Пусть приснится
 цветов хоровод,
 в небе ярко расцвеченный,
 Пусть вас за руки уведет
 В бесконечное.
 В ту страну,
 где живет Айболит,
 где дома, как вы сами –
 малые,
 где спасут от зла и обид
 руки мамыны.
 Улыбнитесь мне перед сном,
 бабушке старенькой.
 Ходит ночью по дому гном,
 зажигает фонарики.

РАЗГОВОР С ЦВЕТКОМ

Я тебя понюхаю?
 Сморщу нос как следует.
 Ты не обижайся,
 Ручками потрогаю?
 Ласково, ласково
 Ты не закрывайся.
 Ладонь похлопаю?
 Нежно, нежно.
 Сло-мал-ся.

ВСЕ СПЯТ

Это – мама.
 Это – папа.
 Это – Рыжик – кверху лапы.
 Это – Вита – пуделиха.
 В доме тихо,
 тихо,
 тихо.
 Только я не сплю –
 мечтаю,
 А о чем – и сам не знаю.

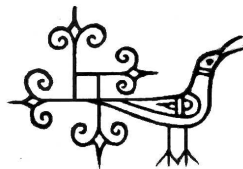
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Очень труден первый шаг
 От стола к дивану.
 Из-под ног огромный шар
 Покатился в ванную.
 Рыжий кот, такой огромный,
 заслонил дорогу.
 Ой, откуда этот грохот?
 Не поднять мне ногу.
 Потолок другим вдруг стал..
 Может это я упал?

ГДЕ ЖИВЕТ СОЛНЫШКО?

У неба на доньшке?
 У козы на рожках?
 У меня в ладошках?
 А может в ресницах мамыных?
 Не пойму... я – маленький.

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Владимир ВАРНАЕВ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.
Лидия ГЛЫЗИНА, зав. отделом истории Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Александр ГРЕКОВ, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Великого Новгорода.
Валентина ГРЕКОВА, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Великого Новгорода.
Инна ГРИГОРЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории НовГУ.
Татьяна ДАНЬКО, зав. отделом использования документов ГАНО.
Иван ИВАНОВ, писатель, член Союза писателей России.
Владимир ИСАКОВ, ответственный секретарь ИАЦ НовГУ.
Александр ИСАЧЕНКО, (1910-1978), доктор филологических наук, профессор университета в Клагенфурте (Австрия).
Валентина КОВАЛЕВА, искусствовед, заслуженный работник культуры России.
Сергей ЛОБАЧЕВ, выпускающий редактор журнала «Санкт-Петербургский университет», кандидат исторических наук.
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ, реставратор.
Наталья МОРЫЛЕВА, библиотекарь НовГУ.
Иван МУЛЛОНЕН, председатель Ингерманландского союза финнов Карелии.
Ирина НАЗАРОВА, аспирантка кафедры зарубежной литературы Гуманитарного института НовГУ.
Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театралов России, старший редактор журнала «Чело».
Андрей РИСКИН, журналист, собственный корреспондент «Независимой газеты» по Новгородской и Псковской областям.
Валентина РУКАВИЧНИКОВА, зав. кабинетом литературы филологического факультета Гуманитарного института НовГУ.
Ирина САВИНОВА, член Союза журналистов России, архивист.
Николай САЛОНИКОВ, аспирант кафедры Всеобщей истории, ведущий библиограф НБ НовГУ.
Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».
Владимир ТЮРИН, профессор НовГУ, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России.
Йозеф фон ЭЙХЕНДОРФ, немецкий поэт XIX вв.
Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, г. Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева улица), д. 6/64
Телефон: (816 22) 7-57-84. E-Mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Рег. номер 013934.
Подписано в печать 11.99. Заказ № .
Бумага 80 г/м². Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке и рубрики Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816 22) 27-683

*Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

Над номером работали:
Главный редактор - Тамара СИГАЛОВА
Старший редактор - Алексей ПШАНСКИЙ
Инженер-программист - Ирина АЛЕКСАНДРОВА
Художник - Геннадий СЕНЕЧКО
Корректор - Наталия ПУНЖИНА